НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
Н. О. ЛОССКАГО и Э. Л. РАДЛОВА.

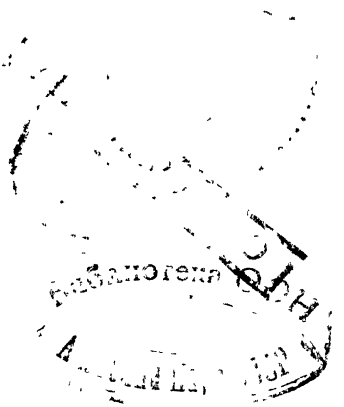
СБОРНИКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Методы психологіи I.

Изд-ство „ОБРАЗОВАНІЕ“ СПБ.
1913.

Пров 38

853
39

Типографія Л. Я. Ганзбурга, Мытнинская ул., д. 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Э. Л Радловъ. Самонаблюденіе въ психологіи 1

Г. И. Челпановъ. Объ экспериментальномъ методѣ въ психологіи 12

Г. П. Зеленый. Современная біологія и психологія 40

А. Ѳ. Кони. Психологія и свидѣтельскія показанія 67

Г. Геймансъ. Методы спеціальной психологіи 103

Э. Л. Радловъ.

Самонаблюденіе въ психологіи.

Психологія, въ отличіе отъ наукъ, изслѣдующихъ объективный міръ и почерпающихъ свой матеріалъ изъ наблюденія надъ данными нашихъ внѣшнихъ чувствъ, имѣетъ дѣло съ внутренними переживаніями, доступными лишь самонаблюденію. Утверждать, что основной методъ психологіи есть самонаблюденіе—значитъ, въ сущности, высказывать самоочевидную истину, между тѣмъ многіе изслѣдователи отрицали всякое значеніе у самонаблюденія, какъ научнаго метода, и нельзя сказать, чтобы основанія, которыя они приводили въ пользу своего отрицанія, не имѣли значенія. Безъ самонаблюденія психологія невозможна, но она была бы столь же невозможной, если бы самонаблюденіе было единственнымъ методомъ ея и не могло подлежать провѣркѣ другихъ, болѣе надежныхъ способовъ пріобрѣтенія достовѣрнаго знанія. Пироговъ въ своихъ „Вопросахъ жизни“ очень хорошо указалъ на трудности самонаблюденія: „Мы не можемъ выйти изъ заколдованнаго круга при всѣхъ нашихъ усиліяхъ опредѣлить точнѣе наше субъективное индивидуальное бытіе. Въ общихъ чертахъ оно тождественно для всего человѣчества, имѣетъ многія общія черты и съ субъективизмомъ другихъ животныхъ. Но это сходство проявляется объективно только тремя путями: голосомъ (звукомъ), словомъ (членораз-

дѣльными звуками) и движеніемъ (прямымъ и рефлективнымъ). Всѣ наши опыты и наблюденія надъ проявленіемъ субъективнаго индивидуальнаго бытія человѣка и животныхъ не имѣютъ другихъ критеріевъ. Но если всѣ они, несмотря на пріобрѣтенныя посредствомъ ихъ вліянія знанія, ненадежны, сомнительны, двурѣчивы, то еще менѣе прочны тѣ наши свѣдѣнія, которыя мы пріобрѣли чисто субъективными наблюденіями" [1]).

„Не въ правѣ ли же я былъ", говоритъ Пироговъ далѣе, „заключить, что въ отношеніи нашей субъективной индивидуальности мы, дѣйствительно, стоимъ въ заколдованномъ кругу. Съ одной стороны, объективные критеріи для ея разслѣдованія (голосъ, слово, движеніе) ненадежны, неясны и двусмысленны; а съ другой стороны, субъективные — ненормальны до того, что, употребляя наше сознаніе и мысль для изслѣдованія сознанія же и мысли, мы рискуемъ потерять и то, и другое. Въ самомъ дѣлѣ, кто поручится за ясность и нормальность мышленія у наблюдателя, направляющаго безпрерывно все вниманіе и мышленіе на то, напримѣръ, чтобы прослѣдить начало и прохожденіе мысли въ сознаніи, кто поручится, что подмѣченное совершилось въ наблюдаемомъ, а не въ наблюдающемъ?.. Еще гораздо труднѣе, ненормальнѣе и сомнительнѣе дѣло, когда мы беремся судить о нашемъ Я, другими словами — о нашемъ лично сознательномъ ощущеніи бытія, мысли и, вообще, о присутствіи въ насъ субъективнаго начала со всѣми его (психическими) свойствами. Въ этомъ случаѣ,— если правильно мое сравненіе нашего Я съ музыкантомъ, играющимъ одновременно на нѣсколькихъ инструментахъ,—оно, наше Я, начинаетъ играть, не бывъ виртуозомъ, на одномъ изъ нихъ исключительно и дѣлаетъ, конечно, fiasco" [2]).

[1]) Пироговъ Сочиненія. Томъ I, стр. 85 (изданіе 1887 г.).

[2]) Ibid., стр. 86–87.

Пироговъ прекрасно назвалъ положеніе, въ которомъ находится психологія, заколдованнымъ кругомъ.

Дѣйствительно, объективные методы изслѣдованія психическихъ явленій сами по себѣ шатки и сверхъ того предполагаютъ самонаблюденіе, какъ свою основу; самонаблюденіе же заключаетъ въ себѣ своеобразныя трудности, сводящія почти къ нулю результаты, добытые этимъ путемъ. Пироговъ говоритъ, что индивидуальное бытіе въ общихъ чертахъ тождественно для всего человѣчества и даже для міра животныхъ, но это утвержденіе никоимъ образомъ не могло быть получено изъ самонаблюденія, ибо послѣднее имѣетъ дѣло всегда лишь съ собственнымъ сознаніемъ и его переживаніями. Заключенія, выводимыя изъ самонаблюденія, касаются лишь одного индивида; душевная жизнь его представляетъ чисто единичное и неповторяемое явленіе; на такой основѣ общихъ законовъ душевной жизни построить нельзя.

Въ ограниченности матеріала, т. е. поля наблюденія, доступнаго внутреннему опыту, по справедливости всегда видѣли одно изъ важнѣйшихъ препятствій для психолога, желающаго строить общую теорію на самонаблюденіи; не даромъ Шиллеръ говорилъ:

Willst Du dich selber erkennen, so sich wie die andern es treiben,
Willst Du die andern verstehen, blick in dein eigenes Herz.

(Хочешь себя ты познать, на другихъ обрати свои взоры,
Хочешь другихъ ты понять, въ сердце свое загляни.)

Итакъ, никакой общей теоріи, т. е., науки, нельзя построить, если самонаблюденіе есть единственный источникъ нашихъ знаній о душевной жизни. Но не только въ этой ограниченности источника психологическихъ знаній заключается трудность его примѣненія для психолога. Второе и еще болѣе существенное возраженіе, приводимое обыкновенно противъ самонаблюденія, какъ метода научнаго изслѣдованія,

состоитъ въ томъ, что примѣненіе самонаблюденія уничтожаетъ или искажаетъ то состояніе, на которое оно направлено. Дѣйствительно, представимъ себѣ человѣка, испытывающаго порывъ сильнаго гнѣва; если онъ не отдастся всецѣло этому чувству, а захочетъ наблюдать, какъ гнѣвъ протекаетъ въ душѣ, какъ онъ возникаетъ, какія измѣненія онъ вызываетъ въ тѣлѣ и сознаніи, то такое отношеніе къ собственному порыву непремѣнно повлечетъ за собой прекращеніе его или же, по крайней мѣрѣ, значительное измѣненіе его характера. Такимъ образомъ, въ результатѣ получится, что мы наблюли не тотъ объектъ, который желали, а какой-то искусственный, не живой. Дѣло нисколько не измѣнится отъ того, что мы вмѣсто порыва гнѣва для примѣра выберемъ какое-либо изъ состояній умственной жизни человѣка. Если мы поглощены какой-либо интересной проблемою, то въ это время мы не можемъ наблюдать за тѣмъ, какъ у насъ связываются представленія, какъ изъ извѣстныхъ посылокъ вытекаютъ выводы, ибо субъектъ совершенно поглощенъ своимъ предметомъ и не чувствуетъ своего раздѣльнаго отъ объекта бытія; когда же мы начнемъ думать о томъ, какимъ путемъ мы пришли къ извѣстнымъ результатамъ въ изслѣдованіи интересующаго насъ предмета, тогда самый интересъ къ предмету исчезаетъ и наступаетъ сознаніе раздвоенія субъекта и объекта.

Итакъ, самонаблюденіе есть единственный источникъ, въ которомъ человѣкъ непосредственно знакомится съ душевными переживаніями, и въ то же время на этомъ источникѣ науки построить нельзя, ибо онъ не даетъ права на выводъ общихъ положеній, и объектъ, съ которымъ человѣкъ знакомится, оказывается не подлиннымъ объектомъ, не реальнымъ душевнымъ переживаніемъ.

Такъ, обыкновенно, изображаютъ дѣло противники самонаблюденія въ психологіи, и, безъ сомнѣнія, до-

воды, приводимые ими, имѣютъ большой вѣсъ и значеніе, однако, не въ той мѣрѣ, въ какой это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Во-первыхъ, самый терминъ „самонаблюденіе“ выбранъ весьма неудачно, ибо наводитъ на мысль о методичномъ наблюденіи надъ собственными состояніями; такое наблюденіе, конечно, невозможно; но уже Ф. Брентано въ своей превосходной книгѣ „Empirische Psychologie“ предложилъ весьма удачное разграниченіе самонаблюденія (Selbstbeobachtung) отъ внутренняго воспріятія (innere Wahrnehmung). Первое, т. е. методичное наблюденіе за собственными состояніями, конечно, невозможно; но второе, т. е. внутреннее воспріятіе собственныхъ состояній, есть несомнѣнный фактъ. Несомнѣнно, что мы не только испытываемъ извѣстныя переживанія, но въ то же время и сознаемъ ихъ, какъ наши состоянія, т. е., что объектами сознанія могутъ стать не только предметы внѣшняго міра, но и внутреннія состоянія, которыя мы разсматриваемъ, какъ перемѣнчивыя или текучія явленія нашей души. Допустимъ ради простоты, что все содержаніе сознанія состоитъ изъ однихъ представленій большей или меньшей сложности и ясности, т. е., что ни чувства, ни воля, какъ таковыя, не могутъ стать объектомъ сознанія, а лишь представленіе о чувствѣ или волѣ, и намъ станетъ совершенно очевиднымъ, что въ сознаніи одновременно можетъ находиться не одинъ какой-либо рядъ представленій, а нѣсколько рядовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи между собой, хотя, можетъ быть, и не одинаково ясно сознанныхъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, человѣка лгущаго. Лжецъ отъ фантазера отличается тѣмъ, что хотя оба создаютъ ряды представленій фантастическихъ, несоотвѣтствующихъ дѣйствительности, но первый дѣлаетъ это съ опредѣленной цѣлью, а именно, съ цѣлью скрыть истину,—въ то время, какъ второй предается просто игрѣ ассоціацій. Когда лгущій

сочиняетъ свою ложь, онъ въ то же время имѣетъ сознаніе истины; такимъ образомъ въ сознаніи лжеца протекаютъ два ряда представленій—одинъ, сознаваемый съ меньшею степенью ясности, стоящій какъ бы на заднемъ планѣ, другой,—сочиняемый и сознанный вполнѣ отчетливо. То же самое подтверждается размышленіемъ надъ дѣйствіемъ привычки. Когда мы совершаемъ какія-либо дѣйствія, намъ непривычныя, мы сначала должны думать, какъ ихъ лучше совершить, слѣдовательно, въ сознаніи протекаютъ два ряда состояній—потомъ же, когда сложилась привычка, первый рядъ отступаетъ и уступаетъ мѣсто другому какому-либо.

Если гнѣвающійся и не можетъ наблюдать за своимъ гнѣвомъ, то все же нельзя отрицать того, что онъ сознаетъ свой гнѣвъ и можетъ его впослѣдствіи описать и отличить отъ другихъ состояній. Самонаблюденіе невозможно, но внутреннее воспріятіе доставляетъ знаніе о психическихъ состояніяхъ, которое и можетъ служить основаніемъ для выводовъ. Гнѣвающійся, конечно, не можетъ наблюдать за тѣмъ, какъ протекаетъ его гнѣвъ, но онъ въ каждый моментъ имѣетъ совершенно отчетливое внутреннее воспріятіе своего гнѣва. Если бы кто-либо усумнился въ этомъ и счелъ различеніе самонаблюденія отъ внутренняго воспріятія софистической тонкостью, то ему стоитъ только припомнить,—оставаясь въ границахъ того же примѣра,—что человѣкъ до извѣстныхъ предѣловъ является господиномъ своихъ состояній, что онъ имѣетъ нѣкоторый контроль надъ ними. Гнѣвъ наблюдать невозможно на себѣ самомъ, но сдерживать порывъ гнѣва вполнѣ возможно.—Вспыльчивый человѣкъ не могъ бы раскаиваться въ своей несдержанности, еслибы не имѣлъ непосредственнаго знанія своихъ состояній и воспоминанія о нихъ; и сдержанный человѣкъ не могъ бы подавлять въ себѣ подступающихъ порывовъ гнѣва, если бы не имѣлъ

отчетливаго знанія, полученнаго путемъ внутренняго воспріятія, о дѣйствіи какъ самого гнѣва, такъ и тѣхъ противодѣйствующихъ ему представленій о послѣдствіи гнѣва, которыя приходится вызывать въ сознаніе въ борьбѣ съ стихійнымъ аффектомъ. Точно также все содержаніе логики, поскольку она касается не внутренней состоятельности и значимости мысли, а теченія умственныхъ процессовъ, заимствовано изъ показаній внутренняго воспріятія...

Итакъ, нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, чтобы испытывать извѣстное психическое состояніе и въ то же время знать о томъ, что испытываешь его; напротивъ, указанная черта сознанія есть основная его особенность, благодаря которой факты психической жизни становятся извѣстными человѣку. Такимъ образомъ, часть возраженій, совершенно справедливыхъ относительно самонаблюденія, отпадаетъ и не имѣетъ примѣненія къ внутреннему воспріятію, несомнѣнной основѣ всякаго знанія о психическомъ мірѣ.

Этимъ, однако, вопросъ о значеніи и цѣнности внутренняго воспріятія не рѣшенъ еще. Пусть внутреннее воспріятіе и является единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о душевныхъ переживаніяхъ, все же первое возраженіе, выставленное противъ самонаблюденія, сохраняетъ свою силу и по отношенію къ внутреннему воспріятію, а именно, что путемъ самонаблюденія (а также и внутренняго воспріятія) мы знакомимся лишь съ собственными, чисто индивидуальными, неповторяемыми переживаніями, а на нихъ никакъ нельзя построить общегодной теоріи.

Индивидуальность и неповторяемость психическихъ явленій представляетъ основное ихъ свойство, засвидѣтельствованное внутреннимъ воспріятіемъ, и съ этимъ свойствомъ психологу, конечно, приходится считаться; оно, однако, не исключаетъ возможности построенія общей теоріи. Безъ сомнѣнія, психологія никогда не ста-

нетъ наукою въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ, напримѣръ, о наукахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ неорганическую матерію, но зато психологія имѣетъ передъ ними одно великое преимущество—непосредственности и внутренней достовѣрности данныхъ, полученныхъ путемъ внутренняго воспріятія. Понятія, подъ которыя мы подводимъ явленія внѣшняго міра, не примѣнимы къ душевнымъ явленіямъ; нельзя въ этой области достичь и той точности измѣреній, которая достижима въ объективномъ мірѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что, вообще, никакой общей психологической теоріи быть не можетъ. Индивидуальность психическихъ явленій не исключаетъ того, чтобы всѣ живыя существа, одинаково индивидуальныя, имѣли общія между собой черты; неповторяемость же психическихъ явленій тоже не представляетъ непреодолимаго препятствія, ибо естественно предположить, что одинаковыя условія вызываютъ сходныя психическія явленія. Хотя въ психологіяхъ приводится много въ научномъ отношеніи малоцѣннаго и недостаточно провѣреннаго матеріала, но врядъ-ли можно утверждать, что все содержаніе психологіи никакого научнаго значенія не имѣетъ.

Итакъ, если возможно знаніе о душевныхъ явленіяхъ путемъ внутренняго воспріятія, но въ то же время знаніе это слишкомъ ограничено, то возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ расширить его.

Психологіи нѣтъ никакого основанія стоять на точкѣ зрѣнія строгаго солипсизма. Хотя внутреннее воспріятіе и говоритъ намъ лишь о нашихъ состояніяхъ и о томъ, что всякая иная душевная жизнь, кромѣ нашей собственной, познается нами лишь при посредствѣ представленій о чужомъ Я и толкуется по аналогіи съ нашими душевными состояніями, но нѣтъ никакихъ основаній считать это толкованіе неправильнымъ и необоснованнымъ. Вѣдь и внѣшній міръ познается нами пу-

темъ представленій (положеніе Шопенгауера — міръ есть мое представленіе — безусловно истинно), точно также какъ и чужое одушевленіе; психологія можетъ указать условія, которыя приводятъ насъ къ вѣрѣ въ независимое существованіе внѣшняго міра и чужого одушевленія, но психологіи нѣтъ никакого дѣла до вопроса о правѣ придавать представленіямъ объективное значеніе,—это задача гносеологіи. Признаніе существованія чужой душевной жизни и возможность толкованія ея по аналогіи съ нашей собственной значительно расширяетъ предѣлы психологическаго изслѣдованія. Но расширеніе границъ психологіи возможно не только въ смыслѣ объективномъ, но и въ области чисто внутренней. Внутреннее воспріятіе говоритъ намъ лишь о томъ, что происходитъ въ индивидуальномъ сознаніи въ этотъ моментъ, но память сохраняетъ представленіе о предшествовавшихъ состояніяхъ и даетъ рефлексіи возможность сравненія прошлыхъ переживаній съ настоящими, а благодаря сравненію—возможность нахожденія общихъ чертъ.

Признаніе чужихъ психическихъ міровъ, познаваемыхъ по аналогіи съ нашимъ, расширяетъ, конечно, область психическихъ изслѣдованій, но именно необходимость руководствоваться при изслѣдованіи аналогіей ставитъ изслѣдователю значительныя трудности: если мы легко знакомимся съ внутреннимъ міромъ взрослаго нормальнаго человѣка путемъ языка, членораздѣльныхъ звуковъ, жестовъ и выразительныхъ движеній—хотя всѣ эти средства въ той же мѣрѣ служатъ раскрытію душевнаго міра, сколь и сокрытію его истиннаго содержанія [1]),—то уже гораздо труднѣе понять все то, что уклоняется въ какую-либо сторону отъ нормы. Геніальные люди обыкновенно бываютъ непоняты современниками, почти въ такой же мѣрѣ, какъ и ненормальные или умалишенные.

---

[1]) Ср Young. „And men talk only to conceal the mind."

Между тѣмъ психическая жизнь тѣхъ и другихъ для психологіи должна представлять большой интересъ. Понять генія—значитъ найти доступъ къ психологіи творческаго процесса; понять умалишеннаго—значитъ получить возможность заглянуть въ процессы разложенія душевной жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ психологъ имѣетъ дѣло съ весьма сложнымъ душевнымъ міромъ. Не меньшее значеніе для пониманія исторіи души представляетъ психическій міръ дѣтей и животныхъ, такъ какъ здѣсь всѣ явленія протекаютъ въ болѣе простой и элементарной формѣ. Понять дѣтскій міръ, конечно, не легко, но психологу-аналитику въ этомъ случаѣ на помощь толкованію по аналогіи приходятъ воспоминанія о собственныхъ прежнихъ переживаніяхъ; гораздо затруднительнѣе положеніе изслѣдователя по отношенію къ животнымъ; аналогія тутъ играетъ весьма незначительную роль, поэтому доступъ къ психикѣ животныхъ весьма ограниченъ. Талантливые наблюдатели, въ родѣ Фабра, безъ сомнѣнія, умѣютъ изображать психическую жизнь животныхъ, напримѣръ, насѣкомыхъ, въ весьма яркихъ краскахъ; но стоитъ только вспомнить недавно вышедшую книгу Карла Кралла, въ которой сообщается, что лошади умѣютъ извлекать кубическіе корни, чтобы вообще отнестись скептически къ современной психологіи животныхъ. Правда, психическая жизнь животныхъ должна быть гораздо болѣе простой, чѣмъ человѣческая, и если Шиллеръ утверждалъ, что въ жизни человѣка есть два полюса, около которыхъ все вращается, [1]) то это гораздо болѣе справедливо относительно жизни животныхъ.

Мы указали на нѣкоторыя области явленій, способныя расширить данныя внутреннихъ воспріятій и обога-

[1]) Einstweilen bis den Lauf der Welt
Philosophie zusammen halt,
Erhält wie das Getriebe
Durch H u n g e r und durch L i e b e.

тить матеріалъ психолога: мы далеко не исчерпали всего матеріала. Психологія народовъ, толпы, вообще исторія способны дать изслѣдователю весьма цѣнный и богатый матеріалъ. Подобному расширенію и углубленію подлежитъ и внутреннее воспріятіе. Мы уже указали на память, какъ на орудіе психологическаго анализа. Современная психологія не безъ успѣха примѣняетъ и экспериментъ, но само собой разумѣется, что самый экспериментъ возможенъ лишь при допущеніи внутренняго воспріятія, какъ основного источника психологическихъ свѣдѣній.

Г. И. Челпановъ.

Объ экспериментальномъ методѣ въ психологіи.

Въ послѣднюю четверть столѣтія психологія обогатилась новымъ методомъ изслѣдованія; она, по примѣру наукъ о физической природѣ, стала пользоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ экспериментомъ, она, какъ теперь принято выражаться, сдѣлалась экспериментальной.

Экспериментъ сдѣлался неизбѣжнымъ спутникомъ психологическаго изслѣдованія. Всюду въ Европѣ и въ Америкѣ при университетахъ учреждаются лабораторіи или „институты“ для экспериментальныхъ изслѣдованій психическихъ явленій. Экспериментальные методы изслѣдованія начинаютъ пользоваться такимъ повсемѣстнымъ признаніемъ, что едва ли въ настоящее время найдется какой-либо психологъ, который сталъ бы отрицать значеніе эксперимента въ психологіи. Въ настоящее время едва ли кто-нибудь изъ психологовъ сталъ бы противопоставлять изслѣдованію при помощи экспериментальныхъ изслѣдованій изслѣдованіе при помощи самонаблюденія просто. Теперь едва ли кто-либо сталъ предлагать вопросъ: „что въ психологическомъ изслѣдованіи важнѣе, экспериментъ или самонаблюденіе?“ Съ одной стороны, никто изъ психологовъ не отрицаетъ первенствующей роли самонаблюденія въ изслѣдованіяхъ психическихъ

явленій, хотя уже многіе начинаютъ говорить о необходимости „ограниченія самонаблюденія“ [1]). Съ другой стороны, никто не отрицаетъ значенія эксперимента, хотя очень многіе убѣждены, что примѣненію эксперимента въ психологіи есть опредѣленный предѣлъ [2]).

Благодаря примѣненію эксперимента въ психологіи все содержаніе психологіи расширилось: возникли новыя отрасли психологіи. Вообще, во всей психологіи послѣдняго времени, благодаря примѣненію эксперимента, произошло такое глубокое измѣненіе, что настоятельно необходимо дать совершенно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, какое значеніе имѣетъ экспериментъ въ психологіи, потому что ближайшая будущность психологіи находится въ зависимости именно отъ разрѣшенія вопроса о предѣлахъ приложимости эксперимента въ психологіи.

Если еще лѣтъ 10—15 тому назадъ можно было противопоставлять психологію экспериментальную психологіи интроспективной, то въ настоящее время для такого противопоставленія нѣтъ никакихъ основаній. По отношенію къ эксперименту мы не можемъ говорить такъ, какъ говорили лѣтъ десять тому назадъ, что мы переживаемъ „кризисъ“ въ психологіи. Кризисъ уже миновалъ Экспериментъ уже завоевалъ прочное положеніе въ психологіи, и тѣмъ не менѣе предѣлы его приложимости остаются невыясненными въ достаточной мѣрѣ. Этимъ вопросомъ мы и займемся въ настоящей статьѣ.

Прежде всего мы разсмотримъ старое противопоставленіе—э к с п е р и м е н т ъ или с а м о н а б л ю д е н і е въ психологіи. Для этого нужно разсмотрѣть, что такое самонаблюденіе и каково его отличіе отъ внѣшняго наблюденія.

---

[1]) Объ этомъ см., напр., D o d g e The Theoryand Limitations of Introspection. American Journal of Psychology. XXIII, стр. 214—229.

[2]) См., напр., E l s e n h a n s. Lehrbuch der Psychologie. 1913.

По отношенію къ самонаблюденію всегда возникало сомнѣніе—дѣйствительно ли оно можетъ считаться источникомъ психологическаго познанія, даже больше, можетъ ли вообще самонаблюденіе осуществиться во внутреннемъ опытѣ. Кажется, для такого сомнѣнія есть мѣсто, если мы сравнимъ „внѣшнее“ наблюденіе съ тѣмъ, что мы называемъ внутреннимъ наблюденіемъ или самонаблюденіемъ. Внѣшнее наблюденіе осуществляется въ томъ случаѣ, когда наше вниманіе направляется на болѣе или менѣе продолжительное время на какой-либо предметъ или явленіе. Можетъ ли подобное направленіе вниманія имѣть мѣсто во внутреннемъ опытѣ? Въ тотъ моментъ, когда мы для наблюденія какого-либо психическаго явленія желаемъ направить на него наше вниманіе, его уже нѣтъ на лицо. Поэтому при изученіи психическихъ явленій намъ приходится оперировать только лишь съ вспоминаемыми образами извѣстныхъ психическихъ явленій, непосредственно же наблюдать то или иное психическое явленіе въ нашемъ внутреннемъ опытѣ мы не въ состояніи. Поэтому правильнѣе было бы вмѣсто термина „самонаблюденіе“ употреблять терминъ „внутреннее воспріятіе“ [1]), потому что терминъ „самонаблюденіе“ какъ будто притязаетъ на то, чтобы быть поставленнымъ наряду съ внѣшнимъ наблюденіемъ, что фактически оказывается невозможнымъ. Такимъ образомъ приходится признать, что въ изученіи психическихъ явленій мы поставлены въ необходимость вмѣсто наблюденія пользоваться воспріятіемъ, а этотъ пріемъ изслѣдованія связанъ съ недостатками, которые вообще влечетъ за собой всякое воспріятіе воспоминаемыхъ образовъ. Если мы вспоминаемъ образы, то эти послѣдніе возникаютъ иногда въ ослабленной формѣ, иногда мы вслѣдствіе забвенія при-

[1]) Объ этомъ см. Wundt. Logik. B. III, стр. 164.

даемъ имъ такія черты, которыя имъ на самомъ дѣлѣ не принадлежатъ. Ясно, что тотъ источникъ познанія психическихъ явленій, который называется „самонаблюденіемъ“, не свободенъ отъ недостатковъ, отъ которыхъ свободно внѣшнее наблюденіе.

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что самонаблюденіе при всѣхъ недостаткахъ, присущихъ ему, отнюдь не можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что психологія должна строиться только на основанія наблюденій н а д ъ с а м и м ъ с о б о й. Такое толкованіе понятія самонаблюденія было бы совершенно неправильно, потому что самонаблюденіе предполагаетъ также наблюденіе надъ психической жизнью другихъ существъ. Если мы основнымъ источникомъ познанія психическихъ явленій считаемъ самонаблюденіе, то это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что психологическія переживанія другихъ индивидуумовъ становятся для насъ доступными только лишь потому, что мы переводимъ ихъ на языкъ нашихъ переживаній, на языкъ нашего самонаблюденія. Какой то психологъ, возражая противъ лабораторій по экспериментальной психологіи, сказалъ: „Я ношу свою лабораторію съ самимъ собой“. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что въ изслѣдованіи душевныхъ явленій онъ ни въ чемъ не нуждается, кромѣ самонаблюденія. Но такое выраженіе, даже если отрицать значеніе экспериментальной психологіи, нужно считать неправильнымъ, потому что если ограничиться только наблюденіемъ своихъ собственныхъ душевныхъ переживаній, то мы эти послѣднія воспринимаемъ съ массою индивидуальныхъ особенностей, не имѣющихъ цѣны для науки, которая ищетъ общаго, а не индивидуальнаго.—Поэтому нужно считать, что самонаблюденіе должно быть дополнено наблюденіемъ другихъ существъ, которое въ извѣстномъ условномъ смыслѣ можетъ быть названо также объективнымъ наблюденіемъ. Самонаблюденіе и наблю-

деніе надъ другими должны быть соединены, и именно такой соединенный методъ самонаблюденія и объективнаго наблюденія единственно можетъ имѣть научное значеніе. Такимъ образомъ совершенно ясно, что самонаблюденіе не исключаетъ объективнаго наблюденія, не исключаетъ, разумѣется, и примѣненія эксперимента. Но, съ другой стороны, и экспериментальное изслѣдованіе необходимо предполагаетъ самонаблюденіе. Что экспериментъ не только не исключаетъ самонаблюденія, а, наоборотъ, необходимо его предполагаетъ, это станетъ яснымъ, если мы разсмотримъ смыслъ и сущность эксперимента.

Что такое экспериментъ? Мы противополагаемъ его простому наблюденію. Если возникаетъ какое-либо явленіе, свойства котораго мы изучаемъ, направляя на него вниманіе, то это будетъ изученіемъ при помощи простого наблюденія. Изучаемое явленіе возникаетъ само собою, помимо нашей воли. Къ возникновенію изучаемаго явленія мы относимся, такъ сказать, пассивно. Что касается эксперимента, то сущность его заключается въ томъ, что къ возникновенію того или другого изучаемаго явленія мы относимся не пассивно и воспринимаемъ его не случайно, но, наоборотъ, относимся къ нему активно, способствуя его возникновенію. Мало того, мы не только способствуемъ возникновенію явленій, но и видоизмѣняемъ условія, при которыхъ совершается изучаемое нами явленіе. Въ этомъ заключается различіе между простымъ наблюденіемъ и экспериментомъ. Но понятіе эксперимента въ естествознаніи и въ психологіи употребляется въ двоякомъ смыслѣ. Если моя активность въ отношеніи къ изучаемому явленію выражается въ томъ, что я принимаю мѣры къ тому, чтобы искусственно вызвать явленіе, которое я предполагаю изслѣдовать, то это будетъ, конечно, экспериментъ, но экспериментъ въ широкомъ

смыслѣ слова. Болѣе узкое понятіе эксперимента заключается въ слѣдующемъ. Если, изучая какое-нибудь явленіе, я видоизмѣняю условія его возникновенія и этимъ видоизмѣняю само явленіе, то это будетъ экспериментъ въ собственномъ смыслѣ слова. Для поясненія различія между двумя видами эксперимента возьмемъ примѣръ. Положимъ, я желаю разрѣшить психологическій вопросъ, какъ относятся дѣти къ темнотѣ? Для разрѣшенія этого вопроса я затемняю ту комнату, въ которой находятся дѣти, и наблюдаю, какъ реагируютъ дѣти на темноту. Въ этомъ случаѣ, какъ это легко видѣть, экспериментъ заключается въ томъ, что я вызываю или искусственно созидаю извѣстное переживаніе, въ данномъ случаѣ темноты, и стараюсь прослѣдить, какими свойствами обладаетъ это переживаніе, вызываетъ ли оно, напр., чувство страха или переносится равнодушно и т. п. Будемъ ли мы въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ экспериментомъ? Многіе, пожалуй, станутъ это оспаривать, но, безспорно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ экспериментомъ, хотя и въ широкомъ смыслѣ слова. Приведенный только что случай отличается отъ простого наблюденія. Если бы я случайно увидѣлъ, что ребенокъ, оставшійся въ темнотѣ, обнаружилъ чувство страха, то это было бы, конечно, простымъ наблюденіемъ. Если же я преднамѣренно, съ цѣлью изучить вліяніе темноты на душевное состояніе ребенка, своимъ вмѣшательствомъ вызываю его, это уже, безспорно, экспериментъ.

Въ естествознаніи и психологіи, когда мы говоримъ объ экспериментѣ, то, обыкновенно, имѣемъ въ виду экспериментъ въ узкомъ смыслѣ слова: мы видоизмѣняемъ условія возникновенія явленія, этимъ производимъ измѣненіе самого явленія, а благодаря этому послѣднему мы имѣемъ возможность изучить свойства самого явленія. Для этого, конечно, необходимо знать условія воз-

никновенія явленій. Для поясненія этого вида эксперимента и возьмемъ въ примѣръ, такъ называемую, Мюллеровскую иллюзію. Мы имѣемъ двѣ равныя линіи, изъ которыхъ каждая ограничена двумя углами, направленными въ разныя стороны. Одна линія кажется длиннѣе другой. Возникаетъ вопросъ, отчего это происходитъ? Каковы причины иллюзіи? Мы можемъ сдѣлать всевозможныя предположенія. Можетъ быть, иллюзія происходитъ отъ того, что линіи параллельны, находятся рядомъ, или оттого, что промежутки заполнены, наконецъ, оттого, что линіи ограничены углами, такъ что, если бы онѣ были ограничены какой-нибудь другой фигурой, то иллюзіи, можетъ быть, и не было бы. Мы можемъ вызвать измѣненіе условій, которыя являются причинами иллюзіи, и посмотрѣть тогда, благодаря чему она возникаетъ. Я предполагаю прежде всего, что иллюзія возникла оттого, что линіи параллельны; устраняю параллельность,—иллюзія остается. Можетъ быть, если бы линіи были ограничены не углами, иллюзіи не было бы. Замѣнивъ углы дугами, видимъ, что иллюзія остается по прежнему. Можетъ быть, она исчезнетъ, если мы возьмемъ вмѣсто двухъ угловъ по одному, но и здѣсь иллюзія не исчезнетъ и т. д. На этихъ примѣрахъ мы видимъ, какъ можно видоизмѣнять условія, при которыхъ совершается психическое явленіе—для того, чтобы изслѣдовать причину его. Такое изученіе, какъ мы видѣли выше, называется экспериментальнымъ, и именно это есть второй видъ эксперимента.

Возьмемъ ли мы изученіе психическихъ явленій въ первомъ смыслѣ или во второмъ, мы увидимъ преимущества изученія при помощи эксперимента сравнительно съ изученіемъ при помощи простого наблюденія.

Первое преимущество заключается въ слѣдующемъ: при простомъ наблюденіи мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ случайнымъ, не повторяющимся, которое мы даже

не всегда можемъ изучить какъ слѣдуетъ. Экспериментъ даетъ возможность повторять явленія и тѣмъ самымъ всесторонне изучать ихъ. Напримѣръ: мы можемъ изучать какое-либо психическое явленіе въ области зрительныхъ ощущеній, воспринявъ его случайно; вслѣдствіе этого намъ можетъ быть придется наблюсти его одинъ разъ на протяженіи многихъ лѣтъ, между тѣмъ, если мы изучаемъ это явленіе экспериментально, то мы можемъ вызывать его столько разъ, сколько понадобится. Это явленіе мы можемъ много разъ повторять и благодаря этому послѣднему обстоятельству мы можемъ направлять наше вниманіе на особенно интересныя для насъ стороны его. Это послѣднее обстоятельство приближаетъ психологію въ извѣстномъ смыслѣ къ естествознанію. Въ самомъ дѣлѣ, натуралистъ можетъ всегда вернуться къ предмету, который онъ изучалъ вчера, недѣлю, годъ тому назадъ,—для психолога же нѣтъ такой возможности безъ эксперимента.

То обстоятельство, что мы можемъ, видоизмѣняя условія возникновенія явленія, изучать измѣненіе самого явленія, даетъ возможность установить въ данномъ явленіи причинное соотношеніе. Если бы не могли видоизмѣнять условій, при которыхъ совершается изучаемое явленіе, то мы не были бы въ состояніи установить причинной связи психическихъ явленій. Такимъ образомъ мы можемъ установить причинную связь психическихъ явленій главнымъ образомъ благодаря эксперименту. Далѣе, въ экспериментальномъ изученіи мы имѣемъ возможность, изучая психическія проявленія множества индивидуумовъ, и притомъ при различныхъ условіяхъ, выходить за предѣлы индивидуальныхъ различій, тогда какъ при изслѣдованіи при помощи индивидуальнаго самонаблюденія мы всегда склонны придавать всеобщность индивидуальнымъ психическимъ особенностямъ.

Наконецъ, то, что дѣлаетъ психологическіе экспери-

менты особенно цѣнными для науки—это возможность повторенія ихъ при одинаковыхъ условіяхъ. Это значитъ, что то или иное психическое явленіе можетъ быть изучаемо при одинаковыхъ условіяхъ въ различныхъ мѣстахъ, въ различное время и различными лицами. Экспериментъ, который былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ произведенъ въ Калифорнійскомъ университетѣ, можетъ быть въ настоящее время повторенъ гдѣ-нибудь въ Россіи при совершенно тождественныхъ условіяхъ. Это—характерная, существенная особенность эксперимента, которая несвойственна простому наблюденію. Поэтому если встрѣчаются гдѣ-либо такіе эксперименты, которые не могутъ быть повторены, то мы въ правѣ сказать, что они не имѣютъ научнаго значенія. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ „Экспериментальныя изслѣдованія о непосредственной передачѣ мыслей“ доктора Котика указаны такіе эксперименты, которыхъ никто, кромѣ автора, не могъ бы повторить. Итакъ, экспериментъ позволяетъ измѣнять условія явленія, повторить его, и въ этомъ заключаются безспорныя преимущества экспериментальнаго изслѣдованія передъ простымъ наблюденіемъ.

Но при обсужденіи вопроса объ экспериментальномъ методѣ изслѣдованія въ психологіи весьма важно выяснить, что общаго между экспериментомъ въ психологіи и экспериментомъ въ естествознаніи. Характернымъ признакомъ эксперимента въ естествознаніи является то, что въ немъ примѣняется измѣреніе. Спрашивается, возможно ли измѣреніе психическихъ процессовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно возможно въ естествознаніи. Сами психическіе процессы прямо не могутъ быть измѣряемы; они всегда измѣряются косвенно черезъ посредство измѣренія раздраженія, но, во всякомъ случаѣ, они измѣряются [1]). Въ данный моментъ для насъ

[1]) Объ этомъ см. мою статью: „Объ измѣримости психическихъ явленій“ въ философскомъ Сборникѣ, посвященномъ Л. М Лоп т. ну.

важно отмѣтить, что къ психическимъ процессамъ можно примѣнять числовыя выраженія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что психическіе процессы могутъ быть измѣрены, даже если бы это измѣреніе происходило черезъ посредство измѣренія физическихъ процессовъ. Вся современная психологія полна фактами этого рода. Можно измѣрить явленія памяти, можно измѣрить вниманіе, ощущенія и т. п. Правда, эти измѣренія не обладаютъ той точностью, которая присуща измѣреніямъ въ области физическихъ знаній, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ весьма важное научное значеніе. Примѣненіе числа къ психическимъ явленіямъ имѣло огромное значеніе для развитія психологіи. Благодаря тому, что были найдены способы измѣренія чувствительности, памяти, вниманія и т. п., оказалось возможнымъ возникновеніе такой важной отрасли психологіи, какъ индивидуальная психологія [1]). Но не слѣдуетъ думать, что экспериментъ примѣнимъ только тамъ, гдѣ могутъ быть опредѣляемы количественныя отношенія. Экспериментальное изслѣдованіе возможно и тамъ, гдѣ опредѣляются исключительно качественныя отношенія, и это сдѣлается вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ въ соображеніе сущность эксперимента, которая нами была выяснена выше.

Вслѣдствіе того, что психическія явленія измѣримы, въ изслѣдованіи психическихъ явленій оказывается возможнымъ примѣненіе статистическихъ методовъ, которые оказались такими плодотворными въ изученіи соціальныхъ явленій и въ біологіи, въ примѣненіи къ психологіи они оказались столь же плодотворными. Слѣдуетъ обратить вниманіе на понятіе коллективнаго предмета (Kollectivgegenstand), которое вообще употребляется въ статистикѣ, но которое въ осо-

[1]) Объ этомъ см. мой Сборникъ „Психологія и школа“. М 1912 стр. 104.

бенности примѣнимо къ предметамъ психологическаго изслѣдованія. Въ психологіи, какъ и въ естествознаніи, мы можемъ мыслить или просто единичный предметъ, или классъ такихъ предметовъ. Этотъ классъ можетъ образоваться вслѣдствіе того, что предметы объединены какимъ-либо сходствомъ, когда они образуютъ, напримѣръ, родъ или видъ. Они могутъ объединяться и иначе, если они, напримѣръ, могутъ получать какое-либо численное выраженіе. Тогда это будутъ предметы, которые группируются около какихъ-либо среднихъ величинъ. Возьмемъ въ примѣръ изъ области психологическихъ изслѣдованій, такъ называемую, простую реакцію. Одна реакція есть индивидуальный предметъ. Этой реакціи соотвѣтствуетъ какая-либо величина времени у даннаго индивидуума. Нѣсколько реакцій могутъ представлять коллективный предметъ, если ихъ времена группируются около какой-либо средней величины, которыя могутъ быть изображены при помощи діаграммы, если принять во вниманіе частоту повторенія указанныхъ временъ реакціи. Эта діаграмма уже является выраженіемъ коллективнаго предмета, и это будетъ реакція, свойственная данному индивидууму. Реакція, понимаемая какъ коллективный предметъ, становится какъ бы единичнымъ предметомъ. Ее можно трактовать, какъ единичный предметъ, хотя на самомъ дѣлѣ она обозначается множествомъ цифръ. Конечно, распредѣленіе можетъ быть различнымъ. Можетъ быть, симметрическая кривая, можетъ быть, ассиметрическая, можетъ быть, волнообразная кривая. Но всѣ эти діаграммы свидѣтельствуютъ объ одномъ, именно, что тѣ или другія психическія явленія могутъ быть объединены въ одно цѣлое, и могутъ быть обрабатываемы съ точки зрѣнія статистики и теоріи вѣроятности.

Вся, такъ называемая, психофизика, т.-е. опредѣленіе порога раздраженія и опредѣленіе взаимнаго отношенія

между раздраженіемъ и ощущеніемъ основывается на понятіи коллективнаго психологическаго предмета [1]).

Мы видѣли, каково отношеніе эксперимента къ простому наблюденію: простое наблюденіе есть такое изслѣдованіе психическихъ явленій, при которомъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, представляющимися намъ случайно: если же мы наблюдаемъ явленія не случайныя, а вызываемъ ихъ сами и, кромѣ того, измѣняемъ условія, при которыхъ явленія совершаются, то мы изучаемъ явленія способомъ экспериментальнымъ.

Намъ необходимо познакомиться съ классификаціей методовъ экспериментальнаго изслѣдованія потому, что при детальномъ разсмотрѣніи ихъ можно лучше понять сущность экспериментальнаго метода.

Вундтъ дѣлитъ экспериментальные методы изслѣдованія на слѣдующихъ три класса: 1) методъ раздраженій, 2) методъ выраженій и 3) методъ реакцій [2]).

1. Методъ раздраженій сводится къ слѣдующему. Мы предлагаемъ испытуемому субъекту то или другое физическое раздраженіе, чтобы при его помощи вызвать то или другое психическое состояніе. Напримѣръ, мы предлагаемъ субъекту какое-нибудь звуковое раздраженіе и вызываемъ въ немъ ощущеніе звука. Это раздраженіе мы можемъ измѣнять и соотвѣтственно съ измѣненіемъ раздраженія мы можемъ вызывать измѣненіе въ психическомъ состояніи испытуемаго субъекта.

Характерная особенность разсматриваемаго метода заключается въ томъ, что, измѣняя раздраженіе, мы измѣняемъ соотвѣтствующее ему психическое состояніе, и такимъ образомъ опредѣляемъ причины психическихъ явленій.

---

[1]) Объ этомъ см. Wirth. Psychophysik 1912, стр. 28—30. Wundt. Physiologische Psychologie. B. I. 563—574, а также Anschutz Spekulative, exacte und angewandte Psychologie. 1912.

[2]) Объ этихъ методахъ. см. Wundt Grundzuge der physiol. Psychologie. 1908. B. I, стр 23—42.

Второй методъ называется методомъ выраженій и заключается въ слѣдующемъ. Всякій психическій процессъ получаетъ опредѣленное физіологическое выраженіе во внутреннихъ или внѣшнихъ органахъ. Переживая извѣстное чувство, мы замѣчаемъ, напримѣръ, что у насъ измѣняется дыханіе, измѣняется дѣятельность сердца и т. д. Если бы мы умѣли изучать эти выраженія психическихъ состояній, то мы могли бы сдѣлать предположеніе относительно природы самихъ психическихъ состояній. Задача заключается въ томъ, чтобы по физіологическимъ выраженіямъ построить теорію психическихъ процессовъ.

Но какъ можно изучать выраженіе тѣхъ или иныхъ психическихъ состояній? Методъ изслѣдованія заимствованъ изъ физіологіи, которая указываетъ способы регистрированія измѣненій въ процессахъ дыханія, кровообращенія, дѣятельности сердца, пульса и т. п. Эти измѣненія пульса, дыханія и т. п. мы можемъ регистрировать и тогда, когда мы переживаемъ какое-нибудь опредѣленное чувство, напримѣръ, чувство страданія, удовольствія и т. д. Мы вызываемъ у испытуемаго субъекта чувство удовольствія, заставляя его, напр., вдыхать ароматическія вещества. Удовольствіе вызываетъ расширеніе сосудовъ, усиливаетъ дѣятельность сердца и т. п. Эти измѣненія могутъ быть зарегистрированы при помощи указанныхъ пріемовъ. При помощи метода выраженій мы имѣемъ, такимъ образомъ, возможность изучать измѣненія психическаго состоянія въ ихъ выраженіяхъ. Изучая выраженія, мы можемъ изучить и само психическое состояніе.

Третій методъ есть методъ реакціи, представляющій соединеніе метода раздраженій съ методомъ выраженій. Я предупреждаю то лицо, надъ которымъ произвожу экспериментъ, что онъ воспримetъ какое-либо раздраженіе, напр., услышитъ какой-либо звукъ, и что

онъ долженъ, какъ только услышитъ звукъ, произвести реакцію, т. е. привести въ движеніе, напр., палецъ, нажать пальцемъ на пуговку телеграфнаго ключа. Мы имѣемъ возможность измѣрить промежутокъ премени, лежащій между началомъ дѣйствія раздраженія и реакціей. Этотъ промежутокъ времени даетъ возможность судить о природѣ психическаго процесса, лежащаго между воспріятіемъ раздраженія и реакціей на него. Продолжительность времени реакціи служитъ характеристикой самого процесса реакціи.

Примѣненіе метода выраженія для изслѣдованія психическихъ процессовъ дало начало той отрасли психологіи, которая носитъ названіе объективной психологіи [1]). Въ послѣднее время это понятіе (объективной психологіи) пользуется такимъ широкимъ распространеніемъ, что начинаютъ говорить о необходимости ограничить интроспекцію на томъ основаніи, во-1-хъ, что очень многое изъ того, что входитъ въ область психологіи, не входитъ въ область интроспекціи; во-2-хъ, на томъ основаніи, что признакомъ психическаго явленія можетъ быть не только то, что входитъ въ область сознанія, но и, напр., цѣлый рядъ подсознательныхъ явленій, которыя не входятъ въ сознаніе, но относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они суть явленія психическія. Наконецъ, напримѣръ, физическое утомленіе точно также является признакомъ психическаго явленія. Это объективное выраженіе является матеріаломъ для такъ называемой объективной психологіи.

Въ связи съ объективной психологіей въ послѣднее время выдѣляется еще одна отрасль психологіи, которая называется психодинамикой — или ди-

---

[1]) Въ русской литературѣ наиболѣе полное выраженіе этотъ взглядъ получилъ въ сочиненіи акад. В М. Бехтерева — „Объективная психологія“ Спб. 1907 -1912

намической психологіей [1]). Динамическая психологія занимается изученіемъ превращенія физической энергіи, которая находится въ связи съ тѣмъ или другимъ видомъ психической дѣятельности. Леманъ опредѣляетъ психодинамику, какъ точное изученіе количественнаго вліянія одновременныхъ или послѣдовательныхъ умственныхъ состояній одного на другого. По его мнѣнію, въ измѣреніи энергіи мы имѣемъ единственное средство узнать о взаимоотношеніи высшихъ психическихъ процессовъ, т. е., по его мнѣнію, для того, чтобы опредѣлить количественное отношеніе между высшими умственными процессами, нужно измѣрить энергію, которая истрачивается при переживаніи тѣхъ или иныхъ высшихъ умственныхъ процессовъ. Для измѣренія динамическихъ эквивалентовъ психическихъ процессовъ имѣются слѣдующія основанія. Параллельно съ психическими процессами совершаются опредѣленные химическіе процессы. И такъ какъ химическимъ процессамъ соотвѣтствуетъ опредѣленный эквивалентъ энергіи, то вполнѣ ясно, что этотъ эквивалентъ энергіи можетъ быть измѣренъ, и такимъ способомъ можно получить извѣстное представленіе о тѣхъ процессахъ, которые происходятъ въ сознаніи. Но параллелизмъ можно провести еще дальше, если сказать, что химическимъ процессамъ соотвѣтствуютъ тѣ или другія измѣненія въ кровеносной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, калориметрическіе эксперименты показали, что измѣненія скорости пульса находятся въ тѣсной связи съ измѣненіями въ химическихъ процессахъ, а отсюда ясный выводъ, что изученіе измѣненій кровеносной дѣятельности даетъ возможность прослѣдить и связь между психическими дѣятельностями. Въ этомъ

[1]) Объ этомъ см. Lehmann. Lehrbuch der psychologischen Methodik. 1904. Его же. Grundzuge der Psychophysiologie. 1912, стр. 402 и сл. Его же Elemente der Psychodynamik. 1908.

давно можно было убѣдиться изъ анализа продуктовъ сгоранія и при помощи калориметрическихъ экспериментовъ [1]).

Но какъ можно было бы при помощи измѣренія энергіи опредѣлить мѣру того или другого психофизіологическаго процесса? Это, по мнѣнію Лемана, возможно потому, что психофизіологическіе процессы, какъ бы они ни были сложны, подчиняются законамъ энергіи. „Психофизіологическіе процессы, говоритъ Леманъ, могутъ осуществляться только на счетъ другихъ формъ энергіи,—въ данномъ случаѣ на счетъ химической энергіи мозга. Отсюда слѣдуетъ, что два одновременныхъ процесса, которые возникаютъ благодаря превращенію даннаго количества энергіи, должны взаимно другъ друга угнетать“ [2]). Одинъ психическій процессъ въ этомъ случаѣ можетъ быть названъ угнетающимъ, а другой—угнетаемымъ. Обозначимъ первый при помощи символа А, а второй—при помощи символа В. Процессъ В угнетается процессомъ А. Степень угнетенія В является мѣрой процесса А.

Для поясненія того, какъ можно измѣрить психическій процессъ при помощи измѣренія угнетенія, возьмемъ примѣръ. Пусть испытуемый складываетъ рядъ однозначныхъ чиселъ до ста. Это пусть будетъ процессъ угнетаемый. Въ качествѣ угнетающей работы мы воспользуемся ударами метронома, именно, мы предъявимъ требованіе, чтобы испытуемый при каждомъ ударѣ метронома ставилъ точку въ ряду слагаемыхъ. Само собою разумѣется, что испытуемый, поставленный въ необходимость совершать добавочную работу (слушать удары метронома и проставлять точки), будетъ отвлекаться отъ своей основной работы—сложенія—и

[1]) Объ этомъ см., напр., D o d g e. Mental Work. A Study in Psychodynamics. The Psychological Review. Vol. XX. № 1. January.

[2]) См. его Lehrbuch der psychologischen Methodik. § 27.

выполнять эту послѣднюю менѣе совершенно. Если мы будемъ опредѣлять то количество сложеній, которое испытуемый будетъ совершать при наличности угнетающей работы, то мы измѣримъ силу угнетенія. Изъ этого видно, что количественное измѣреніе въ этой области можетъ служить мѣрой психической дѣятельности [1]).

Такова идея той отрасли экспериментальной психологіи, которая носитъ названіе психодинамики.

Объективная психологія, повидимому, открываетъ совсѣмъ новыя перспективы для изслѣдованія психическихъ явленій. Одинъ изъ сторонниковъ объективной психологіи, именно, г. Костылевъ въ своей книгѣ „Кризисъ экспериментальной психологіи“ [2]) находитъ, что современная экспериментальная психологія пошла по неправильному пути, она стала заниматься изслѣдованіемъ не того, что слѣдуетъ. Нужно было изслѣдовать не психическіе процессы, а соотвѣтствующіе имъ физіологическіе. „Нужно было изслѣдовать нервный токъ, который, проникая въ корку головного мозга, порождаетъ ощущеніе, нужно было открыть тѣ внутримозговые процессы, которые соотвѣтствуютъ колебаніямъ ощущенія. Вмѣсто того, чтобы изучать эти послѣдніе процессы, психофизика занялась измѣреніемъ ощущенія и такимъ образомъ пошла по совершенно ложному пути“ [3]).

Психологія давно уже не говорила такимъ языкомъ. Но для насъ весьма важно отмѣтить тѣ окончательные выводы, къ которымъ приходитъ объективная психологія, потому что они дѣлаютъ для насъ яснымъ и самую правомѣрность понятія объективной психологіи. „Истинная задача экспериментальной психологіи, гово-

[1]) Тамъ же.

[2]) La crise de la psychologie expérimentale. 1911.

[3]) Ук. соч. стр. 19.

ритъ г. Костылевъ, состоитъ въ познаніи самой природы психическихъ явленій, ихъ локализаціи и связи, соединяющей ихъ съ организмомъ" [1]).

Локализація психическихъ явленій и связь, соединяющая ихъ съ организмомъ,—это понятія физіологическія, а не психологическія. Но г. Костылевъ идетъ дальше. Онъ прэсто отождествляетъ психическую дѣятельность съ рефлективной и находитъ, что „отождествленіе психизма съ рефлективной дѣятельностью оправдывается въ психологіи". „Въ работѣ, которая поставляетъ цѣлью превращеніе психологіи въ науку чисто объективную, Бехтеревъ признаетъ, что всякій психическій актъ можетъ быть представленъ какъ рефлективный актъ, который, достигая корки мозга, оживляетъ тамъ, благодаря ассоціативнымъ связямъ, слѣды предшествующихъ возбужденій, которыя. въ концѣ-концовъ, опредѣляютъ нервный разрядъ" [2]).

Однако, хотя г. Костылевъ такъ опредѣленно высказался въ пользу отождествленія „психизма съ рефлективнымъ актомъ мозга", онъ очень далекъ отъ отрицанія роли интроспекціи въ психологіи. „Экспериментальная психологія будущаго не будетъ исключительно объективной, какъ этого, повидимому, желаетъ Бехтеревъ. Я не вижу основанія держаться объективнаго изученія функціонированія рефлексовъ. Я считаю чрезвычайно важнымъ изученіе на ряду съ этимъ при помощи интроспекціи процесса ихъ группированія, который приведетъ насъ отъ зачаточной умственной дѣятельности ребенка къ безконечно сложному сознанію взрослаго" [3]).

Это признаніе совершенно ясно свидѣтельствуетъ о несостоятельности самого понятія объективной психологіи

---

[1]) Ук. соч.

[2]) Ук. соч. стр. 128

[3]) Ук соч. стр 153

Нужно считать совершенно правильнымъ утвержденіе, что изученіе объективныхъ выраженій психическихъ процессовъ способствуетъ познанію психическихъ явленій, но обозначеніе такого рода изслѣдованій объективной психологіей способно ввести въ заблужденіе. То, что въ настоящее время называютъ объективными признаками психическихъ явленій и то, что, повидимому, даетъ право на существованіе особой объективной психологіи, было признано и въ прежней экспериментальной психологіи.

Вполнѣ можно согласиться съ утвержденіемъ Доджа, что признакомъ того или иного психическаго состоянія является не только то, что можетъ быть въ нашемъ сознаніи, но равнымъ образомъ и объективно запечатлѣваемые признаки. Но вѣдь эти объективно запечатлѣваемые признаки имѣются во всякомъ экспериментальномъ изслѣдованіи. Напримѣръ, я произвожу движеніе реакціи. Въ самонаблюденіи я нахожу только представленіе волевого импульса и произведеннаго движенія. Но этимъ далеко не исчерпывается то, что мы называемъ простой реакціей. Она имѣетъ еще признаки, которые открываются при помощи объективнаго измѣренія времени. При помощи этого послѣдняго мы получаемъ длительность реакціи, время, которое въ нашемъ сознаніи не имѣется на лицо. Время реакціи въ данномъ случаѣ есть объективный признакъ психическаго процесса. Такимъ образомъ, совершенно правильно утвержденіе, что тѣ, или другіе процессы могутъ имѣть признаки, которые нами субъективно не переживаемы, но могутъ быть объективно зарегистрованы, и это послѣднее можетъ быть названо признакомъ того или иного психологическаго процесса, но все же слѣдуетъ помнить и въ этомъ случаѣ, что хотя мы и изучаемъ объективные признаки, но это суть признаки психическаго процесса. Въ этомъ смыслѣ всякое примѣ-

неніе эксперимента есть не что иное, какъ оперированіе съ объективными признаками. Какъ мы видѣли, при помощи метода раздраженій мы изучаемъ измѣненіе раздраженій и по измѣненію этихъ послѣднихъ мы судимъ объ измѣненіяхъ психическаго процесса Такимъ образомъ ясно, что объективное изученіе и субъективное идутъ всегда рука объ руку.

Въ недавнее время экспериментъ получилъ неожиданное примѣненіе въ изслѣдованіи в ы с ш и х ъ умственныхъ процессовъ (сужденія, умозаключенія, мышленія понятій, вообще процесса мышленія), говорю „неожиданное", потому что раньше неоднократно высказывалось убѣжденіе, что экспериментъ можетъ примѣняться только къ элементарнымъ психическимъ процессамъ. Экспериментальные пріемы изслѣдованія высшихъ умственныхъ процессовъ вызвали возраженіе со стороны такого выдающагося психолога, какъ Вундтъ. Поэтому чрезвычайно важно опредѣлить, какое мѣсто въ психологіи занимаютъ эти изслѣдованія, являются ли они, какъ эксперименты, заслуживающими вниманія.

Но въ чемъ заключаются изслѣдованія высшихъ умственныхъ процессовъ. Поясню при помощи примѣра. Я желаю, напримѣръ, изучить природу процесса, называемаго с у ж д е н і е м ъ. Если бы я захотѣлъ изслѣдовать этотъ процессъ по прежнему способу, то я поступилъ бы такъ. Я представилъ бы какой-нибудь процессъ сужденія, какъ я его переживаю въ своемъ сознаніи, затѣмъ другой, третій процессы, и на основаніи этого сдѣлалъ бы выводъ относительно природы сужденія вообще. Въ настоящее время психологи находятъ, что для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ въ лабораторіи производить систематическій опросъ надъ другими лицами. Испытуемому субъекту предлагаютъ вопросъ, на который онъ даетъ отвѣтъ въ формѣ сужденія, высказаннаго или невысказаннаго, въ формѣ „да"

или „нѣтъ“. Другими словами, субъектъ долженъ пережить то психическое состояніе, которое называется сознаніемъ сужденія. Послѣ того, какъ онъ составилъ сужденіе, ему предлагаютъ описать, что было въ его сознаніи, когда онъ составлялъ сужденіе или переживалъ то психическое состояніе, которое называется созиданіемъ сужденія. Если я произведу такого рода экспериментъ надъ однимъ, другимъ, третьимъ, четвертымъ и т. д. субъектами, у меня накопится матеріалъ, на основаніи котораго я могу сдѣлать выводы относительно природы сужденія. Такого рода опыты впервые начали производиться въ Вюрцбургской лабораторіи профессора Кюльпе.

Независимо отъ Кюльпе, такого же рода экспериментальныя изслѣдованія процесса мышленія производилъ французскій психологъ Бинэ; онъ для этой цѣли воспользовался очень простымъ способомъ. Онъ задавалъ своимъ маленькимъ дочерямъ вопросы, на которые они должны были давать отвѣты, и просилъ сообщать, что у нихъ есть въ сознаніи, когда онѣ думаютъ о томъ или иномъ предметѣ. Для того, чтобы получить представленіе о томъ, какъ онъ велъ эти изслѣдованія, я приведу выдержку изъ его протоколовъ [1]). Онъ даетъ одной дочери своей (Армандъ) такую задачу: „Я говорю ей названіе Ф... Это—имя лица, очень хорошо знакомаго, которое прослужило у насъ въ домѣ въ теченіе шести или семи лѣтъ, и которое мы видимъ отъ времени до времени разъ пять или шесть въ годъ. Армандъ, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ представить себѣ Ф., оставляетъ попытку и говоритъ: это суть только мысли, я другого ничего себѣ не представляю. Я мыслю, что Ф. была здѣсь (когда она жила у насъ въ домѣ), и что она теперь въ В., но я не имѣю никакого образа. Я думала,

[1]) Binet. L'étude experimentale de l'intelligence. 1903, стр. 84.

что я имѣю образъ, но я такого образа не нашла". Бинэ произноситъ слово „tempête" (буря). Его дѣвочка должна сказать, что она себѣ представляетъ, когда мыслитъ понятіе, обозначаемое этимъ словомъ. Дѣвочка по выполненіи этой задачи говоритъ: „Я ничего себѣ не представляю. Такъ какъ это не есть предметъ, то я себѣ ничего не представляю. На этотъ разъ я сдѣлала усиліе, но я образа все-таки не имѣла". По поводу слова „favorit" (любимецъ) испытуемая сообщаетъ: „Это мнѣ ничего не говоритъ. Я совсѣмъ ничего не представляю. Я говорю себѣ, что это обозначаетъ то одну, то другую вещь. Но въ то время, какъ я ищу, никакой образъ не появляется". Изъ этихъ изслѣдованій оказалось, что есть мысли безъ образовъ. Самъ по себѣ этотъ выводъ представляетъ огромную важность.

Методъ Вюрцбургской лабораторіи напоминаетъ методъ Бинэ съ той только разницей, что изслѣдованія производились надъ людьми психологически образованными,—приватъ-доцентами, профессорами, а потому задачи были сложнѣе, но выводы получились тѣ же самые.

Для того, чтобы показать, какъ производились эти изслѣдованія, я возьму выдержку изъ ихъ протоколовъ. Руководитель опытовъ произноситъ какое-либо предложеніе; испытуемый долженъ, выслушавъ это предложеніе, сказать, понимаетъ онъ его или нѣтъ. Если понимаетъ, то долженъ описать то, что онъ пережилъ. Вотъ, напримѣръ, предложеніе, которое руководитель читаетъ испытуемому. „Понимаете ли вы слѣдующее предложеніе: нужно быть столько же сострадательнымъ, сколько и жестокимъ, чтобы быть тѣмъ или другимъ". Черезъ 27 секундъ получается отвѣтъ — „да". Затѣмъ испытуемый субъектъ описываетъ переживаемое: „Сначала я почувствовалъ себя безпомощнымъ передъ этой фразой, наступило исканіе, которое носило характеръ повторнаго воспріятія обѣихъ частей приблизительно

такъ, какъ если бы я спрашивалъ, какъ можно быть жестокимъ, чтобы быть сострадательнымъ, и наоборотъ. Внезапно меня осѣнила мысль, что исключительное положеніе того или другого понятія исключаетъ само себя, одно съ другимъ тѣсно связано, одно предполагаетъ другое, то или другое можетъ существовать вслѣдствіе контраста. То, что здѣсь пришлось передать многими словами, въ мысли представляло одинъ актъ. Тогда все положеніе освѣтилось и я понялъ его". Такимъ образомъ, испытуемый утверждаетъ, что понялъ мысль въ одномъ актѣ, а между тѣмъ традиціонная психологія учитъ, что здѣсь должно быть много процессовъ. Этотъ результатъ представляетъ, несомнѣнно, огромную важность еще въ томъ отношеніи, что доказываетъ возможность состояній сознанія, имѣющихъ не конкретный характеръ. Этотъ выводъ опровергаетъ, повидимому, то, что до сихъ поръ являлось общепризнаннымъ въ психологіи [1]).

Подобные эксперименты производились во многихъ лабораторіяхъ Европы и Америки. Намъ слѣдуетъ выяснить, можно ли эти эксперименты считать научными, можно

[1]) Вотъ главнѣйшая литература по вопросу объ экспериментальномъ изслѣдованіи высшихъ умственныхъ процессовъ Marbe. Experimentell-psychologische Untersuchungen uber das Urtheil. 1901. Watt. Experimentelle Beitrage zu einer Theorie des Denkens. Archiv fur die gesammte Psychologie. IV. B. 1905. Ach. Ueber die Willensthatigkeit und Denken. 1905. Messer. Experimentell-psychologische Untersuchungen uber das Denken. Arch. f. d. ges. Psych. B. VIII Buhler. Thatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgange A. f. d. g Psych. B IX. Binet. L'étude expérimentale de l'intelligence. 1903. E. von Aster. Die psychologische Beobachtung und experimentelle Untersuchung von Denkvorgangen. Zeitschrift fur Psychologie. B. XLIX. Durr. Ueber die experimentelle Untersuchung der Denkvorgange. B. XLIX. Storring. Experimentelle Untersuchungen uber einfache Schlussprocesse. Arch. f. d. g. Psychologie. B XI. Storring. Experimentelle und psychopathologische Untersuchungen über das Bewusstsein der Gültigkeit. Arch. f. d. g Ps. XIV. 1909.

ли признать, что экспериментаторы стоятъ на правильномъ пути. Первый возразилъ противъ нихъ Вундтъ. Онъ осуждаетъ этотъ методъ, называетъ его ненаучнымъ. „Эти такъ называемые эксперименты, говоритъ Вундтъ [1]), даже не суть эксперименты въ томъ смыслѣ, который выработанъ естествознаніемъ и воспринятъ психологіей. Этому послѣднему понятію въ качествѣ самаго существеннаго признака принадлежитъ цѣлесообразное, сопровождаемое возможно благопріятнымъ состояніемъ вниманія созиданіе и измѣненіе явленій. Если-же кому-нибудь предлагаютъ неожиданные вопросы одинъ за другимъ и заставляютъ его обдумывать какія-либо проблемы, то это не есть ни цѣлесообразное вмѣшательство, ни планомѣрное измѣненіе условій, ни наблюденіе при возможно благопріятномъ состояніи вниманія. Закономѣрное измѣненіе условій того или иного процесса совершенно отсутствуетъ,— и условія наблюденія такъ неблагопріятны, какъ только возможно, потому что наблюдателю внушается, что онъ долженъ воспринять воздѣйствіе впечатлѣній очень сложныхъ, при томъ въ присутствіи другихъ, его наблюдающихъ лицъ“. Далѣе Вундтъ говоритъ: „Лицо, надъ которымъ производится экспериментъ, находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ: оно должно въ одну и ту же минуту переживать нѣчто и наблюдать переживаемое. При такихъ условіяхъ вниманіе не можетъ работать съ достаточной интенсивностью: оно раздѣляется между переживаемымъ и тѣмъ, что надо воспринять“ [2]).

Это возраженіе неосновательно, потому что во всякомъ психическомъ экспериментѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же самымъ: мы сначала воспринимаемъ и затѣмъ

---

[1]) Wundt. Logik. B. III. Стр. 174

[2]) См. также Grundzuge der physiologischen Psychologie. B. III 551—554 и B. I. Стр. 10—11, а также статью Kritische Nachlese zur Ausfragemethode въ Arch. f. d gesammte Psychologie. B. XII.

воспроизводимъ то, что воспринимали. Во всякомъ психологическомъ экспериментѣ мы оперируемъ съ образами воспринимаемыми. Въ этомъ отношеніи эксперименты въ области мышленія ничѣмъ не отличаются отъ другихъ экспериментовъ.

Но самое вѣское возраженіе Вундта заключается въ слѣдующемъ. Эти эксперименты отличаются отъ психофизическихъ тѣмъ, что въ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ раздраженіемъ, которое мы можемъ измѣнять по нашему плану произвольно, можемъ видоизмѣнять условія, при которыхъ протекаетъ психическій процессъ, а въ этихъ экспериментахъ мы этого дѣлать не можемъ. Ошибочность метода состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, что мы не можемъ планомѣрно варьировать и повторять переживаемое, чтобы обезпечить достовѣрность высказываемаго. Когда я задаю испытуемому какой-либо вопросъ, то процессъ въ умѣ испытуемаго находится в н ѣ моей власти. Въ психофизическихъ экспериментахъ я до извѣстной степени властвую надъ экспериментомъ, потому что, видоизмѣняя раздраженіе, я въ то же время видоизмѣняю и самый психическій процессъ. Въ этихъ же экспериментахъ процессъ протекаетъ по своему; я жду, когда процессъ закончится, и испытуемый субъектъ разскажетъ мнѣ о немъ. Этимъ, конечно, эксперименты надъ высшими умственными процессами рѣшительно отличаются отъ обычныхъ психофизическихъ. Послѣдній аргументъ Вундта имѣетъ, дѣйствительно, значеніе. Согласимся съ Вундтомъ, что въ экспериментахъ этого рода психическій процессъ не находится въ нашей власти, мы не можемъ производить въ немъ измѣненій. Въ нихъ есть существенное отличіе отъ тѣхъ экспериментовъ, которые называются п с и х о ф и з и ч е с к и м и, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что въ нихъ не допускается никакого и з м ѣ р е н і я, но вѣдь слѣдуетъ признать, что экспериментъ мы имѣемъ

не только въ томъ случаѣ, когда можетъ быть производимо измѣреніе, но и въ томъ случаѣ, когда мы опредѣляемъ качественныя отношенія. — Здѣсь же экспериментъ служитъ только для того, чтобы установить факты. Мы, конечно, должны будемъ признать, что эксперименты этого рода менѣе совершенны, т. е. приводятъ къ менѣе опредѣленнымъ результатамъ, чѣмъ эксперименты психофизическіе, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ очень важное значеніе именно потому, что они служатъ для установленія фактовъ мыслительной дѣятельности. Посредствомъ этихъ пріемовъ изслѣдованія нельзя измѣрить явленій, но вполнѣ возможно установить факты.

Кромѣ того, въ нихъ все же есть признаки, сближающіе ихъ съ экспериментомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Прежде всего мы можемъ по произволу вызвать любой мыслительный процессъ; по желанію мы можемъ повторить его,—правда, не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его переживали, но все же можемъ повторить приблизительно въ томъ же видѣ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ мы можемъ избѣжать тѣхъ недостатковъ, которые присущи изслѣдованію при помощи простого самонаблюденія. Въ силу этихъ соображеній мнѣ кажется, что названные нами экспериментальные методы изслѣдованія высшихъ умственныхъ процессовъ въ будущемъ могутъ оказаться чрезвычайно плодотворными. Но при этомъ слѣдуетъ сдѣлать весьма важную методологическую оговорку. Эксперименты этого рода могутъ сдѣлаться плодотворными только въ томъ случаѣ, если въ нихъ въ качествѣ испытуемыхъ принимаютъ участіе лица психологически образованныя. Это изслѣдованіе высшихъ процессовъ мышленія, воли и т. п. имѣетъ то важное значеніе, что возвращаетъ психологію на почву чисто психологическаго изслѣдованія.

Есть еще одинъ видъ экспериментовъ, которые можно

назвать коллективными экспериментами. Коллективные эксперименты производятся одновременно надъ большимъ числомъ лицъ и по преимуществу въ школахъ. Но коллективные эксперименты только въ томъ случаѣ могутъ имѣть безспорное научное значеніе и пріобрѣсти достаточную точность, когда результаты переживаній получаютъ опредѣленное выраженіе и когда именно интересъ изслѣдователей сосредоточивается на этихъ продуктахъ переживанія, а не на особенностяхъ самого переживанія, потому что въ массовыхъ экспериментахъ утрачиваются индивидуальныя различія психическихъ переживаній, которыя въ большинствѣ случаевъ представляютъ большій интересъ. Напр., при изслѣдованіи памяти при помощи коллективныхъ экспериментовъ можно опредѣлить количество выучиваемаго, но не можетъ быть опредѣлена особенность этого психическаго переживанія [1]).

Мы имѣемъ теперь достаточно данныхъ для отвѣта на вопросъ, каково значеніе экспериментальной психологіи, и каково ея мѣсто въ общей системѣ психологіи. Между экспериментальнымъ методомъ и, такъ называемымъ, методомъ самонаблюденія противорѣчія нѣтъ; одинъ методъ не исключается другимъ. Главное значеніе эксперимента состоитъ именно въ томъ, чтобы сдѣлать самонаблюденіе болѣе точнымъ. Если иногда говорятъ, что экспериментальная психологія имѣетъ ограниченное значеніе потому, что она можетъ изучать лишь простѣйшія психическія явленія, то на это слѣдуетъ замѣтить, что, конечно, въ настоящее время мы можемъ изучать экспериментально лишь простѣйшія психическія явленія, но вѣдь принципіально не исключается возможность того, что впослѣдствіи и сложныя психическія явленія удастся подвергнуть экспериментальнымъ изслѣдова-

[1]) См. мой сборникъ „Психологія и школа". Стр. 121.

ніямъ. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что есть психическіе процессы, которые по самой своей природѣ исключаютъ возможность экспериментальнаго изслѣдованія. Таковы, напр., чувства моральное и религіозное. Они не подлежатъ экспериментальному изслѣдованію потому, что ихъ нельзя вызывать, какъ это обыкновенно дѣлается въ экспериментѣ. Они сохраняютъ свой специфическій характеръ и свою чистоту только въ томъ случаѣ, если возникаютъ въ реальномъ переживаніи, безъ искусственнаго ихъ вызыванія. Таковы предѣлы примѣненія эксперимента.

Слѣдуетъ замѣтить, что какой-либо отдѣльной „экспериментальной“ психологіи нѣтъ. Нельзя говорить, что существуютъ двѣ психологіи—экспериментальная и основывающаяся на самонаблюденіи. Экспериментальной психологіи въ собственномъ смыслѣ не существуетъ,—есть только экспериментальный методъ изслѣдованія психическихъ явленій. Еще очень недавно дѣлались попытки выдѣлить экспериментальную психологію въ самостоятельную отрасль. Если такой процессъ выдѣленія и существуетъ, то слѣдуетъ отмѣтить, съ другой стороны, что и экспериментальная психологія все больше и больше входитъ въ общую психологію [1]).

---

[1]) Въ сочиненіи Wirth, Psychophysik, стр. 2-ая, совершенно справедливо отмѣчается: „Эти изслѣдованія высшихъ психическихъ процессовъ выдвигаютъ самостоятельность экспериментальной психологіи, которая ей присуща, какъ части общей психологіи (als Theilgebiet der allgemeinen Psychologie)“.

Г. П. Зеленый.

Современная біологія и психологія.

Быстрый ростъ наукъ физическихъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на изученіе психическихъ явленій. Съ одной стороны замѣтны попытки психологовъ внести въ психологію пріемы и методы, примѣняющіеся въ физическихъ наукахъ; съ другой стороны, физіологи стали прямо претендовать на психическія явленія, какъ подлежащія ихъ вѣдѣнію. Особенно яркимъ выразителемъ послѣднихъ былъ у насъ въ Россіи Сѣченовъ, своими сочиненіями оказавшій огромное вліяніе на теченіе мысли и міровоззрѣніе русской интеллигенціи. Сѣченовъ [1]) высказывался, напр., такъ: „Ясной границы между завѣдомо соматическими, т. е. тѣлесными, нервными актами и явленіями, которыя всѣми признаются уже психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи".

Затѣмъ онъ считалъ чувствованіе, сознательный факторъ, среднимъ членомъ рефлексовъ и т. п.

Другіе физіологи, не высказывая прямо такихъ взглядовъ, на дѣлѣ опирались на нихъ, пытаясь въ своихъ изслѣдованіяхъ ввести психическія явленія въ кругъ изслѣдуемыхъ явленій.

Тѣмъ временемъ въ біологіи опредѣлилась новая ея отрасль—изученіе реакцій животныхъ на внѣшнюю среду,

[1]) И. Сѣченовъ. Психологическіе этюды, стр. 151.

а именно, тѣхъ сложныхъ реакцій, изъ которыхъ составляется то, что́ мы называемъ поведеніемъ животныхъ. Американцы называютъ изучаемыя ею явленія мѣткимъ терминомъ „animal behavior".

На изученіе этихъ реакцій направились усилія ученыхъ разныхъ спеціальностей: зоологіи, сравнительной психологіи и физіологіи. Усилія эти и привели къ накопленію большого количества знаній. Изслѣдованія эти приняли такое направленіе, что психическія явленія стали все болѣе и болѣе исключаться изъ вѣдѣнія естествоиспытателей, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Даже тѣ изслѣдователи, которые ставятъ своей конечной цѣлью именно психику (представители сравнительной психологіи) и тѣ ходомъ своего изслѣдованія невольно отстраняются отъ задачъ психологіи, часто сами того не сознавая.

I.

Разбирая всю совокупность реакцій животнаго на внѣшнюю среду, мы можемъ подраздѣлить ихъ на двѣ группы: одна группа давно уже изучается физіологами подъ именемъ рефлексовъ, таковы, напр., миганіе при раздраженіи глазъ, чиханіе и кашель при раздраженіи дыхательныхъ путей, отдѣленіе слюны при раздраженіи полости рта и т. под. Къ другой группѣ относятся всѣ остальныя реакціи, которыя въ повседневной жизни и отчасти въ наукѣ считаютъ результатомъ психической дѣятельности животнаго и изъ которыхъ складывается то, что мы называемъ поведеніемъ.

Разнообразіе этихъ явленій такъ велико, что затруднительно найти нѣсколько такихъ примѣровъ, которыми иллюстрировалась бы вся сумма ихъ. Къ нимъ, напр., относятся: прибѣганіе животнаго къ пищѣ, нападеніе на другихъ животныхъ, убѣганіе отъ опасныхъ предметовъ и т. д. и т. д.

Рефлексы, которые отнесены къ первой группѣ, давно уже изучаются физіологами и не о нихъ будетъ идти рѣчь. Насъ интересуютъ тѣ реакціи, которыя я отнесъ ко второй группѣ.

Какъ они изучаются и какъ ихъ надо изучать?

Когда мы изучаемъ тѣ простыя реакціи, которыя названы рефлексами, то мы устанавливаемъ законосообразную связь между внѣшнимъ проявленіемъ реакцій (въ нашихъ примѣрахъ—отдѣленіе слюны, миганіе вѣкъ) и процессами въ нервной системѣ. Такого рода реакція считается нами понятою тогда, когда намъ станутъ извѣстны всѣ тѣ нервные процессы, которые имѣютъ здѣсь мѣсто. При изученіи рефлексовъ мы пытаемся выяснить себѣ соотношеніе между раздраженіемъ и отвѣтной реакціей, ходъ и характеръ процессовъ возбужденія и торможенія, происходящихъ при этомъ въ нервной системѣ, и какъ дальнѣйшій этапъ изслѣдованій, узнать физико-химическіе процессы, лежащіе въ основѣ нервныхъ явленій.

Возьмемъ для примѣра такой рефлексъ, какъ отдергиваніе лягушкой (хотя бы и обезглавленной) лапки въ отвѣтъ на раздраженіе кожи. Подвергая анализу эту реакцію, мы отмѣтимъ, что сначала произошло раздраженіе чувствительныхъ нервныхъ окончаній, заложенныхъ въ кожѣ. Возникшее въ нервныхъ окончаніяхъ нервное возбужденіе передалось затѣмъ по чувствительнымъ нервамъ въ мозгъ. Здѣсь нашему анализу подвергнется путь, который возбужденіе будетъ проходить, равно какъ самый характеръ возбужденія и сопутствующіе ему процессы торможенія. Изъ мозга возбужденіе передается по двигательнымъ нервамъ въ мышцы и въ результатѣ получится отвѣтное движеніе, т. е. отдергиваніе лапки. Вотъ весь процессъ, который подвергается нашему анализу.

Но это только первый этапъ изслѣдованія. Въ дальнѣйшемъ намъ надо выяснить, что́ такое процессы воз-

бужденія и торможенія, какова ихъ физико-химическая природа, и тогда задача физіолога будетъ закончена.

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что́ физіологъ называетъ рефлексомъ: это—такая отвѣтная реакція организма на раздраженіе, которая совершается при посредствѣ нервной системы, причемъ происходитъ передача возбужденія по центростремительному нерву въ центральную нервную систему, а оттуда по центробѣжному пути въ тотъ или иной рабочій органъ (мышцы или железы).

Какъ видно, формула эта достаточно широка, чтобы подвести подъ нее почти всякую нервную реакцію организма на внѣшнюю среду. Но часть физіологовъ, равно какъ психологи, прибавили къ этой формулѣ одно слово, которое въ сильной степени мѣняетъ все дѣло. Именно, рефлексами они стали называть только тѣ реакціи, которыя совершаются „непроизвольно“, выдѣливши въ особую группу другія реакціи, какъ „произвольныя“, „сознательныя“.

И вотъ, въ результатѣ такого подраздѣленія „сознательныя“ реакціи остались внѣ круга изслѣдованій физіологовъ. Хотя многіе физіологи и считали, что психическія явленія также подлежатъ изученію физіолога; хотя часто при объясненіи этихъ реакцій прибѣгали къ психологическимъ толкованіямъ, но, несмотря на это (а, вѣрнѣе, благодаря этому), фактически эти сознательныя реакціи остались безъ обстоятельнаго экспериментальнаго анализа.

Еще Сѣченовъ [1]) пытался ввести и такъ называемыя психическія реакціи въ кругъ изслѣдованій физіолога. Онъ, какъ извѣстно, высказалъ взглядъ, что психическія реакціи—это тѣ же рефлексы. Но его взглядъ такъ и остался въ теоріи. Фактъ тотъ, что, несмотря на него,

---

[1]) Сѣченовъ. Рефлексы головного мозга. Спб. 1871 г.

самъ Сѣченовъ дальше теоретическаго разсмотрѣнія вопроса не пошелъ.

Систематическихъ экспериментныхъ изслѣдованій, имѣвшихъ своей исходной точкой такой взглядъ, онъ самъ не производилъ. И причина этому, прибавлю тутъ же, лежала, вѣроятно, въ томъ, что онъ считалъ психическія явленія составною частью рефлекса. Эта точка зрѣнія и явилась, повидимому, тормазомъ для изслѣдованія. Какъ бы то ни было, впрочемъ, взглядъ Сѣченова все-таки былъ шагомъ впередъ. Онъ приблизилъ такъ называемыя психическія реакціи съ ихъ фактической стороны къ физіологу.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось до девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ это время среди біологовъ проявился особый интересъ къ изученію такъ называемыхъ психическихъ реакцій, причемъ одни ученые устремили свое вниманіе на выясненіе тѣхъ законовъ, по которымъ происходятъ эти реакціи, другіе думали воспользоваться этими реакціями, какъ показателями психическихъ явленій, пытаясь создать сравнительную экспериментальную психологію. Конечно, строго разграничивать эти стремленія не приходится.

Мы теперь разсмотримъ вопросъ, въ какомъ направленіи шли научныя изслѣдованія, при изученіи тѣхъ реакцій, которыхъ до этого не причисляли къ рефлексамъ, оставивъ пока въ сторонѣ сознательныя намѣренія ихъ авторовъ. Это тѣмъ болѣе важно, что часто ученые дѣлаютъ цѣнныя открытія и изслѣдованія, въ одной области, стремясь къ совершенно другимъ научнымъ цѣлямъ.

Первые цѣнные шаги были сдѣланы при изученіи реакцій низшихъ животныхъ, что́ вполнѣ понятно, въ виду ихъ сравнительной простоты. Не задаваясь цѣлью дать точную и подробную исторію изслѣдованій въ занимающей насъ области, я остановлюсь только на наиболѣе яркихъ и выпуклыхъ работахъ.

Издавна уже было извѣстно, что нѣкоторыя животныя тянутся къ свѣту, другія прячутся въ темныя мѣста, щели и т. п.

Эти факты многіе были склонны объяснять психологически. Если животное стремится къ свѣту, то это, значитъ, потому, что оно любитъ свѣтъ. Если животное устремляется въ щели, то потому, что любитъ ихъ. Давши этимъ фактамъ такое объясненіе, мысль ученыхъ успокоилась, считая свою задачу исполненной.

Не такъ подошелъ къ этимъ явленіямъ одинъ изъ величайшихъ современныхъ біологовъ (нынѣ живущій въ Америкѣ)—Ж. Л е б ъ. Въ своихъ работахъ онъ обратилъ вниманіе на физическую сторону этихъ реакцій, видя въ ней объясненіе. Вотъ, какъ онъ объясняетъ факты:

„Уже давно было извѣстно, что многія животныя „приманиваются“ свѣтомъ и летятъ въ огонь. Это считали особымъ инстинктомъ. При этомъ говорили, что эти животныя „любятъ свѣтъ“, что „ихъ влечетъ къ свѣту любопытство“, что здѣсь происходитъ „притягиваніе“ и проч. Я въ цѣломъ рядѣ работъ, изъ которыхъ первая появилась въ январѣ 1888 г., показалъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ ни о чемъ иномъ, какъ о тѣхъ же явленіяхъ, которыя у растеній давно извѣстны подъ именемъ геліотропизма. Можно показать, что геліотропизмъ животныхъ точка въ точку совпадаетъ съ геліотропизмомъ растеній. Представимъ себѣ, что на ночную бабочку свѣтъ дѣйствуетъ на одну сторону; тогда это одностороннее дѣйствіе свѣта выразится въ томъ, что тѣ мышцы, которыя направляютъ голову животнаго къ свѣту, придутъ въ состояніе усиленной дѣятельности и тогда, само собой разумѣется, голова животнаго повернется къ свѣту. Какъ скоро голова животнаго повернута къ свѣту, и ея срединная плоскость совпадаетъ съ направленіемъ свѣтовыхъ лучей, симметричныя точки ея поверхности, особенно глазъ, подвер-

гаются дѣйствію свѣтовыхъ лучей подъ равнымъ угломъ, и нѣтъ никакого основанія, чтобы животное отклонилось отъ направленія свѣтовыхъ лучей направо или налѣво. Такимъ образомъ, оно направится къ свѣту. Если дѣло будетъ идти о животныхъ съ быстрымъ движеніемъ впередъ (какъ ночная бабочка), то они попадутъ въ огонь раньше, чѣмъ жаръ огня будетъ имѣть время затормозить ихъ движеніе. Если дѣло будетъ идти о животныхъ съ медленнымъ движеніемъ впередъ, на которыя усиливающійся жаръ при приближеніи къ огню можетъ подѣйствовать раньше, чѣмъ животное попадетъ въ самый огонь, то, какъ только животное вслѣдствіе своего положительнаго геліотропизма приблизится къ самому огню, тогда вслѣдствіе высокой температуры движеніе впередъ затормозится, животное удалится отъ огня, затѣмъ вновь оріентируется и т. д.“ [1]).

Аналогичныя физіологическія объясненія Лёбъ даетъ и другимъ „инстинктамъ“.

Итакъ, мы теперь имѣемъ чисто физіологическія объясненія этихъ реакцій, чуждыя какихъ бы то ни было психологическихъ понятій.

Лёбъ намъ нарисовалъ картину тѣхъ физіологическихъ процессовъ, которые имѣютъ здѣсь мѣсто. Многіе (въ томъ числѣ и самъ Лёбъ) пришли къ заключенію, что эти изслѣдованія доказываютъ, что животныя прибѣгаютъ на свѣтъ не потому, что они любятъ свѣтъ, а потому, что въ нихъ имѣютъ мѣсто описанныя Лёбомъ физіологическіе процессы. Однако, съ этимъ согласиться нельзя. Если описана физіологическая сторона реакціи, если между ней и внѣшними раздраженіями наблюдается законосообразная связь, то это не значитъ еще, что отсутствуетъ психическая сторона.

---

[1]) J. Loeb. Einleitung in die vergleichende Gehirnphysiologie und vergleichende Psychologie. 1899.

Опыты Лёба нисколько не доказали того факта, что психическія явленія въ этихъ реакціяхъ не имѣютъ мѣста.

Твердое сознаніе того, что физіологъ долженъ изслѣдовать только объективную (физическую) сторону такъ называемыхъ психическихъ реакцій, что психическая сторона явленій исключается изъ естественно-научнаго изслѣдованія, мы встрѣчаемъ затѣмъ у другихъ ученыхъ, изъ которыхъ первыми наиболѣе полно выразили эту точку зрѣнія Ziegler, Bethe и Uexküll. Опираясь на эту точку зрѣнія Bethe, Beer и v. Uexküll даже предложили въ 1899 году [1]) особую номенклатуру для такъ называемыхъ психическихъ реакцій, которая была бы пригодна для изслѣдователей, избѣгающихъ субъективныхъ психологическихъ истолкованій.

Необходимость для физіолога придерживаться только объективныхъ истолкованій особенно ярко выразилъ v. Uexküll. Онъ же ясно высказалъ, что при такого рода изслѣдованіяхъ психическая сторона не отрицается, а только исключается.

Въ своей полемической статьѣ [2]), направленной противъ Wassmann'a, онъ, разбирая примѣръ такъ называемой психической реакціи животнаго, такъ выражается:

„Движеніе, произведенное животнымъ, было вызвано сокращеніемъ мышцъ. Сокращенія мышцъ были вызваны возникновеніемъ въ нервныхъ окончаніяхъ колебаній электрическихъ волнъ.

Электрическая волна возникла въ двигательныхъ нервахъ не самостоятельно, а была вызвана въ немъ подобными же физическими явленіями движенія (physikalische

---

[1]) Th. Beer, A. Bethe u. J. V. Uexküll. Vorschlage zu einer objektivierenden Nomenklatur in der Physiologie des Nervensystems. „Biologisches Centralblatt". 1899.

[2]) v. Uexkull. Ueber die Stellung der vergleichender Physiologie zur Hypothèse der Tierseele. „Biol. Centralbl.". 1900.

Bewegungsphanomene) въ опредѣленныхъ центрахъ центральной нервной системы. Послѣдніе же, въ свою очередь, прямо получили тѣ двигательные импульсы, которые исходили изъ опредѣленныхъ центростремительныхъ нервовъ. Волны электрическихъ колебаній, которыя пробѣгали по центростремительнымъ нервамъ, возникли изъ органа чувствъ этихъ нервовъ, послѣ того, какъ онъ подвергся раздраженію процессомъ движенія (Bewegungsvorgang) внѣшняго міра.

„Итакъ, мы сдѣлали то, что желаетъ Wassmann. Мы все время умозаключали отъ дѣйствія къ причинѣ и этимъ путемъ опять оставили животное безъ того, чтобы столкнуться съ элементомъ психики.

„Можно сказать, что послѣднее прямо невозможно, такъ какъ причиной движенія можетъ быть только движеніе же.

„Почему же Wassmann сталъ думать, что, дѣлая обратное заключеніе о причинахъ движенія животнаго, онъ натолкнется на психику?

„Представимъ себѣ такой случай, что кто-нибудь изъ насъ имѣетъ возможность молекулярные процессы въ своей нервной системѣ сдѣлать доступными для собственныхъ органовъ чувствъ при помощи гальванометра и т. п. Тогда мы бы увидѣли, что совершенно такъ же, какъ у животнаго, сперва отъ раздраженія какого-нибудь органа чувствъ центростремительный нервъ передаетъ волну колебанія въ мозгъ. Эта колебательная волна вызываетъ въ различныхъ центрахъ движеніе молекулъ, которое передается опредѣленнымъ центробѣжнымъ нервамъ, отчего и произойдетъ сокращеніе мышцъ.

„Это наблюденіе нашей собственной нервной системы нашими органами чувствъ можетъ обнаружить совершенно такъ же, какъ у животнаго, только цѣпь явленій движенія (Bewegungserscheinungen).

„Наряду съ этимъ внѣшнимъ самонаблюденіемъ, су-

ществуетъ еще внутреннее самонаблюденіе, при которомъ мы пользуемся нашими ощущеніями. Внѣшнее самонаблюденіе принадлежитъ цѣликомъ физіологіи, внутреннее самонаблюденіе—цѣликомъ психологіи".

Итакъ, у Uexküll'я мы уже видимъ вполнѣ ясное и сознательное разграниченіе задачъ психологіи и физіологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него ясно высказана возможность сдѣлать спеціальнымъ предметомъ изслѣдованія тѣ физіологическіе процессы, которые имѣютъ мѣсто при такъ называемыхъ психическихъ реакціяхъ, оставляя психическія явленія въ сторонѣ. Эту физіологическую сторону психическихъ реакцій онъ описываетъ, какъ рефлексы. Пусть читатель сравнитъ приведенную здѣсь цитату Uexküll'я съ опредѣленіемъ рефлекса, даннымъ въ началѣ статьи.

Этому объективному методу Uexkull слѣдовалъ въ своихъ экспериментальныхъ работахъ, касавшихся, къ сожалѣнію, только низшихъ животныхъ.

Самое обширное примѣненіе объективнаго метода при изученіи психическихъ реакцій мы находимъ впослѣдствіи въ работахъ проф. И. Павлова и его школы. Этимъ работамъ мы удѣлимъ особое вниманіе. Однако, до этого мы должны сдѣлать еще экскурсію въ область исторіи вопроса.

До сихъ поръ была изложена исторія развитія объективнаго метода. Примѣненіе этого метода возникло среди физіологовъ, что́ и понятно, такъ какъ, только оставаясь на почвѣ объективизма, физіологи оставались физіологами. Но наряду съ этимъ въ средѣ другихъ біологовъ возникло стремленіе создать сравнительную психологію. Такъ называемыя психическія реакціи животныхъ эти біологи пытались использовать въ качествѣ показателей не нервныхъ процессовъ, а психическихъ. Проще говоря, наблюдая за внѣшнимъ поведеніемъ животныхъ, дѣлали догадки о тѣхъ психиче-

скихъ процессахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, обусловили ту или иную реакцію.

Такимъ образомъ создалось среди изслѣдователей психическихъ реакцій 2 лагеря: одни, обращаясь къ психикѣ животныхъ, пытаются создать сравнительную психологію, другіе изучаютъ только физіологическую сторону психическихъ реакцій, причемъ отрицаютъ возможность созданія сравнительной психологіи и допускаютъ только сравнительную физіологію.

Мы сейчасъ не беремся рѣшать, кто въ этомъ спорѣ правъ, тѣмъ болѣе, что задача нашей статьи представить фактическое положеніе и исторію вопроса.

Обращаясь къ работамъ представителей сравнительной психологіи (будемъ ихъ называть субъективистами) мы должны констатировать, что психическія явленія (понимая подъ этимъ словомъ явленія сознанія) животныхъ остались по прежнему для насъ темными. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ субъективисты до сихъ поръ даже не сумѣли найти объективныхъ признаковъ сознанія у животныхъ. Субъективисты, конечно, собрали много интереснаго матеріала, но этотъ матеріалъ исключительно фактическій, физіологическій. Въ этихъ изслѣдованіяхъ цѣнна та сторона, которая состоитъ въ установленіи закономѣрности между внѣшними раздражителями и внѣшними на нихъ реакціями организма. Что касается до истолкованія этихъ реакцій, то психологическія ихъ истолкованія носятъ характеръ произвольныхъ догадокъ. Однако, все чаще и чаще встрѣчаются истолкованія физіологическія.

Особенно ярко это встрѣчается у одного изъ виднѣйшихъ представителей сравнительной психологіи, Жоржа Бона, которому мы обязаны цѣнными работами. Его попытки объяснить нѣкоторыя реакціи животныхъ на внѣшнюю среду законами физической химіи чрезвычайно интересны.

Повторяю, мы здѣсь не будемъ дебатировать вопросъ о возможности сравнительной психологіи. Мы только отмѣтимъ то обстоятельство, что, пока что, попытки создать сравнительную психологію приводятъ ихъ авторовъ къ физіологіи.

Кромѣ того, многіе авторы относятъ свои опыты надъ животными къ области психологіи, хотя эти опыты касаются вовсе не психическихъ явленій, а только внѣшнихъ реакцій животныхъ.

Чтобы не быть голословнымъ, мнѣ пришлось бы дѣлать подробный анализъ нѣкоторыхъ работъ по такъ называемой сравнительной психологіи, но этого мнѣ не позволяютъ размѣры статьи.

Впрочемъ, въ доказательство справедливости моихъ словъ достаточно привести заглавіе одной главы изъ книги виднаго представителя сравнительной психологіи Ж. Бона [1])

Оно гласитъ такъ: „Application de la chimie physique à la psychologie".

Всякій психологъ, прочитавши эту главу, увидитъ, что дѣло идетъ о примѣненіи физической химіи не къ психическимъ явленіямъ, а къ физіологическимъ, при томъ главнымъ образомъ къ тѣмъ, которыя являются коррелатомъ явленій психическихъ.

Примѣненіе термина „психическій" къ тѣмъ физіологическимъ явленіямъ, которыя только коррелаты явленій психическихъ, встрѣчается у представителей такъ называемой сравнительной психологіи постоянно. Оно часто основано только на недостаточномъ знакомствѣ съ психологіей и ея задачами. Иногда же оно состоитъ въ просто неправильномъ примѣненіи термина „психическій" [2]).

[1]) G Bohn. La nouvelle psychologie animale. 1911.

[2]) „Объективная психологія" проф. В Бехтерева есть въ сущности физіологія.

II.

Мы до сихъ поръ характеризовали въ общихъ чертахъ, въ какомъ направленіи шла научная мысль при изученіи такъ называемыхъ психическихъ реакцій. Теперь займемся анализомъ конкретныхъ данныхъ, при томъ касающихся высшихъ животныхъ.

Изученіе психическихъ реакцій у высшихъ животныхъ стало на твердую почву съ того времени, какъ возникло и развилось ученіе объ ассоціативныхъ явленіяхъ. Первое ясное представленіе объ ассоціативныхъ явленіяхъ мы находимъ какъ разъ у того ученаго, который первый обратилъ вниманіе на физіологическую сторону психическихъ реакцій, именно, у Лёба.

Въ своей статьѣ о физіологіи мозга червей [1]) онъ выражается слѣдующимъ образомъ:

„Подъ ассоціативной памятью мы понимаемъ такое устройство мозга, благодаря которому какой-нибудь раздражитель вызываетъ не только тѣ дѣйствія, которыя соотвѣтствуютъ его природѣ и специфической структурѣ раздражаемаго образованія, но, кромѣ того, и эффекты раздраженія отъ другихъ причинъ, которыя раньше воздѣйствовали почти или вполнѣ одновременно съ даннымъ раздраженіемъ".

Примѣняя слово „память", Loeb подчеркиваетъ, что онъ беретъ его только въ объективномъ смыслѣ, характеризуя физіологическій, а не психическій процессъ.

Понятіе объ ассоціативныхъ реакціяхъ было огромнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія т. наз. психическихъ реакцій. Къ сожалѣнію, самъ J. Loeb не производилъ систематическихъ экспериментальныхъ изслѣдованій, опирающихся на понятіи объ „ассоціативной памяти".

---

[1]) J. Loeb. Beiträge zur Gehirnphysiologie der Würmer. Pflüger's Archiv". 1894.

Факты, къ которымъ примѣнимо это понятіе, мы зато встрѣчаемъ у представителей т. наз. сравнительной психологіи. Таковы факты „дрессировки“ животныхъ, „обученія“ ихъ, о чемъ говоритъ и Ж. Лёбъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь при дрессировкѣ мы добиваемся того, что животное реагируетъ опредѣленнымъ образомъ на какой-нибудь опредѣленный раздражитель (будь это жестъ или слово человѣка или какой-нибудь другой сигналъ), который раньше этой реакціи не вызывалъ. Достигается это одновременнымъ дѣйствіемъ этого раздражителя съ другимъ, вызывающимъ ту реакцію, которую желательно получить въ результатѣ дрессировки.

Кто первый изъ ученыхъ примѣнялъ дрессировку—трудно установить съ точностью. Мы съ ней встрѣчаемся уже у Леббока [1]), который, показывая собакѣ карточку съ надписью „food“ (пища), давалъ ей ѣсть, а показываніе чистой карточки—кормленіемъ не сопровождалъ. Черезъ нѣкоторое время на карточку съ надписью „пища“ выработалась у собаки особая реакція, какъ результатъ, очевидно, ассоціированія зрительнаго раздраженія отъ вида надписанной карточки съ актомъ ѣды и связанными съ нимъ реакціями. Систематически заниматься такого рода опытами стали другіе ученые.

Въ 1896 г. этимъ занялся французскій ученый Hachet-Souplet, продолжающій свои опыты и понынѣ. Затѣмъ въ 1898 г. появилась работа Thorndicke'a [2]), который производилъ опыты надъ цыплятами, кошками и собаками. Какъ показываетъ само заглавіе работы, въ его опытахъ вырабатывались ассоціаціи опредѣленныхъ раздраженій съ другими раздраженіями и связанными съ ними реакціями. Опыты Thorndike'a получили большую извѣст-

---

[1]) Lubbock. Les sens et l'instinct chez les animaux. 1891.

[2]) Thorndike Animal intelligence, an experiment study of the associative processesin animals. „Suppl. of. Psychological Review“. 1898.

ность и вызвали много работъ, въ которыхъ слѣдовали его методикѣ.

Въ 1903 г. появилась работа Yerkes'a, который производилъ аналогичные опыты надъ лягушками и раками (совмѣстно съ Huggins'омъ).

Онъ помѣщалъ лягушку въ ящикъ, который имѣлъ 2 выхода: одинъ (правый) имѣлъ красныя стѣнки и кончался слѣпо, другой (лѣвый) имѣлъ бѣлыя стѣнки и велъ въ маленькій бассейнъ съ водой. По полу ящика помѣщались проволоки, черезъ которыя сейчасъ же пропускался электрическій токъ, какъ только лягушка направлялась въ правый выходъ. Въ результатѣ лягушка всегда направлялась въ лѣвый выходъ, а не правый, даже тогда, когда электр. токъ не пропускался. При этомъ у лягушки получилась еще одна ассоціативная реакція: какъ только лягушка прикасалась къ электрическимъ проводамъ, находившимся на полу, она отъ нихъ отскакивала даже тогда, когда никакой токъ черезъ нихъ не пропускался. Очевидно, образовалась связь между тактильнымъ и термическимъ раздраженіями отъ соприкосновенія съ проволокой и той реакціей, которая раньше вызывалась раздраженіемъ отъ пропускавшагося электрическаго тока.

Упомянутые авторы были піонерами въ работахъ надъ ассоціативными реакціями. Съ тѣхъ поръ было произведено огромное количество работъ по этому вопросу, только авторы разно называли свои работы. Одни называли свои опыты „дрессировкой", другіе—„выработкой ассоціативныхъ реакцій", третьи—„выработкой привычекъ", четвертые—„обученіемъ" животныхъ. Но какіе бы термины авторы ни примѣняли, ясно одно,—что у всѣхъ въ опытахъ имѣлъ мѣсто тотъ процессъ, о которомъ говоритъ J. Loeb въ приведенной цитатѣ: одинъ раздражитель приводился въ одновременную связь съ другимъ раздражителемъ, вызывавшимъ опредѣленную

реакцію, и тѣмъ самымъ пріобрѣталъ способность вызывать ту же реакцію, что и второй раздражитель. Иначе говоря, вездѣ играло роль то свойство мозга, которое Loeb называетъ „ассоціативной памятью".

Какъ же шло изученіе ассоціативныхъ реакцій и какимъ методомъ производился ихъ анализъ?

Разъ у животнаго уже имѣется ассоціативная реакція, то на очередь выступаетъ задача выяснить законосообразную связь этой реакціи: 1) съ раздраженіями отъ окружающей среды и 2) съ процессами у животнаго, которыми эта реакція обусловлена.

Вторую задачу можно выполнять двояко: изучать связь ассоціативной реакціи: 1) съ предполагаемыми психическими процессами животнаго (слѣдовательно, „объяснять" реакцію психологически) или 2) съ физіологическими процессами въ нервной системѣ („объяснять" реакцію физіологически).

Почти всѣ авторы, какъ вышеупомянутые, такъ и ихъ послѣдователи, прибѣгали къ психологическому, субъективному истолкованію ассоціативныхъ реакцій [1]).

Результатъ такого направленія получился довольно неутѣшительный, особенно если сравнить его съ результатами работъ И. Павлова и его школы, прибѣгавшихъ

---

[1]) Зачатки физіологическаго истолкованія мы встрѣчаемъ у одного изъ величайшихъ біологовъ—Ламарка, въ его „Philosophie zoologique". Онъ говоритъ: „Та причина извѣстнаго явленія, которое заставляетъ почти всѣхъ животныхъ производить всегда одни и тѣ же дѣйствія, равно какъ та, которая вызываетъ въ самомъ человѣкѣ наклонность повторять всякое дѣйствіе, ставшее привычнымъ, несомнѣнно, заслуживаютъ изслѣдованія... Во всякомъ дѣйствіи нервный флюидъ, который его вызываетъ, испытываетъ перемѣщеніе, обусловливающее это дѣйствіе. Разъ дѣйствіе было нѣсколько разъ повторено, флюидъ, который его вызвалъ, безъ сомнѣнія, проторилъ себѣ путь, который ему тѣмъ легче пройти, чѣмъ чаще онъ его раньше прокладывалъ, и онъ самъ обладаетъ большей способностью слѣдовать по этому проторенному пути, чѣмъ по другимъ, менѣе протореннымъ".

къ физіологическому толкованію при изученіи такихъ реакцій.

Съ одной стороны знаніе психики животныхъ у субъективистовъ нисколько не подвинулось впередъ, съ другой—законосообразная связь внѣшней реакціи съ внѣшнимъ міромъ мало выяснилась.

Шаткость психологическаго объясненія должна особенно рѣзко выступить при изслѣдованіи ассоціативныхъ реакцій у инфузорій. Способность инфузорій образовывать ассоціативныя реакціи доказана въ интересной работѣ С. Метальниковымъ [1]).

Совсѣмъ другую картину мы видимъ въ работахъ нашего знаменитаго физіолога Павлова и его школы, примѣнявшихъ при изученіи ассоціативныхъ реакцій объективный методъ. На этихъ работахъ, въ которыхъ объективный методъ достигъ своего апогея, мы и остановимся подробно.

И. Павловъ олицетворилъ собою всю исторію изученія т. наз. психическихъ реакцій, съ ея методологической стороны.

Однако, раньше, чѣмъ излагать его работы, мы должны сдѣлать маленькое отступленіе.

До сихъ поръ шла рѣчь о тѣхъ реакціяхъ организма, которыя сводятся къ дѣйствію мышцъ. Двигаетъ ли животное конечностью, направляется ли оно куда—мы въ этихъ случаяхъ имѣемъ мышечную реакцію. Но, кромѣ мышцъ, животное можетъ реагировать на внѣшнія раздраженія своимъ железистымъ аппаратомъ, т. е. можетъ получиться отдѣленіе секрета различныхъ железъ (слезныхъ, слюнныхъ, желудочныхъ и проч.).

Вотъ эта секреторная реакція и была постояннымъ объектомъ изученія Павлова.

---

[1]) С. Метальниковъ. Къ физіологіи внутриклѣточнаго пищеваренія у простѣйшихъ. 1911 г.

Работы Павлова и его школы касаются отдѣленія слюнныхъ железъ у собакъ [1]). Всѣмъ извѣстно изъ личнаго опыта, что при видѣ вкусной пищи „текутъ слюнки".

Эту секреторную реакцію также причисляютъ къ такъ называемымъ психическимъ реакціямъ, т. к. связь ея съ психическими явленіями всѣмъ очевидна изъ личнаго опыта. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ другимъ видомъ психическихъ реакцій, железистымъ.

Проф. Павловъ въ свое время придерживался такого же психологическаго объясненія этой реакціи, какъ и другіе физіологи, среди которыхъ находился такой корифей, какъ Cl. Bernard.

Именно, онъ такъ выражался: „При пустомъ желудкѣ достаточно одного вида пищи, даже мысли о пищѣ, чтобы слюнныя железы заработали,—на этотъ счетъ относится извѣстное выраженіе „слюнки текутъ". Такимъ образомъ психическій актъ, страстное желаніе ѣды, безспорно является раздражителемъ центровъ слюнныхъ нервовъ" [2]).

Въ то время проф. Павловъ такъ называемое психическое слюноотдѣленіе не подвергалъ спеціальному изслѣдованію. Занявшись имъ, затѣмъ, спеціально, онъ вначалѣ придерживался все того же психологическаго истолкованія. Однако, полнаго расцвѣта работы Павлова и его учениковъ достигли только тогда, когда они примкнули къ послѣдователямъ объективизма и примѣнили методъ образованія ассоціативныхъ реакцій. Эта

[1]) Для этой цѣли собакамъ производится маленькая операція выведенія наружу выводного протока слюнной железы. Конецъ выводного протока приживляется къ кожѣ и такимъ образомъ мы имѣемъ постоянную возможность слѣдить за слюноотдѣленіемъ Такой свищъ слюнной железы сохраняется въ теченіе всей жизни животнаго, нисколько не вліяя ни на ея продолжительность, ни на здоровье животнаго.

[2]) И. Павловъ. Лекціи о работѣ главныхъ пищеварительныхъ железъ. 1897.

сознательная перемѣна субъективнаго (психологическаго) метода на объективный, продиктованная самимъ ходомъ изслѣдованія, чрезвычайно поучительна, особенно если принять во вниманіе, что именно она обусловила плодотворность относящихся сюда изслѣдованій (сравнительно съ первоначальнымъ, психологическимъ стадіемъ).

Работы проф. Павлова и его школы тѣмъ особенно интересны, что въ нихъ объективный методъ примѣнялся какъ разъ по отношенію къ высшимъ животнымъ (собакамъ), тогда какъ другіе представители объективизма имѣли дѣло съ низшими животными.

Проф. Павловъ направилъ на изученіе слюнныхъ психическихъ реакцій усилія нѣсколькихъ десятковъ учениковъ, опубликовавшихъ десятки изслѣдованій.

Въ настоящей статьѣ, конечно, нѣтъ ни возможности, ни надобности излагать всѣ данныя, полученныя школой Павлова. Мы ихъ коснемся лишь постольку, поскольку нужно для того, чтобы показать, какъ идетъ объективное изученіе психическихъ реакцій, иначе говоря, воспользуемся ими какъ примѣромъ спеціальнаго изученія физіологическаго коррелата психическихъ явленій.

И. Павловъ заявилъ себя сторонникомъ объективнаго метода въ 1903 г. [1]) и тогда же подчеркнулъ все значеніе ассоціированія однихъ раздраженій съ другими.

И. Павловъ проводитъ параллель между такъ называемымъ психическимъ слюноотдѣленіемъ и слюноотдѣленіемъ, получающимся отъ раздраженія полости рта (кислотой, пищей и т. под.).

Что слюноотдѣленіе отъ раздраженія полости рта возникаетъ путемъ рефлекса, извѣстно давно. Раздражающее вещество дѣйствуетъ на чувствительныя окон-

[1]) И. П. Павловъ. Экспериментальная психологія и психопатологія животныхъ „Извѣстія Импер. Военно-Медицинской Академіи“ 1903.

чанія центростремительныхъ нервовъ, оттуда возбужденіе передается по центростремительному нерву въ мозгъ, а изъ мозга—по центробѣжному нерву въ слюнную железу, вызывая ея работу.

Какой же процессъ имѣетъ мѣсто при такъ называемомъ психическомъ слюноотдѣленіи? По мнѣнію проф. И. Павлова, здѣсь играетъ роль тотъ же общій механизмъ передачи возбужденія по нервнымъ путямъ, только раздражается не полость рта, а органы чувствъ (зрительное раздраженіе отъ вида пищи, обонятельное —отъ запаха и проч.). Слѣдовательно, и такъ называемое психическое слюноотдѣленіе—рефлексъ, но только рефлексъ особаго рода—условный, между тѣмъ какъ рефлексъ въ полости рта Павловъ называетъ безусловнымъ рефлексомъ. Вотъ, что онъ говоритъ: „Основная же характеристика психическаго опыта—его непостоянство, его видимая капризность. Однако, результатъ психическаго опыта тоже повторяется, иначе о немъ не было бы и рѣчи. Слѣдовательно, все дѣло только въ бо́льшемъ числѣ условій, вліяющихъ на результатъ психическаго опыта сравнительно съ физіологическимъ. Это будетъ, такимъ образомъ, условный рефлексъ".

Затѣмъ проф. Павловъ выяснилъ условія, благодаря которымъ получается такъ называемое психическое слюноотдѣленіе или, придерживаясь терминологіи Павлова, условный рефлексъ. Условіе это состоитъ въ ассоціированіи раздражителя, который самъ по себѣ не вызываетъ слюноотдѣленія, съ дѣйствіемъ другого раздражителя, вызывающаго слюноотдѣлительные рефлексы. „Если вы передъ нормальной собакой, съ постоянными фистулами, распространяете въ первый разъ, напримѣръ, запахъ анисоваго масла, то никакого отдѣленія слюны нѣтъ. Если же вы, одновременно съ распространеніемъ запаха, прикоснетесь къ полости рта самимъ масломъ (сильнымъ мѣстно-раздражающимъ средствомъ), то за-

тѣмъ уже и при одномъ только распространеніи запаха начинаетъ течь слюна".

Дальнѣйшіе опыты школы Павлова показали, что можно сдѣлать любой раздражитель изъ внѣшняго міра возбудителемъ условнаго слюноотдѣлительнаго рефлекса, стоитъ только ассоціировать его дѣйствіе съ раздраженіемъ полости рта, вызывающимъ безусловный слюнный рефлексъ. Мнѣ удалось показать, что можно для этого безусловный слюнный рефлексъ замѣнить готовымъ условнымъ рефлексомъ [1]).

Различнымъ ученикамъ И. Павлова удалось сдѣлать возбудителями условныхъ слюнныхъ рефлексовъ различные звуки, запахи, механическое, термическое или электрическое раздраженіе кожи, зрительныя раздраженія, ассоціируя ихъ дѣйствіе съ дѣйствіемъ веществъ, вызывающихъ раздраженіемъ полости рта безусловный слюноотдѣлительный рефлексъ (напр., съ соляной кислотой, мяснымъ порошкомъ и т. под.).

Какъ объяснять образованіе условныхъ рефлексовъ? Если мы будемъ придерживаться точки зрѣнія субъективистовъ, представителей сравнительной психологіи, то, чтобы объяснить эти явленія психологически, мы можемъ такъ сказать: запахъ анисоваго масла въ приведенномъ примѣрѣ потому сталъ вызывать условный рефлексъ, что онъ сталъ напоминать собою вкусъ анисоваго масла. Представленіе о вкусѣ анисоваго масла и вызвало слюноотдѣленіе. Иначе говоря, здѣсь имѣется процессъ психологической ассоціаціи. Павловъ, однако, такія психологическія толкованія оставилъ, и обратился къ процессамъ въ первой системѣ, имѣющимъ здѣсь мѣсто. Онъ говоритъ:

„Когда данный объектъ—тотъ или другой родъ пищи, или химически раздражающее вещество — прикладывается къ спеціальной поверхности рта и раздражаетъ

[1]) Г. Зеленый. Особый видъ условныхъ рефлексовъ. „Архивъ біологическихъ наукъ" 1909

ее такими своими качествами, на которыя именно и обращена работа слюнныхъ железъ, то другія качества предмета, несущественныя для дѣятельности слюнныхъ железъ, и даже, вообще, вся обстановка, въ которой является объектъ, раздражающія одновременно другія чувствующія поверхности тѣла, очевидно, приводятся въ связь съ тѣмъ же нервнымъ центромъ слюнныхъ железъ, куда идетъ раздраженіе отъ существенныхъ свойствъ предмета по постоянному центростремительному пути. Можно было-бы принять, что въ такомъ случаѣ слюнный центръ является въ центральной нервной системѣ какъ бы пунктомъ притяженія для раздраженій, идущихъ отъ другихъ раздражимыхъ поверхностей. Такимъ образомъ прокладывается нѣкоторый путь къ слюнному центру со стороны другихъ раздражаемыхъ участковъ тѣла. Но эта связь центра съ случайными путями оказывается очень рыхлой и сама по себѣ прерывается. Требуется постоянное повтореніе одновременнаго раздраженія существенными признаками предмета вмѣстѣ съ случайными для того, чтобы эта связь укрѣплялась все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ устанавливается временное отношеніе между дѣятельностью извѣстнаго органа и внѣшними предметами".

Итакъ, слѣдовательно, слюнная реакція изучается въ связи не съ психическими процессами, а съ физіологическими. Физіолога интересуетъ не психическая ассоціація, а физіологическая. Дальнѣйшее изученіе условныхъ рефлексовъ, выясненіе законовъ, которымъ они подчиняются, всегда опиралось на представленіе о процессахъ нервныхъ, а не психическихъ. Приведемъ примѣръ.

Главное свойство условнаго рефлекса — способность исчезать въ томъ случаѣ, если мы будемъ повторно его вызывать, не сопровождая тѣмъ безусловнымъ рефлексомъ, на почвѣ котораго онъ возникъ. Предположимъ, напр., что мы сдѣлали опредѣленный звукъ возбудителемъ слюннаго условнаго рефлекса, раздражая

имъ собаку одновременно съ вливаніемъ ей въ полость рта соляной кислоты. Будемъ теперь многократно повторять этотъ звукъ, но при этомъ не вливать кислоту. При первомъ испытаніи звукъ вызоветъ сравнительно значительное слюноотдѣленіе, при второмъ — меньшее, при третьемъ—еще меньшее и т. д., до полнаго исчезновенія рефлекса. Употребляя принятый въ лабораторіи Павлова терминъ, условный рефлексъ угасаетъ. Какъ объяснить это угасаніе?

Психологъ сказалъ бы: собака убѣдилась, что звукъ больше не сопровождается вливаніемъ ей въ ротъ кислоты и это повело къ исчезновенію слюноотдѣлительной реакціи. Физіологи же говорятъ: условный рефлексъ угасъ по причинѣ возникшаго въ нервныхъ клѣткахъ торможенія (процесса физико-химическаго). Этимъ объясненіемъ, конечно, вовсе не утверждается, что психическіе процессы отсутствуютъ. Просто, они оставляются изслѣдованіемъ въ сторонѣ.

Дальнѣйшія работы по условнымъ рефлексамъ установили много фактовъ, иллюстрирующихъ законосообразность между воздѣйствіями внѣшняго міра и условными рефлексами. Всѣ эти работы исходили изъ объективнаго объясненія фактовъ, причемъ неоднократно выяснялась большая плодотворность объективнаго метода сравнительно съ субъективнымъ.

Общій же планъ изученія условныхъ рефлексовъ, несомнѣнно, тотъ же, что и рефлексовъ безусловныхъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ статьи.

Сначала выясняется законообразная связь между внѣшними раздраженіями и отвѣтной реакціей организма. Затѣмъ характеръ и ходъ процессовъ возбужденія и торможенія въ мозгу, а затѣмъ уже возникаетъ задача опредѣлить ихъ физико-химическую природу. Проф. Павловъ и его школа изучали условные рефлексы на слюнную железу, т.-е. секреторную реакцію организма. Спрашивается, примѣнимы ли найденные при этомъ за-

коны къ мышечной реакціи, т.е. къ условнымъ рефлексамъ на мышцы? Уже въ работахъ школы Павлова мы встрѣчаемся съ изученіемъ мышечной реакціи, сопровождающей слюнную: собака то поворачиваетъ голову въ сторону экспериментатора, то отворачиваетъ, въ зависимости отъ разныхъ условій.

Данныя, полученныя при изученіи слюнныхъ условныхъ рефлексовъ, были затѣмъ повторены на мышечныхъ условныхъ рефлексахъ школой проф. В. Бехтерева, который также примкнулъ къ сторонникамъ объективнаго метода.

Для полученія мышечныхъ условныхъ рефлексовъ Бехтеревъ воспользовался предложеннымъ Lerkes'омъ методомъ сочетанія раздражителя съ электрическимъ раздраженіемъ кожи (см. выше).

Опыты производятся такъ: лапа собаки раздражается электрическимъ токомъ, что вызываетъ приподыманіе, отдергиваніе лапы. При этомъ пускается въ ходъ тотъ раздражитель, на который требуется образовать условный рефлексъ. Такимъ образомъ получается условный рефлексъ—собака отдергиваетъ лапу на дѣйствіе одного только раздражителя, безъ содѣйствія электрическаго тока.

Опыты Павлова и его школы касаются такого рода психическихъ реакцій, которыя относятъ къ хотя и сознательнымъ, но непроизвольнымъ реакціямъ. Имѣютъ ли произвольныя реакціи свои особенности съ физіологической точки зрѣнія? На этотъ вопросъ пока еще нельзя дать опредѣленнаго отвѣта. Можно лишь утверждать, что и произвольныя реакціи можно изучать также съ объективной точки зрѣнія и, кромѣ того, что онѣ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые общіе законы съ условными рефлексами на слюноотдѣленіе. Въ этомъ я могъ убѣдиться, изучая выработанную мною реакцію прибѣганія кошки на опредѣленный звукъ [1]).

[1]) G Zelіony. Ueber die Reaktion der Katze auf Tonreize „Centralbl. f. Physiologie“ 1909.

Объективное изученіе такъ называемыхъ психическихъ реакцій, какъ читатель могъ видѣть, только началось. Поэтому мы еще очень далеки отъ полнаго знанія тѣхъ мозговыхъ процессовъ, которые имѣютъ при этомъ мѣсто. Не надо забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самымъ сложнымъ въ мірѣ механизмомъ—мозгомъ. Однако, первая задача—выясненіе того мозгового пути, которое возбужденіе при этомъ проходитъ—въ общихъ чертахъ, повидимому, исполнена. J. Loeb, разбирая данныя, полученныя нѣмецкимъ физіологомъ Goltz'емъ [1]) на собакѣ, у которой были удалены оба мозговыхъ полушарія (она послѣ операціи жила 1½ года), приходитъ къ заключенію, что у нея отсутствовала „ассоціативная память", т. е. способность къ условнымъ рефлексамъ. Это затѣмъ подтверждено мною [2]) на 2-хъ собакахъ, которымъ я произвелъ аналогичную операцію; я не могъ образовать у нихъ условныхъ рефлексовъ. Слѣдовательно, можно утверждать, что при условныхъ рефлексахъ возбужденіе должно на своемъ пути пройти непремѣнно черезъ кору мозговыхъ полушарій.

Затѣмъ проф. Павловымъ въ общихъ чертахъ выяснены тѣ законы, которымъ подчиняются процессы возбужденія и тормаженія въ мозгу, имѣющіе здѣсь мѣсто.

Что касается послѣдней задачи, выясненія физико-химической основы нервныхъ процессовъ, то на этотъ счетъ существуютъ очень скудныя данныя. Да это и понятно. Во-первыхъ мы имѣемъ дѣло съ слишкомъ сложнымъ механизмомъ, а во-2-хъ, физіологія здѣсь находится въ зависимости отъ физической химіи, которая только недавно стала развиваться

Подводя итогъ приведенной здѣсь краткой исторіи изученія такъ называемыхъ психическихъ реакцій, мы

---

[1]) Goltz. Der Hund ohne Grosshirn „Pflüger's Archiv" 1892.

[2]) Зеленый. Собаки безъ полушарій большого мозга. „Труды Общ. Русскихъ Врачей въ Спб." 1911. „C. R. d. l. Soc. d. Biologie" 1913.

можемъ повторить еще разъ ту мысль, которая проходила черезъ нашу статью красной нитью.

Біологи, изучая такъ называемыя психологическія реакціи животныхъ, самимъ ходомъ изслѣдованія все болѣе и болѣе отстраняются отъ психологическаго ихъ объясненія и ограничиваются выясненіемъ законосообразной связи между внѣшними раздраженіями съ одной стороны и отвѣтной внѣшней реакціей животнаго и физіологическими процессами въ нервной системѣ—съ другой. Такимъ образомъ, психика животныхъ остается внѣ изслѣдованія. Физіологія не дѣлаетъ никакой принципіальной разницы между организмомъ человѣка и животныхъ, и объективный методъ, примѣняемый ею при изученіи животныхъ, примѣнимъ ео ipso и къ человѣку.

Гдѣ причина такого теченія научной мысли? Мнѣ кажется, оно объясняется отчасти трудностью проникнуть въ психическій міръ животныхъ (да и человѣка тоже), а главное—оно единственно соотвѣтствуетъ задачамъ и духу естественно-научнаго изслѣдованія [1]), которымъ проникнуты біологи. Имѣются и болѣе глубокія причины, которыхъ въ настоящей статьѣ касаться не буду.

Нѣкоторые физіологи утверждаютъ, что у насъ нѣтъ признаковъ, по которымъ мы можемъ судить, имѣется ли сознаніе у даннаго животнаго или нѣтъ. Въ этомъ своемъ утвержденіи они даже нѣсколько отстали отъ философовъ, среди которыхъ многіе уже давно высказывали мысль, что мы не можемъ доказать наличности сознанія и душевной жизни даже у другихъ людей (кромѣ

---

[1]) Эта мысль развита мною подробнѣе въ трудахъ: „Ориентированіе собакъ въ области звуковъ".—Труды Общ. Русск. Врачей въ Спб. 1906 г.; „Матеріалы по вопросу о реакціи собаки на звуковыя раздраженія", Спб. 1907 г., Ueber die zukunftige Soziophysiologie „Archiv f. Rasson.—u. Gesellschafte—Biologie". 1812.

какъ у самого себя). Особенно ярко выразилъ эту точку зрѣнія проф. А. И. Введенскій [1]).

У философовъ же (особенно у представителей психофизическаго параллелизма) давно можно встрѣтить примѣры объективнаго физіологическаго истолкованія психическихъ реакцій.

Итакъ, физіологія, ведетъ насъ по пути, который даетъ намъ возможность объяснять реакціи, поведеніе животныхъ и человѣка процессами въ нервной системѣ; если такого рода изслѣдованіе и объясненіе реакцій примѣнимо къ одному человѣку, то нѣтъ никакого основанія отрицать его примѣнимость къ изслѣдованію группы людей, къ обществу, къ народу. Мы можемъ, слѣдовательно, изучать объективно физіологическую сторону соціальныхъ явленій. Этотъ вопросъ я болѣе подробно разобралъ въ своемъ докладѣ, читанномъ въ Петербургскомъ философскомъ обществѣ въ 1909 г. [2]).

Въ заключеніе долженъ предостеречь отъ неправильнаго толкованія моихъ словъ. Говоря, что психическую реакцію можно „объяснить“ физіологическими процессами, я вовсе не утверждаю этимъ, что физіологія учитъ, что активная первопричина этихъ реакцій — матеріальные процессы; что психическія явленія—только эпифеноменъ, пассивно слѣдующій за физіологическими процессами. Слова „объяснить реакціи физіологически“ я употребляю въ смыслѣ „установить законосообразную связь между процессами въ нервной системѣ и внѣшними реакціями“.

Естествознаніе не рѣшаетъ метафизическихъ вопросовъ, и пусть метафизикъ не ищетъ въ физіологіи прямого отвѣта о сущности души.

---

[1]) А. И. Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“. 1892.

[2]) G. Zeliony. Ueber die zukunftige Soziophysiologie. „Archiv f. Rassen—u. Gesellschafte—Biologie“. 1912.

А. Ѳ. Кони.

Психологія и свидѣтельскія показанія.

(Практическія замѣтки).

Свидѣтельское показаніе, даже данное въ условіяхъ, направленныхъ къ обезпеченію его достовѣрности, нерѣдко оказывается недостовѣрнымъ. Самое добросовѣстное показаніе, данное съ искреннимъ желаніемъ разсказать одну правду,—и притомъ всю правду—основывается на усиліи памяти, передающей то, на что, въ свое время, свидѣтель обратилъ вниманіе. Но вниманіе есть орудіе для воспріятія весьма несовершенное, память же съ теченіемъ времени искажаетъ запечатлѣнные вниманіемъ образы и даетъ имъ иногда совершенно выцвѣсть. Вниманіе обращается не на все то, что слѣдовало бы впослѣдствіи помнить свидѣтелю, и то, на что было обращено неполное и недостаточное вниманіе, по большей части слабо удерживается памятью. Эта своего рода „усышка и утечка“ памяти вызываетъ ее на безсознательное возстановленіе образующихся пробѣловъ, и мало-по-малу въ передачу видѣннаго и слышаннаго прокрадываются вымыселъ и самообманъ. Такимъ образомъ, внутри почти каждаго свидѣтельскаго показанія есть своего рода язва, отравляющая понемногу весь организмъ показанія, не только противъ воли, но и безъ сознанія самого свидѣтеля.

Можно ли считать доказаннымъ такое обстоятельство, повѣствованіе о которомъ испорчено и въ источникѣ (вниманіе) и въ дальнѣйшемъ своемъ движе-

ніи (память)? Согласно ли, напримѣръ, съ правосудіемъ принимать такое показаніе, полагаясь только на внѣшнія процессуальныя гарантіи и на добрыя намѣренія свидѣтеля послужить выясненію истины? Не слѣдуетъ ли подвергнуть тщательной повѣркѣ и степень развитія вниманія свидѣтеля и выносливость его памяти? И лишь выяснивъ, съ какими вниманіемъ и памятью мы имѣемъ дѣло, вдуматься въ сущность и въ подробность даваемаго этимъ свидѣтелемъ показанія и справедливо оцѣнить его.

Таковы вопросы, лежащіе въ основаніи предлагаемой въ послѣднее время представителями экспериментальной психологіи переоцѣнки стоимости свидѣтельскихъ показаній.

Экспериментальная психологія—наука новая и въ высшей степени интересная. Если и считать ея отдаленнымъ началомъ берлинскую рѣчь Гербарта „о возможности и необходимости примѣненія въ психологіи математики", произнесенную въ 1822 году, то, во всякомъ случаѣ, серьезнаго и дружнаго развитія она достигла лишь въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Молодости свойственна увѣренность въ своихъ силахъ и нерѣдко непосильная широта задачъ. Отъ этихъ же свойствъ не свободна и экспериментальная психологія, считающая, что труднѣйшіе изъ вопросовъ права, науки о воспитаніи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ, не говоря уже о психологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, могутъ быть разрѣшены при помощи указываемыхъ ею пріемовъ и способовъ. Но „старость ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ". Эта старость, т. е. вѣковое изученіе явленій жизни въ связи съ задачами философскаго мышленія, не спѣшитъ присоединиться къ побѣднымъ кликамъ новой науки. Она сомнѣвается въ томъ, что сложные процессы душевной жизни могутъ быть выяснены опытами въ физіологическихъ лабораторіяхъ и что уже

настало время для вывода на прочныхъ основаніяхъ общихъ научныхъ законовъ даже для простѣйшихъ явленій этой жизни. Тѣмъ не менѣе нужно быть благодарнымъ представителямъ экспериментальной психологіи за поднятый ими вопросъ о новой оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній. На необходимость ея указываютъ труды и опыты профессоровъ: Листа, Штерна („Zur Psychologie der Aussage"), Врешнера (тоже) и докладъ на гиссенскомъ конгрессѣ экспериментальной психологіи г-жи Борстъ („О вычисленіи ошибокъ въ психологіи показаній").

На неточность свидѣтельскихъ показаній, являющуюся слѣдствіемъ ослабленія памяти, недостаточности вниманія или того и другого вмѣстѣ, давно уже указывали англійскіе юристы, занимавшіеся изученіемъ теоріи уликъ и доказательствъ. Бестъ, Уильзъ и, въ особенности, Бентамъ не разъ обращались къ анализу этого явленія. Послѣдній посвятилъ ему особую главу своего трактата „о судебныхъ доказательствахъ". Онъ находилъ, что неточность показаній вызывается ослабленіемъ памяти, вслѣдствіе отсутствія живости въ воспріятіи сознаніемъ своего отношенія къ факту и подъ вліяніемъ времени, замѣняющаго, незамѣтно для свидѣтеля, подлинное воспоминаніе кажущимся, причемъ на мѣсто настоящаго впечатлѣнія является ложное обстоятельство. Онъ указывалъ также на то, что весьма важное значеніе для уклоненія показаній отъ истины имѣютъ работа воображенія и несоотвѣтствіе (неточность, неумѣлость) способа изложенія. Поэтому уже и Бентамъ требовалъ математическихъ пріемовъ въ оцѣнкѣ и классификаціи показаній, восклицая: „неужели правосудіе требуетъ менѣе точности, нежели химія?" Но въ дальнѣйшемъ своемъ стремленіи установить строгій и непоколебимый масштабъ для оцѣнки доказательствъ и вытекающаго изъ нихъ внутренняго убѣжденія онъ дошелъ

до непріемлемой крайности: онъ изобрѣлъ особую скàлу, имѣющую положительную и отрицательную стороны, раздѣленныя на десять градусовъ, обозначающихъ степени подтвержденія и отрицанія одного и того же обстоятельства; при этомъ степень увѣренности свидѣтеля въ томъ, о чемъ онъ показываетъ, должна обозначаться имъ самимъ посредствомъ указанія на градусъ Бентамовской скàлы...

Экспериментальная психологія употребляетъ разнообразные способы для выясненія вопросовъ, касающихся объема, продолжительности и точности памяти. Существуютъ методы изслѣдованія путемъ возбужденія ея къ сравненію, къ описанію, къ распознаванію и къ воспроизведенію. Въ примѣненіи къ людямъ, раздѣляемымъ по отношенію къ свойствамъ своего вниманія на такихъ, у которыхъ болѣе развито слуховое вниманіе или зрительное вниманіе,— эти методы даютъ очень интересные результаты, доказывающіе связь душевныхъ процессовъ съ дѣятельностью нервной системы и мозга. Въ расширеніи этой области нашихъ знаній заключается несомнѣнная заслуга экспериментальной психологіи. Но едва ли всѣ подробныя изслѣдованія и интересные сами по себѣ опыты должны измѣнить что-либо въ ходѣ и устройствѣ современнаго уголовнаго, по преимуществу, процесса. Такое сомнѣніе возникаетъ и съ точки зрѣнія судопроизводства и съ точки зрѣнія судоустройства.

Въ первомъ отношеніи прежде всего рождается вопросъ: одно ли и то же показаніе свидѣтеля на судѣ и отчетъ человѣка, разсматривавшаго въ теченіе $^3/_4$ минуты показанную ему картину съ изображеніемъ спокойно-безцвѣтной сцены изъ повседневной жизни? Одно ли и то же — взглядѣться съ безразличнымъ чувствомъ и искусственно направленнымъ вниманіемъ въ излюбленное Штерномъ изображеніе того, какъ

художникъ переѣзжаетъ на новую квартиру или какъ мирная бюргерская семья завтракаетъ, выѣхавъ „in's Grune",—а затѣмъ отдаться „злобѣ дня", забывъ и про картину, и про Штерна—или быть свидѣтелемъ обстоятельства, связаннаго съ необычнымъ дѣяніемъ, нарушающимъ мирное теченіе жизни, напримѣръ, съ преступленіемъ, и при томъ не на сценѣ, а въ окружающей дѣйствительности, и быть призваннымъ вспомнить о немъ, зная о возможныхъ послѣдствіяхъ своихъ словъ? Преступленіе измѣняетъ статику сложившейся жизни: оно перемѣщаетъ или истребляетъ предметъ обладанія, прекращаетъ или искажаетъ то или другое существованіе, разрушаетъ на время укладъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній и т. д. Для установленія этого существуютъ по большей части объективные, фактическіе признаки, не нуждающіеся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ свидѣтельскими показаніями. Но въ преступленіи есть и динамика—дѣйствія обвиняемаго, занятое имъ положеніе, его дѣятельность до и по совершеніи того, что нарушило статику. Здѣсь свидѣтели играютъ въ большинствѣ случаевъ огромную роль, и ихъ прикосновенность къ обстоятельствамъ, въ которыхъ выразилась динамика преступленія, вызываетъ особую сосредоточенность вниманія, запечатлѣвающую въ памяти образы и звуки съ особой яркостью. Этого не въ силахъ достичь никакая картина, если только она не изображаетъ чего-либо потрясающаго и оставляющаго глубокій слѣдъ въ душѣ, въ родѣ „Петра и Алексѣя" Ге, „Княжны Таракановой" Флавицкаго или „Ивана Грознаго" Рѣпина. Да и тутъ отсутствіе личнаго отношенія къ изображенному и сознаніе, что это, какъ говорятъ дѣти, „не завсамдѣлѣ", должны быстро уменьшать силу впечатлѣнія и стирать мелкія подробности видѣннаго. Но показываніе картинокъ является только первымъ шагомъ на пути изученія способовъ избѣжанія неточныхъ

показаній—говорятъ представители экспериментальной психологіи. Въ будущемъ должно утвердиться сознаніе, что воспоминаніе есть не одна лишь способность представленія, но и актъ воли,—и тогда, для устраненія ошибокъ не только въ устахъ свидѣтелей, но на страницахъ мемуаровъ и историческихъ воспоминаній создастся нравственная мнемотехника, и въ школахъ будетъ введено „преподаваніе о воспоминаніи“. Однако, желательно, чтобы и теперь относительно особо важныхъ свидѣтелей примѣнялась психологическая провѣрка степени достовѣрности ихъ показаній особымъ экспертомъ, лучше всего юристомъ-психологомъ, который можетъ дать этимъ показаніямъ необходимый коэффиціентъ поправокъ. Но что такое особо важный свидѣтель? Очевидно, тотъ, кто можетъ дать показаніе объ обстоятельствахъ, имѣющихъ особо важное уличающее или оправдывающее значеніе. Однако, такія обстоятельства, въ видѣ прямыхъ доказательствъ, встрѣчаются сравнительно рѣдко и устанавливаются обыкновенно совершенно объективнымъ способомъ. Гораздо важнѣе улики. Но какъ выбрать между уликами,—„qui sont des faits placés autour de quelque autre fait“, какъ говоритъ Боннье, — могущими лишь въ своей совокупности и извѣстномъ сочетаніи перестать быть „ein Nebenumstand“ и установить извѣстный фактъ, имѣющій прямое отношеніе къ составу преступленія? Какъ отдѣлить особо важныя отъ менѣе важныхъ? Судебная практика представляетъ множество случаевъ, гдѣ пустое и незначительное, повидимому, обстоятельство сразу склоняло вѣсы въ ту или другую сторону, такъ какъ оно нерѣдко совершенно неожиданно замыкало собою цѣпь оправдательныхъ или обвинительныхъ соображеній, слагавшихся среди сомнѣній и колебаній. Кто можетъ, кромѣ того, опредѣлить, кто изъ свидѣтелей долженъ быть подвергнутъ психологической экспертизѣ? Конечно, судъ, во

время засѣданія, когда выяснится важность обстоятельства, о которомъ даетъ или долженъ дать показаніе свидѣтель. Но тогда вся предшествующая работа суда и присяжныхъ засѣдателей должна быть прервана и, по условіямъ мѣста и времени, начата снова лишь по окончаніи экспертизы, которая, по рецептамъ Штерна и Врешнера, должна длиться, по меньшей мѣрѣ, около мѣсяца. Да и гдѣ взять необходимое количество экспертовъ-психологовъ? и не будетъ ли возможность такой экспертизы оправдывать малую заботливость о дѣлаемомъ теперь отысканіи *другихъ данныхъ* для провѣрки и испытанія удѣльнаго вѣса свидѣтельскаго показанія? Затѣмъ, дѣйствительно ли такъ многозначительна подобная экспертиза, создающая, къ слову сказать, для нѣкоторыхъ доказательствъ своего рода предустановленность ad hoc, причемъ, въ сущности, показанія свидѣтеля, проходящія чрезъ психологическую редакцію и цензуру эксперта, утрачиваютъ свою непосредственность? Психологическое изслѣдованіе *лжи* будетъ, надо думать, безсильно, ибо сознательный лжецъ не представитъ никакихъ пробѣловъ памяти относительно того, что онъ измыслилъ въ медленной работѣ низменныхъ побужденій или въ твердомъ желаніи спасти близкаго или дорогого человѣка. Лучше всего это доказываютъ очныя ставки свидѣтелей между собою. *Лжецъ* всегда упорно стоитъ на своемъ, а *правдивецъ* подъ конецъ начинаетъ нерѣдко путаться и колебаться, смущенный возникшими сомнѣніями въ правдѣ своихъ словъ. Едва ли, поэтому, суду придется часто присутствовать при психологическомъ удостовѣреніи *перевиранья* свидѣтелемъ своей первоначальной лжи — и задача экспертизы сведется лишь къ указанію на возможность, по условіямъ памяти свидѣтеля, неточности показанія, которое онъ считаетъ правдивымъ. Но для этого есть болѣе доступныя и простыя средства. Нако-

нецъ, если показанію свидѣтеля можно довѣрять лишь послѣ провѣрки степени его вниманія и силы его памяти, по почему же оставлять безъ провѣрки эти же самыя свойства у судей, память которыхъ должна удерживать въ себѣ правдивый образъ неизмѣримо большаго количества обстоятельствъ. Если разсказъ свидѣтеля о слышанномъ и видѣнномъ можетъ, независимо отъ него, передавать то и другое въ искаженномъ или невѣрномъ видѣ, то насколько же большихъ гарантій требуетъ разсказъ судей о томъ, что имъ пришлось выслушать,—разсказъ, излагаемый въ формѣ исторической и аналитической части приговора. Не придется ли неизбѣжно спросить—et quis custodit custodes ipsos? Поэтому тамъ, гдѣ экспериментальная психологія предъявляетъ требованіе указываемыхъ ею опытовъ взамѣнъ совокупной работы здраваго разсудка судей и присяжныхъ, знанія ими жизни и простого совѣстливаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, не послѣдовательнѣе ли было бы преобразовать судъ согласно мечтаніямъ криминальной психологіи, замѣнивъ и профессіональныхъ и выборныхъ общественныхъ судей смѣшанною коллегіей изъ врачей, психіатровъ, антропологовъ и психологовъ, предоставивъ тѣмъ, кто нынѣ носитъ незаслуженное имя судей, лишь формулировку мнѣнія этой коллегіи.

Нѣчто подобное предлагаетъ уже нѣсколько лѣтъ вѣнскій профессоръ Бенедиктъ, который находитъ, что государству приходится имѣть дѣло съ тремя родами преступниковъ: прирожденными (агенератами), неправильно развившимися лично или подъ вліяніемъ среды (дегенератами) и случайными (эгенератами), при чемъ суду надъ тѣми изъ нихъ, которые оказываются неисправимыми, т. е. агенератами, и надъ большею частью дегенератовъ, долженъ быть приданъ характеръ особой коллегіи изъ врачей лишь съ примѣсью судейскаго эле-

мента. Эта коллегія, предусмотрительно составленная изъ двухъ инстанцій, съ періодическимъ пересмотромъ всѣхъ ея приговоровъ, должна каждый разъ разрѣшать формулу: $X = M + N + N^1 + E + O$, при чемъ M обозначаетъ совокупныя условія и свойства организма подсудимаго, N — его прирожденныя свойства, N^1 — его пріобрѣтенныя наклонности, E — внѣшнія на него вліянія, его среду и обстановку и O — случайныя вліянія и возбужденія. Этотъ же судъ учреждаетъ и своеобразную „усиленную опеку“ надъ лицами, хотя еще и не совершившими какого-либо преступнаго дѣянія, но, по своимъ наклонностямъ, способными его совершить.

Поэтому, не увлекаясь пріемами экспериментальной психологіи, можно попробовать подвести, по отношенію къ свидѣтельскимъ показаніямъ, итогъ многолѣтнихъ практическихъ наблюденій.

Среди общихъ свойствъ, которыя отражаются не только на воспріятіи свидѣтелями впечатлѣній, но, по справедливому замѣчанію Бентама, и на способѣ передачи послѣднихъ, видное мѣсто занимаетъ, во-первыхъ, темпераментъ свидѣтеля. Сочиненіе Фулье „О темпераментѣ и характерѣ“ вновь выдвинуло на первый планъ ученіе о темпераментахъ и дало физіологическую основу блестящей характеристикѣ, сдѣланной Кантомъ, который различалъ два темперамента чувства (сангвинический и меланхолическій) и два темперамента дѣятельности (холерическій и флегматическій). Опытный глазъ, житейская наблюдательность обнаруживаютъ эти различные темпераменты и вызываемыя ими настроенія очень скоро во всемъ: въ жестѣ, тонѣ голоса, манерѣ говорить, способѣ держать себя на судѣ. А зная типическое настроеніе, свойственное тому и другому темпераменту, нетрудно представить себѣ и отношеніе свидѣтеля къ описываемымъ имъ обстоятельствамъ и понять, почему и какія

именно стороны въ этихъ обстоятельствахъ должны были привлечь его вниманіе и остаться въ его памяти, когда многое другое изъ нея улетучилось.

Во-вторыхъ, при оцѣнкѣ показанія играетъ большую роль полъ свидѣтеля. Психологическіе опыты Штерна и Врешнера также замѣчаютъ разницу между степенью вниманія и памяти у мужчинъ и женщинъ. Достаточно обратиться къ серьезному труду Гевлокъ Эллисса „О вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка“, къ интересному и содержательному изслѣдованію И. Е. Астафьева „Психическій міръ женщины“, къ изслѣдованіямъ Ломброзо и Бартельса и къ богатой литературѣ о самоубійствахъ, чтобы видѣть, что чувствительность къ боли, обоняніе, слухъ и въ значительной степени зрѣніе у мужчинъ выше, чѣмъ у женщинъ, а любовь къ жизни, выносливость, вкусъ и вазомоторная возбудимость выше у женщинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ правильно замѣчаетъ Астафьевъ, у женщинъ значительно сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, развита потребность видѣть конечные результаты своихъ дѣяній и гораздо менѣе—способность къ сомнѣнію, при чемъ доказательства ихъ вѣры во что-либо оцѣниваются болѣе чувствомъ, чѣмъ анализомъ. Слѣдствіемъ этого является преобладаніе впечатлительности надъ сознательною работою вниманія, соотвѣтственно ускоренному ритму душевной жизни женщины. Наконецъ, интересными опытами Макъ Дугалля установлено, что время, которое играетъ такую важную роль въ показаніяхъ, мужчинамъ кажется длиннѣе дѣйствительнаго на 45%, женщинамъ же—на 111%. Въ каждомъ изъ этихъ свойствъ содержатся и основанія къ оцѣнкѣ достовѣрности показанія свидѣтелей и потерпѣвшихъ отъ преступленія, которые также часто подлежатъ допросу въ качествѣ свидѣтелей.

Въ третьихъ, большой осторожности при оцѣнкѣ показанія требуетъ поведеніе свидѣтеля, влія-

ющее на способъ передачи имъ своихъ воспоминаній. Замѣшательство его вовсе еще не доказываетъ желанія скрыть истину или боязни быть изобличеннымъ во лжи, — улыбка и даже смѣхъ при передачѣ обстоятельствъ, отнюдь не вызывающихъ веселости, еще не служатъ признакомъ легкомысленнаго отношенія его къ своей обязанности свидѣтельствовать правду, — наконецъ, нелѣпыя заключенія, выводимыя свидѣтелемъ изъ разсказанныхъ имъ фактовъ, еще не указываютъ на недостовѣрность этихъ фактовъ. Свидѣтель можетъ страдать навязчивыми состояніями безъ навязчивыхъ идей. Онъ можетъ не имѣть силъ удержаться отъ непроизвольной и неумѣстной улыбки, отъ судорожнаго смѣха (risus sardonicus), отъ боязни покраснѣть, подъ вліяніемъ которой кровь бросается ему въ лицо и уши. Эти состоянія подробно описаны академикомъ Бехтеревымъ. Въ такихъ случаяхъ надо слушать, что говоритъ свидѣтель, и отнюдь не принимать во вниманіе при оцѣнкѣ сказаннаго то, чѣмъ оно сопровождалось. Свидѣтель можетъ быть глупъ отъ природы, а глупость, по справедливому мнѣнію покойнаго Токарскаго, отличается отъ ума лишь количественно, а не качественно — и глупецъ прежде всего является свободнымъ отъ сомнѣній. Но глупость надо умѣть отличать отъ своеобразности, которая тоже можетъ отразиться на показаніи.

Въ четвертыхъ, наконецъ, нѣкоторые физическіе недостатки, отражаясь на односторонности показанія свидѣтеля, въ то же время, такъ сказать, обостряютъ его достовѣрность въ извѣстномъ отношеніи. Извѣстно, напримѣръ, что у слѣпыхъ чрезвычайно тонко развивается слухъ и осязаніе. Поэтому, все, что воспринято ими этимъ путемъ, пріобрѣтаетъ характеръ особой достовѣрности. Извѣстный окулистъ въ Лозаннѣ, Дюфуръ, настаиваетъ даже на необходимости имѣть на

быстроходныхъ океанскихъ пароходахъ въ числѣ служащихъ одного или двухъ слѣпорожденныхъ, которые въ виду исключительнаго развитія своего слуха могутъ, среди тумана или ночью, слышать на громадномъ разстояніи приближеніе другого судна. То же можно сказать и о болѣе рѣдкихъ показаніяхъ слѣпыхъ, основанныхъ на осязаніи, если только оно не обращается болѣзненно въ поліэстезію (преувеличеніе числа ощущаемыхъ предметовъ) или макроэстезію (преувеличеніе ихъ объема).

Обращаясь отъ этихъ общихъ положеній къ тѣмъ особенностямъ вниманія, въ которыхъ выражается разность личныхъ свойствъ и духовнаго склада людей, можно отмѣтить въ общихъ чертахъ нѣсколько характерныхъ видовъ вниманія, знакомыхъ, конечно, всякому вдумчивому наблюдателю.

Вниманіе, столь отражающееся въ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ, прежде всего можетъ быть раздѣлено на сосредоточенное и разсѣянное. Вниманіе перваго рода, въ свою очередь, или сводится почти исключительно къ собственной личности созерцателя или разсказчика, или же, наоборотъ, отрѣшается отъ этой личности, которая въ ихъ передачѣ отходитъ на задній планъ. Есть люди, которые всегда дѣлаютъ центромъ своихъ мыслей и представленій самихъ себя и проявляютъ это въ своемъ изложеніи, о чемъ бы они ни говорили. Для нихъ — сознательно или невольно—все имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку оно въ чемъ-либо ихъ касается. Окружающій міръ явленій разсматривается ими не иначе, какъ сквозь призму собственнаго Я. Отъ этого ничтожные сами по себѣ факты пріобрѣтаютъ въ глазахъ такихъ людей иногда чрезвычайное значеніе, а событія первостепенной важности представляются имъ лишь отрывочными строчками — „изъ хроники происшествій“.

При этомъ житейскій размѣръ обстоятельства, на которое устремлено такое вниманіе, играетъ совершенно второстепенную роль, и важнымъ является лишь то, какое отношеніе имѣло оно къ личности повѣствователя. Обладатель такого вниманія нерѣдко, поэтому, съ большею подробностью и вкусомъ будетъ говорить о вздорѣ, дѣйствительно только его касающемся и лишь для него интереснымъ—будь то вопросъ сна, удобства костюма, домашнихъ привычекъ, тѣсноты обуви, сваренія желудка и т. п., — чѣмъ о событіяхъ общественной важности или историческаго значенія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Изъ разсказа его всегда ускользнетъ все общее, родовое, широкое и останется твердо запечатлѣннымъ лишь то, что задѣло его непосредственно. Въ эготической памяти свидѣтеля, питаемой подобнымъ, если можно такъ выразиться, центростремительнымъ вниманіемъ, напрасно искать не только подробную, но хотя бы лишь ясную картину происшедшаго или синтеза слышаннаго и видѣннаго. Но зато она способна сохранить иногда цѣнныя характеристическія для личности самого свидѣтеля мелочи. Когда такихъ свидѣтелей нѣсколько, приходится изъ ихъ показаній складывать представленіе о томъ или другомъ обстоятельствѣ, постепенно приходя къ уясненію себѣ всего случившагося. При этомъ необходимо мысленно отдѣлить картину того, что въ дѣйствительности произошло на житейской сценѣ, отъ эготической словоохотливости свидѣтелей. Надо замѣтить, что разсказчики съ эготической памятью не любятъ выводовъ и обобщеній и, въ крайнемъ случаѣ, намѣтивъ ихъ слегка, спѣшатъ перейти къ себѣ, къ тому, что они сами пережили или ощутили. У Анри Монье есть типическое, хотя, быть можетъ, и нѣсколько каррикатурное изображеніе подобнаго свидѣтеля, повѣствующаго о желѣзнодорожномъ крушеніи, сопровождав-

шемся человѣческими жертвами. Въ двухъ—трехъ общихъ выраженіяхъ упомянувъ о самомъ несчастіи, спасшійся пассажиръ подробно распространяется о томъ, какъ при этомъ онъ долго и тщетно разыскивалъ пропавшій зонтикъ, прекрасный, новый зонтикъ, только-что купленный въ Парижѣ по удивительно дешевой цѣнѣ. Еще недавно въ отчетахъ газетъ объ одномъ жестокомъ убійствѣ приводился разсказъ очевидца, въ которомъ изложеніе того, какъ онъ уронилъ перчатку и долженъ былъ сойти съ извозчика,—поднять ее и надѣть,—занимало едва ли не большее мѣсто, чѣмъ описаніе того трагическаго событія, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Несчастіе, поразившее сразу рядъ людей, обыкновенно даетъ много такихъ свидѣтелей. Все сводится у нихъ къ описанію борьбы личнаго чувства самосохраненія со внезапно надвинувшеюся опасностью, и этому описанію посвящается все показаніе, причемъ забывается многое, чего, несомнѣнно, нельзя было не видѣть или не слышать. Таковы были почти всѣ показанія, данныя на слѣдствіяхъ о крушеніи Императорскаго поѣзда въ Боркахъ 17 октября 1888 г. и о крушеніи парохода „Владиміръ“ въ августѣ 1894 года на пути изъ Севастополя въ Одессу. У насъ, въ Россіи, подъ вліяніемъ переживанія скорбныхъ представленій о прошломъ, эготическій характеръ показанія придаетъ очень часто пугливое отношеніе свидѣтеля къ происходившему предъ нимъ, сводящееся къ желанію избѣжать возможности видѣть и слышать то, о чемъ можетъ понадобиться потомъ показывать. Передача обстоятельствъ, по отношенію къ которымъ разсказчикъ старался избѣжать положенія свидѣтеля, обращается незамѣтно для него въ передачу того, что онъ дѣлалъ и думалъ, а не того, что дѣлали и говорили они, или что случилось предъ нимъ.

Прямую противоположность вниманію центро-

стремительному представляетъ такое, которое, употребляя тѣ же термины изъ области физики, можно бы назвать центробѣжнымъ. Оно старается вникнуть въ значеніе явленія и, скользнувъ по его подробностямъ и мелочамъ, уяснить себѣ сразу смыслъ, важность и силу какого-либо событія. Человѣкъ, обладающій такимъ вниманіемъ, очень часто совершенно не задумывается объ отношеніи тѣхъ или другихъ обстоятельствъ лично къ нему и свободно и легко переходитъ изъ положенія наблюдателя въ положеніе мыслителя по поводу созерцаемаго или услышаннаго. Точно, вѣрно, иногда вполнѣ объективно опредѣливъ общія черты событія, сами собою слагающіяся въ извѣстный выводъ, такой свидѣтель затрудняется, однако, точно указать время происшествія, мѣсто, гдѣ онъ самъ находился, свои собственныя движенія и даже слова. И этого нельзя объяснить простой разсѣянностью или недостаточной внимательностью свидѣтеля въ его обыкновенной ежедневной жизни. Такіе свидѣтели вовсе не принадлежатъ къ числу людей „не отъ міра сего“. Все простое и привычное равномѣрно привлекаетъ ихъ вниманіе; но событіе, выходящее изъ ряда обычныхъ явленій жизни, яркое по своей неожиданности или богатое своими возможными послѣдствіями, вызываетъ живую работу мысли и пробуждаетъ чувства свидѣтеля. Въ немъ на время упраздняется способность сосредоточиваться на мелочахъ — и въ памяти его общее подавляетъ частное,—характеръ событія стираетъ его подробности. Опытный слушатель по тону, по способу изложенія безошибочно узнаетъ такого свидѣтеля, у котораго „я“ отходитъ на второй планъ передъ „они“ или „оно“. Онъ никогда не усомнится въ правдивости показанія потому только, что свидѣтель, разсказывающій, не задумываясь, подробности скуднаго впечатлѣніями дня, затрудняется припомнить многое лично о

себѣ, когда дѣло касается дня, полнаго подавляющихъ своею силою впечатлѣній. „Этотъ человѣкъ лжетъ, — скажетъ поверхностный и поспѣшный наблюдатель:—онъ точно опредѣляетъ, въ которомъ часу дня и гдѣ именно онъ нанялъ извозчика, чтобы ѣхать съ визитомъ къ знакомымъ, и не можетъ ясно припомнить, отъ кого именно вечеромъ въ тотъ же день, въ которомъ часу и въ какой комнатѣ онъ услышалъ о самоубійствѣ сына или о трагической смерти жены"...—„Онъ говоритъ правду,— скажетъ опытный наблюдатель,—и эта правда тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ больше различія между какимъ-нибудь обыденнымъ фактомъ и потрясающимъ событіемъ, между полнымъ спокойствіемъ послѣ перваго и ошеломляющимъ дѣйствіемъ второго"...

Вниманіемъ разсѣяннымъ можно назвать такое, которое неспособно сосредоточиваться на одномъ предметѣ, и, направляясь къ нему, задѣваетъ по дорогѣ рядъ побочныхъ обстоятельствъ. Оно тоже можетъ быть или центробѣжнымъ или центростремительнымъ въ зависимости отъ свойствъ наблюдающаго и передающаго свои впечатлѣнія. При этомъ мысль и наблюденія никогда не идутъ по прямой дорогѣ, а заходятъ въ переулки и закоулки, цѣпляясь за второстепенныя данныя, иногда не имѣющія никакого отношенія къ предмету, на который первоначально было направлено вниманіе. Въ частной жизни, а въ особенности при дѣловыхъ сношеніяхъ нужно не мало терпѣнія и терпимости къ разсказчику, чтобы слѣдить за ломаной линіей повѣствованія, постоянно отклоняющагося въ сторону, и, спокойно выслушивая массу ненужныхъ вещей, сохранять нить Аріадны въ лабиринтѣ словесныхъ отступленій и экскурсій по сторонамъ. Къ числу подобныхъ свидѣтелей и разсказчиковъ принадлежатъ такіе, которые любятъ начинать „ab ovo", передавать разныя біографическія подробности и вообще отдаваться въ безотчетную и

безграничную власть своихъ воспоминаній, причемъ accidentalia, essentialia и eventualia смѣшиваются въ ходѣ ихъ мышленія въ одну общую, безформенную массу. Типъ такихъ разсказчиковъ слишкомъ извѣстенъ и, къ сожалѣнію, распространенъ, чтобы нужно было пояснять его примѣрами. Но есть въ нашей русской жизни одна характерная особенность, на которую нельзя не указать: это—любовь къ генеалогическимъ справкамъ и семейственнымъ эпизодамъ, въ равной степени тягостная какъ со стороны слушателя, предлагающаго вопросы, такъ и со стороны разсказчика, отвлекающагося въ область ненужныхъ подробностей. Случается, что кто-либо, взволнованный какимъ-нибудь выходящимъ изъ ряда событіемъ, передавая о немъ сжато и цѣлостно по содержанію, вынужденъ бываетъ назвать для точности тѣ или другія имена. Горе ему, если въ составѣ слушателей есть человѣкъ съ разсѣяннымъ вниманіемъ. Онъ способенъ, среди общаго напряженнаго вниманія, прервать самое существенное мѣсто повѣствованія, рисующее глубокій внутренній смыслъ событія или его значеніе, какъ общественнаго явленія, вопросами: „это какой N. N? тотъ, что̀ женатъ на М. М.“? или: „это вѣдь тотъ N. N., который, кажется, былъ саперомъ“? или: „а знаете, я вѣдь съ этимъ N. N. встрѣтился однажды у моихъ знакомыхъ В. Это вѣдь онъ женился на племянницѣ М. М., который управлялъ Контрольной Палатой?—Гдѣ только—не помню... ахъ, да! въ Харьковѣ, или, нѣтъ, въ Саратовѣ—нѣтъ! нѣтъ! вспомнилъ—именно въ Харьковѣ, а братъ его... и т. д. Будучи самъ повѣствователемъ, человѣкъ съ такимъ разсѣяннымъ и направленнымъ на мелкія, незначащія подробности вниманіемъ, очень часто совершенно не отдаетъ себѣ отчета, въ чемъ сущность его разсказа и гдѣ лежитъ центръ тяжести послѣдняго. Обыкновенно умственно ограниченный, узко исполнительный въ служебномъ или свѣт-

скомъ обиходѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ довольный собою, такой разсказчикъ отличается не только склонностью къ уклоненіямъ въ сторону брачныхъ и родственныхъ связей и отношеній, но и особой пунктуальностью въ названіяхъ и топографическихъ подробностяхъ. Для него, напримѣръ, не существуетъ просто фамилій, а есть чины, имена, отчества и фамиліи, нѣтъ Петербурга, Нижняго, Исакія, Синода, конки, а есть Санктъ-Петербургъ, Нижній-Новгородъ, храмъ Исаакія Далматскаго, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, конно-желѣзная дорога и т. д. Показанія свидѣтелей такого рода могутъ съ перваго взгляда поразить своею полнотой и какъ бы обточенностью, но эта полнота обыкновенно лишь кажущаяся. Слишкомъ добросовѣстное усвоеніе себѣ частностей разсѣиваетъ вниманіе, необходимое, чтобы удержать въ памяти главное и единственно нужное.

Затѣмъ есть два рода вниманія по отношенію къ способности души отзываться на внѣшнія впечатлѣнія. Одни люди объективно и съ большимъ самообладаніемъ какъ бы регистрируютъ то, что видятъ или слышатъ, и начинаютъ внутреннюю, душевную переработку этого лишь послѣ того, какъ внѣшнее воздѣйствіе на ихъ слухъ или зрѣніе прекратилось. Все воспринятое ими представляется ихъ памяти, поэтому, яснымъ, послѣдовательнымъ, безъ пробѣловъ и пропусковъ, объясняемыхъ перерывами вниманія. Это—тѣ, которые, по образному выраженію великаго поэта, „научившись властвовать собой“, умѣютъ „держать мысль свою на привязи“ и „усыплять или давить въ сердцѣ своемъ мгновенно прошипѣвшую змѣю“. Не такъ поступаютъ и чувствуютъ себя другіе, отдающіеся во власть своимъ душевнымъ движеніямъ. Эти движенія сразу и повелительно завладѣваютъ ими и иногда прежде всего поражаютъ вниманіе. Тутъ не можетъ быть рѣчи о забывчивости или недостаткѣ послѣдняго: оно просто пара-

лизовано, его не существуетъ вовсе. Таковы люди „оглушенные,—по выраженію того же Пушкина, — шумомъ внутренней тревоги". Этотъ шумъ поражаетъ всякую способность не только вдумываться въ окружающее, но даже замѣчать его. Евгеній въ „Мѣдномъ всадникѣ", Раскольниковъ въ „Преступленіи и наказаніи" являются яркими представителями такого „оглушеннаго" вниманія. Чѣмъ неожиданнѣе впечатлѣніе, вызывающее сильное душевное движеніе, тѣмъ больше парализуется вниманіе и тѣмъ быстрѣе внутренняя буря покрываетъ мракомъ внѣшнія обстоятельства. Ни одинъ почти подсудимый, совершившій преступленіе подъ вліяніемъ сильной эмоціи, не въ состояніи разсказать подробности рѣшительнаго момента своего дѣянія— и въ то же время оказывается способнымъ передать быстро смѣнявшіеся въ его душѣ мысли, образы и чувства передъ тѣмъ, какъ онъ ударилъ, оскорбилъ, спустилъ курокъ, вонзилъ ножъ. Геніальное изображеніе такого душевнаго состоянія, въ которомъ цѣлесообразность и извѣстная разумность дѣйствій совершенно не соотвѣтствуютъ помраченному сознанію и притупленному вниманію, даетъ Толстой въ своемъ Позднышевѣ. Несомнѣнно, каждый старый криминалистъ-практикъ, пробѣгая мысленно рядъ выслушанныхъ имъ сознаній подсудимыхъ, совершившихъ преступленіе въ страстномъ порывѣ и крайнемъ раздраженіи, признаетъ, что разсказъ Позднышева объ убійствѣ имъ жены очень типиченъ и поразителенъ, какъ доказательство силы интуиціи великаго художника и мыслителя.

Тамъ, гдѣ играетъ роль сильная душевная воспріимчивость, гдѣ на сцену властно выступаетъ такъ называемая вспыльчивость (которую не надо смѣшивать, однако, съ запальчивостью, свойственною состоянію не внезапному, а наростающему и питающему само себя подобно ревности), пострадавшій въ началѣ столкновенія

часто становится насильникомъ въ концѣ его. Если же онъ устоялъ противъ напора гнѣва и не поддался мстительному движенію, его вниманіе все-таки дѣйствуетъ обыкновенно только до извѣстнаго момента, воспринимая затѣмъ только моментами отдѣльныя, не связанныя между собою событія. Когда сказано оскорбительное слово, сдѣлано угрожающее движеніе, принято вызывающее положеніе, бросающія искру въ давно копившееся негодованіе, въ затаенную ненависть, въ прочно сложившееся презрѣніе (которое Луи Бланъ очень мѣтко характеризуетъ, говоря, что „le mépris c'est la haine en repos"), тогда взоръ и слухъ оскорбленнаго обращаются внутрь и утрачиваютъ вниманіе къ внѣшнему. Этимъ объясняется то, что часто, напримѣръ, возмутившее до крайности оскорбленіе не тотчасъ же „выводитъ изъ себя" обиженнаго, а лишь послѣ нѣкоторой паузы, во время которой обидчикъ уже спокойно обратился къ другой бесѣдѣ или занятіямъ. Но это затишье—передъ бурей... Внезапно прорывается протестъ противъ словъ, дѣйствій, личности обидчика въ самой рѣзкой формѣ. Было бы ошибочно думать, что тотъ, кто промолчалъ первоначально и лишь чрезъ извѣстный промежутокъ времени проявилъ свое возмущеніе крикомъ, воплемъ, изступленіемъ, ударами, могъ въ этотъ перерывъ наблюдать и сосредоточивать на чемъ-либо свое вниманіе.. Нѣтъ! онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, а былъ охваченъ вихремъ внутреннихъ вопросовъ: „да какъ онъ смѣетъ?! да что же это такое? да неужели я это перенесу?! и т. д. Но если даже онъ и успѣлъ овладѣть собою, рѣшившись пропустить все слышанное „мимо ушей" или сдѣлать видъ, что не понимаетъ, изъ уваженія къ (той или другой) обстановкѣ или въ разсчетѣ на будущее отмщеніе, которое еще надо обдумать, тѣмъ не менѣе потерпѣвшій тратить столько силъ на внутреннюю

борьбу съ закипѣвшими чувствами, что его вниманіе на время совершенно подавлено. Этимъ объясняются отвѣты невпопадъ и разныя неловкости внезапно оскорбленнаго, что, конечно, каждому приходилось наблюдать въ жизни. Изъ показаній такого человѣка надо брать то, что сохранила его память до наступленія въ душѣ его „шума внутренней тревоги“ и не смущаться при оцѣнкѣ правдивости его словъ тѣмъ, что затѣмъ вниманіе ему неожиданно измѣнило. Свидѣтелемъ можетъ быть и постороннее столкновенію или несчастному стеченію обстоятельствъ лицо. Если оно отличается впечатлительностью, если оно „нервно“ и не „вегетируетъ“ только, но умѣетъ чувствовать и страдать, а слѣдовательно, и сострадать, то созерцаніе нарушенія душевнаго равновѣсія въ другихъ, иногда въ близкихъ и дорогихъ людяхъ, дѣйствуетъ на него удручающе. Волненіе этихъ людей, раздѣляемое свидѣтелемъ, ослабляетъ его вниманіе или дѣлаетъ его очень одностороннимъ. Кто не испытывалъ въ жизни такихъ положеній, когда хочется „провалиться сквозь землю“ за другого и собственная растерянность является результатомъ неожиданнаго душевнаго смущенія другого человѣка? Въ этихъ случаяхъ человѣку съ чуткимъ сердцемъ, страдая за другого, инстинктивно не хочется быть внимательнымъ...

Сильные приливы чувства, вызванные сложнымъ процессомъ внутренняго переживанія скорби, утраты, разочарованія и т. п., относятся также къ числу причинъ, заслоняющихъ въ памяти или устраняющихъ изъ области вниманія отдѣльныя, связанныя между собою части событія, о которомъ приходится свидѣтельствовать. Вспоминая неуловимыя для посторонняго взора стороны отношеній къ дорогому существу, вызывая изъ невозвратнаго прошлаго милый образъ въ его малѣйшихъ проявленіяхъ или переживая оказанную кому-либо

или когда-либо несправедливость или черствость, человѣкъ иногда въ самомъ, повидимому, безразличномъ мѣстѣ своего разсказа вынужденъ бываетъ остановиться. Слезы подступаютъ къ горлу, острая и безвыходная тоска, уснувшая лишь на время, впивается въ сердце, а какой-нибудь звукъ или слово, вызывающее за собою рядъ воспоминаній, такъ приковываетъ къ себѣ вниманіе, что все послѣдующее погружается въ тѣнь, и разсказъ обрывается вслѣдствіе нравственной и физической (слезы, дрожь голоса, судороги личныхъ мускуловъ) невозможности его продолжать. Многіе, вѣроятно, видѣли предъ собою и не разъ подобныхъ свидѣтелей. Тургеневъ писалъ о крестьянкѣ, потерявшей единственнаго сына. Передавая о томъ, какъ онъ хворалъ и мучился, бѣдная мать говорила спокойно и владѣла собой, но когда она доходила до разсказа о томъ, какъ, взявъ отъ нея корочку хлѣба, умирающій ребенокъ сказалъ ей": „мамка! ты бы сольцы"... какое-то невысказанное воспоминаніе всецѣло овладѣвало ею каждый разъ, она вдругъ заливалась слезами, начинала рыдать и уже не могла продолжать разсказа, а только безнадежно махала рукой.

Наконецъ, вниманіе можетъ сосредоточиваться или на процессѣ дѣйствій, явленій и собственныхъ мыслей или же на конечномъ ихъ результатѣ,—такъ сказать, на итогѣ ихъ. Обыкновенно это чрезвычайно ярко выражается въ способѣ изложенія. Одни не могутъ передавать видѣннаго и слышаннаго иначе, какъ въ подробномъ изложеніи всего въ порядкѣ послѣдовательной постепенности; другіе же, наоборотъ, спѣшатъ скорѣе сказать главное. При допросѣ первыхъ—ихъ нерѣдко приходится просить сократить свой разсказъ; при допросѣ вторыхъ—ихъ необходимо возвращать отъ итога разсказа къ подробностямъ мѣста, времени, остановки и т. д. Дѣлать это надо съ осторожностью, особенно въ первомъ случаѣ, такъ какъ наклонность къ процес-

суальному разсказу обыкновенно обусловливается еще и особыми свойствами или, вѣрнѣе, привычками вниманія, которое цѣпко держится за послѣдовательность и преемство впечатлѣній и затуманивается, какъ только эта послѣдовательность нарушается какимъ-либо перерывомъ. Эти способности разсказчика обыкновенно отражаются и на томъ, какъ онъ слушаетъ. На ряду съ людьми, умѣющими цѣнить логическую и психологическую нити повѣствованія, отдѣльныя части котораго, связанныя между собою, создаютъ постепенно настроеніе, достигающее своего апогея въ заключеніи, въ освѣщающемъ и осмысливающемъ все фактѣ, картинѣ или лирическомъ порывѣ,—существуютъ слушатели нетерпѣливые, жаждущіе скорѣйшей „развязки“ и предупреждающіе ее догадками во всеуслышаніе или досадными вопросами...

Таковы, въ главныхъ чертахъ, свойства вниманія вообще. На ряду съ ними можно указать на нѣкоторыя особенности вниманія, такъ сказать, исключительныя или личныя, т. е. присущія тому или другому свидѣтелю уже не in genere, но in specié.

Куда, напримѣръ, надо отнести склонность нѣкоторыхъ людей обращать исключительное и даже болѣзненное вниманіе на какую-нибудь отдѣльную часть тѣла человѣка и, въ особенности, на его угодливость; при этомъ нѣкоторыхъ во всей физіономіи человѣка прежде всего привлекаютъ къ себѣ глаза, другихъ—походка, третьихъ—цвѣтъ волосъ! Есть люди, у которыхъ особенно развита mémoire auditive и которые не въ силахъ удержать въ памяти чье-либо лицо—и въ то же время они съ чрезвычайной ясностью и во всякое время могутъ представить себѣ голосъ того же самаго человѣка со всѣми его оттѣнками, вибраціей и характернымъ произношеніемъ. Свидѣтель, который обращаетъ вниманіе на глаза, опишетъ ихъ цвѣтъ, размѣръ и вы-

раженіе, но станетъ втупикъ или отвѣтитъ очень неопредѣленно, если его спросить о ростѣ или цвѣтѣ волосъ обладателя этихъ самыхъ глазъ. Разнаго рода уродливости, какъ горбъ, хромота, косоглазіе, кривоглазіе, болѣзненные наросты на лицѣ, шестипалость, провалившійся носъ и т. п., на многихъ производятъ какое-то гипнотизирующее впечатлѣніе. Взоръ ихъ невольно, вопреки желанію, обращается постоянно къ этому прирожденному или пріобрѣтенному недостатку, почти не будучи въ силахъ отъ него оторваться. Врожденное чувство эстетики и стремленіе къ гармоніи и симметріи, свойственныя человѣку, обостряютъ протестующее вниманіе, и другія свойства и черты наблюдаемаго человѣка отходятъ на задній планъ и стушевываются. Свидѣтель, отлично представляющій себѣ наружность горбуна или движенія человѣка съ искалѣченными, скрюченными или неровными ногами, совершенно добросовѣстно не будетъ въ силахъ припомнить что-либо опредѣленное касательно одежды, цвѣта волосъ или глазъ тѣхъ же самыхъ людей...

Подобная же связанность вниманія проявляется и тогда, когда ужасъ или отвращеніе заставляютъ избѣгать взгляда на предметъ, возбуждающій такое состояніе. Есть люди, которые не могутъ заставить себя глядѣть на трупъ вообще, а на обезображенный, съ зіяющими ранами, выпавшими внутренностями и т. п., тѣмъ болѣе. Вниманіе ихъ обращено на все, что находится вокругъ и около наводящаго ужасъ предмета, и упорно отвращается отъ самого предмета. Это, конечно, отражается и въ ихъ показаніяхъ. И, наоборотъ, на нѣкоторыхъ такіе именно предметы имѣютъ то гипнотизирующее вліяніе, о которомъ говорилось выше. Несмотря на ужасъ и отвращеніе, часто даже вопреки имъ, иной человѣкъ не можетъ отвести глазъ отъ картины, отъ которой, по народному выраженію, „тошнитъ на сердцѣ?“

Тягостное и отталкивающее зрѣлище постоянно притягиваетъ взоръ, который невольно съ пытливостью и необыкновенною изощренностью впитываетъ въ память возмущающія душу подробности, вызывающія чувство мурашекъ въ спинѣ и нервную дрожь въ конечностяхъ. Въ современной жизни мѣстомъ, гдѣ проявляется такого рода гипнозъ, служатъ кабинеты восковыхъ фигуръ. Эти фигуры, съ зеленовато-мертвеннымъ оттѣнкамъ ихъ лицъ, неподвижными глазами и безжизненными, деревянными ногами, производятъ на многихъ непріятное впечатлѣніе. А когда такія фигуры служатъ для изображенія мучительства различныхъ пытокъ или сценъ совершенія кровавыхъ преступленій, это впечатлѣніе доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Музей Grevin въ Парижѣ, подносящій своимъ посѣтителямъ послѣднія новинки изъ міра отчаянія, крови и проклятій, или такъ называемыя „Folterkammer“ нѣмецкихъ восковыхъ кабинетовъ всегда могутъ насчитать между зрителями этихъ вредныхъ и безнравственныхъ зрѣлищъ, пріучающихъ толпу къ спокойному созерцанію жестокости, людей, которыхъ „къ этимъ грустнымъ берегамъ влечетъ невѣдомая сила“. Есть нервные люди, которые предпочли бы остаться ночью въ одной комнатѣ съ нѣсколькими трупами, напримѣръ, въ анатомическомъ театрѣ или „препаровочной“, чѣмъ провести часъ наединѣ съ нѣсколькими восковыми фигурами, и тѣмъ не менѣе, они почти никогда не могли противостоять искушенію зайти въ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Они вступали туда съ „холодкомъ“ подъ сердцемъ и, насытивъ, вопреки душевному возмущенію, свое вниманіе удручающими образами во всѣхъ подробностяхъ, страдали потомъ отъ вынесеннаго впечатлѣнія и долго тщетно старались изгладить изъ памяти вопіющія картины...

Такое же вліяніе имѣютъ иногда и тѣ произведенія живописи, въ которыхъ этическое и эстетическое чутье

не подсказало художнику, что въ изображеніи дѣйствительности или возможности есть черта, за которую переходить не слѣдуетъ, такъ какъ за нею изображеніе уже становится безжалостнымъ и даже вреднымъ поступкомъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ на художественныхъ выставкахъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ были двѣ картины. Одна представляла пытку водою, при чемъ безумные отъ страданія, выпученные глаза и отвратительно вздутый животъ женщины, въ которую вливаютъ второе ведро воды, были изображены съ отталкивающей реальностью. На другой, носившей названіе „Искушеніе святого Антонія", мѣсто традиціонныхъ бѣсовъ и обнаженныхъ женщинъ занимали мертвецы, находившіеся на всѣхъ степеняхъ разложенія, пожиравшіе другъ друга и пившіе изъ обращенной въ чашу спиленной верхней части своего черепа собственный мозгъ. Обѣ картины всегда привлекали толпу; нѣкоторые возвращались къ нимъ по нѣсколько разъ и въ то время, какъ изъ устъ ихъ раздавались возгласы отвращенія и ужаса, глаза ихъ жадно впивались во всѣ подробности и прочно запечатлѣвали ихъ въ памяти.

Примѣняя эти замѣчанія къ свидѣтельскимъ показаніямъ, приходится признать, что гиперэстезія (обостренность) вниманія, возбужденнаго картинами, внушающими ужасъ и отвращеніе, вызываетъ неизбѣжнымъ образомъ анэстезію (притупленность) вниманія къ побочнымъ и въ особенности къ послѣдующимъ впечатлѣніямъ. Это, конечно, влечетъ за собою и неравномѣрную цѣнность и полноту отдѣльныхъ частей показанія. Однако, нѣтъ основанія видѣть въ этомъ неправдивость свидѣтеля или намѣренныя съ его стороны умолчанія. Такимъ образомъ, если о выходящемъ изъ ряда событіи или рѣзкой коллизіи, о трагическомъ положеніи или мрачномъ происшествіи даются показанія разными лицами, одинаково внѣшнимъ образомъ стояв-

шими по отношенію къ нимъ и показывающими каждый неполно, то во всей совокупности получится совершенно опредѣленная, соотвѣтствующая дѣйствительности картина. Одинъ разскажетъ про всѣ мелочи обстановки, среди которой найденъ убитый, но не сумѣетъ опредѣлить, лежалъ ли трупъ ничкомъ или навзничь, былъ ли одѣтъ или раздѣтъ и т. д., а другой опишетъ выраженіе лица у трупа, положеніе конечностей, пѣну на губахъ, закрытые или открытые глаза, направленіе ранъ, количество и расположеніе кровавыхъ пятенъ на бѣльѣ и одеждѣ,—и затруднится сказать, сколько оконъ было въ комнатѣ, были ли часы на стѣнѣ и портьеры на дверяхъ и т. д. Одинъ и тотъ же предметъ отталкивалъ отъ себя вниманіе перваго свидѣтеля и приковывалъ вниманіе второго...

Бываетъ, что поражающая свидѣтеля картина слагается изъ нѣсколькихъ наводящихъ ужасъ моментовъ, непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ. Въ такихъ случаяхъ зачастую послѣдующій ужасъ притупляетъ вниманіе къ предшествующему, и въ описаніяхъ перваго появляются разнорѣчія. Яркій примѣръ этого мы видимъ въ разсказахъ очевидцевъ (или со словъ ихъ) объ убійствѣ купеческаго сына Верещагина въ Москвѣ, въ 1812 году, въ день вступленія французовъ,—чѣмъ осквернилъ свою память графъ Ростопчинъ. Описаніе этого событія у Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и мирѣ“ является одной изъ геніальнѣйшихъ страницъ современной литературы. Провѣряя это описаніе по показаніямъ свидѣтелей, приходится замѣтить, что сцена указанія толпѣ „на измѣнника, погубившаго Москву“ и затѣмъ расправа съ нимъ—всѣми разсказывается совершенно одинаково, а предшествовавшее ей приказаніе рубить Верещагина передается совершенно различно. Въ разсказѣ М. А. Дмитріева—Ростопчинъ даетъ знакъ рукой казаку, и тотъ уда-

ряетъ несчастнаго саблей; по словамъ Обрѣзкова—адъютантъ Ростопчина приказываетъ драгунамъ рубить, но тѣ не сразу повинуются, и приказаніе было повторено; по запискамъ Бестужева-Рюмина—ординарецъ Бердяевъ, слѣдуя приказу графа, ударяетъ Верещагина въ лицо; по воспоминаніямъ Павловой (слышавшей отъ очевидца)—Ростопчинъ со словами: „вотъ измѣнникъ", толкнулъ Верещагина въ толпу, и чернь тотчасъ же бросилась его душить и терзать. Такимъ образомъ изступленіе озвѣрѣвшаго народа произвело такое ошеломляющее впечатлѣніе на очевидцевъ, что изъ ихъ памяти изгладилось точное воспоминаніе о томъ, что̀, несомнѣнно, должно было ранѣе привлечь къ себѣ ихъ вниманіе.

Къ индивидуальнымъ особенностямъ отдѣльныхъ свидѣтелей, отражающимся на содержаніи ихъ показаній, помимо физическихъ недостатковъ — тугого слуха, близорукости, дальтонизма, амбіопліи и т. п.,—относятся пробѣлы памяти, пополнить которые невозможно даже при самомъ напряженномъ вниманіи. Прекрасная въ общемъ память можетъ быть развита односторонне и представлять собою проявленіе слухового, зрительнаго или моторнаго типа. Но даже если она соединяетъ въ себѣ всѣ эти элементы и является памятью такъ называемаго смѣшаннаго типа, она даетъ иногда на своей прочной и цѣльной ткани необъяснимые разрывы относительно спеціальнаго рода предметовъ. Въ эти, если можно такъ выразиться, дыры памяти проваливаются чаще всего собственныя имена и числа, но нерѣдко то же самое случается и съ цѣлымъ внѣшнимъ образомъ человѣка, съ его физіономіей. Обладатель такой сильной, но дырявой памяти будетъ напрасно напрягать все свое вниманіе, чтобы запомнить число, запечатлѣть у себя въ умѣ чью-либо фамилію или упорно вглядѣться въ чье-нибудь лицо, разбирая

его отдѣльныя черты и стараясь отдать себѣ ясный отчетъ въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности и во всей ихъ совокупности... Тутъ память коварнымъ образомъ отказывается служить двояко: иногда, удерживая имя, утрачиваетъ представленіе о соединенной съ нимъ личности, или же, ясно рисуя извѣстный образъ, теряетъ безслѣдно принадлежащее ему прозваніе. Кромѣ этихъ случаевъ, такъ сказать, внутренней афазіи памяти, у нѣкоторыхъ людей одновременно изглаживаются изъ памяти какъ личность, такъ и имя, и въ то же время съ чрезвычайной отчетливостью остаются дѣйствія, слова, тонъ и звукъ рѣчи, связанные съ этимъ именемъ и личностью. Показанія свидѣтелей съ подобной памятью могутъ съ перваго взгляда казаться странными и даже возбуждать къ себѣ недовѣріе, такъ какъ, не зная этихъ свойствъ памяти иныхъ людей, трудно бываетъ отрѣшиться отъ недоумѣнія—какимъ образомъ человѣкъ, передавая, напримѣръ, въ мельчайшихъ подробностяхъ чей-либо разсказъ со всѣми оттѣнками, складомъ и даже интонаціями рѣчи, не можетъ назвать имени и фамиліи говорившаго. А между тѣмъ свидѣтель глубоко правдивъ и въ подробностяхъ своей передачи, и въ своихъ ссылкахъ на запамятованіе.

Весьма важную роль въ свидѣтельскихъ показаніяхъ играютъ бытовыя и племенныя особенности свидѣтеля, языкъ той среды, къ которой онъ принадлежитъ и, наконецъ, его обычныя занятія. Показанія, вполнѣ правдивыя и точныя, данныя по одному и тому же обстоятельству двумя свидѣтелями разнаго племени, могутъ значительно различаться по формѣ, краскамъ, по сопровождающимъ ихъ жестамъ, по живости передачи въ зависимости отъ племенныхъ особенностей. Стоитъ вообразить себѣ разсказъ хотя бы, напримѣръ, объ убійствѣ въ „запальчивости и раздраженіи“, случайными свидѣтелями котораго сдѣлались житель Фин-

ляндіи и уроженецъ Кавказа. Съ фактической стороны разсказъ въ обоихъ случаяхъ будетъ тождественъ, но какъ велика окажется разница въ передачѣ событія, въ отношеніи къ нему свидѣтеля, какіе оттѣнки въ рисункѣ! На медлительное созерцаніе сѣверянина наибольшее впечатлѣніе произведетъ смыслъ дѣйствія обвиняемаго, которое и будетъ охарактеризовано кратко и точно; живая натура южанина скажется въ образномъ описаніи дѣйствія.

Точно такъ же вліяютъ на показаніе и бытовыя особенности родъ жизни и занятій. Каждый, кто имѣлъ дѣло со свидѣтелями въ Великороссіи и Малороссіи, несомнѣнно, подмѣтилъ разницу въ формѣ, свободѣ и живости показаній свидѣтелей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ вѣтвямъ русскаго племени. Великоросс разскажетъ все или почти все самостоятельно; малороссу большею частью приходится предлагать вопросы, такъ сказать, добывать изъ него показаніе. Показанія великоросса обыкновенно носятъ описательный характеръ,—въ медлительно и неохотно данномъ показаніи малоросса зато гораздо чаще встрѣчаются тонкія и остроумныя опредѣленія. Разсказъ простой великорусской женщины, „бабы“, обыкновенно безцвѣтнѣе мужского; въ немъ чувствуется запуганность и подчиненность; разсказъ хохлушки, „жинки“, всегда ярче, полнѣе и рѣшительнѣе разсказа мужчины. Это особенно бросается въ глаза въ тѣхъ случаяхъ, когда объ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ даютъ показанія мужъ и жена. Бытовая разница семейныхъ отношеній и характеръ взаимной подчиненности супруговъ сказывается здѣсь наглядно. Нужно ли говорить, что горожанинъ и пахарь, фабричный работникъ и кустарь, матросъ и чиновникъ, поваръ и пастухъ, будучи свидѣтелями одного и того же событія, въ своихъ воспоминаніяхъ непремѣнно остановятся на томъ, что имѣло какое-либо отно-

шеніе къ ихъ занятіямъ и роду жизни, а для другихъ прошло, совершенно не возбудивъ вниманія.

На языкѣ свидѣтеля нерѣдко отражается и глубина его способности мышленія. Какъ часто за внѣшнею словоохотливостью оказывается скудость соображенія и отсутствіе точныхъ понятій и, обратно, въ сдержанномъ, краткомъ словѣ видно честное къ нему отношеніе и сознаніе его возможныхъ послѣдствій. Слова Фауста: „wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein“ примѣнимы и къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Люди внѣшняго лоска и полуобразованія особенно часто прибѣгаютъ къ пустому многословію; простой человѣкъ, хлебнувшій городской культуры, старается выражаться витіевато и употребляетъ слова въ странныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ, но свидѣтель изъ простонародья говоритъ обыкновенно образнымъ и сильнымъ въ своей оригинальности и сжатости языкомъ.

Затѣмъ опытъ показываетъ, что цѣлый рядъ свидѣтелей вызываетъ необходимость дѣлать нѣкоторую редукцію ихъ показаній вслѣдствіе допущенія ими безсознательной лжи при наличности искренней вѣры въ дѣйствительность того, что они говорятъ. Такъ, напримѣръ, пострадавшіе всегда и нерѣдко вполнѣ добросовѣстно склонны преувеличивать обстоятельства или дѣйствія, направленныя на нарушеніе ихъ правъ. Особенно часто это встрѣчается въ судебныхъ показаніяхъ потерпѣвшихъ, которые были при этомъ о ч е в и д ц а м и содѣяннаго надъ ними преступленія. Въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ примѣнима пословица: „у страха глаза велики“. Внезапно в о з н и к ш а я опасность невольно пріобрѣтаетъ преувеличенные размѣры и формы въ глазахъ тѣхъ, кому она грозитъ; опасность п р о ш е д ш а я представляется взволнованному сознанію большею, чѣмъ она была, отчасти подъ вліяніемъ ощущенія, что она уже прошла. Извѣстно, что люди впечатлительные, ставшіе

въ безопасное, по ихъ мнѣнію, положеніе, бываютъ до крайности подавлены неожиданно прояснившимся пониманіемъ опасности или горестныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти, и сердце ихъ сжимается отъ ретроспективнаго ужаса не менѣе сильно, чѣмъ если бы онъ еще предстоялъ. Слова Байрона: „и вотъ оно (сердце) ужъ вынести не можетъ того, что вынесло оно", какъ нельзя лучше изображаютъ такое состояніе. Вотъ почему употребляются сильныя выраженія при описаніи ощущеній и впечатлѣній и являются преувеличенія въ опредѣленіи размѣра, быстроты, силы и т. п.

Къ той же области безсознательной лжи относится совершенно искреннее представленіе себѣ людьми, мыслящими преимущественно образами (а такихъ большинство), настроенія тѣхъ лицъ, о которыхъ они говорятъ, на основаніи кажущагося жеста, тона голоса, выраженія лица. Предполагая, что другой думаетъ то-то или такъ-то, человѣкъ оправляется въ своей оцѣнкѣ всѣхъ поступковъ этого другого отъ увѣренности въ томъ, что послѣднимъ руководитъ именно такая, а не другая мысль, владѣетъ именно такое, а не другое настроеніе. Въ обыденной жизни подобное произвольное толкованіе вызываетъ собою и извѣстную реакцію на предполагаемыя мысли другого—и отсюда является сложная и очень часто совершенно необоснованная формула дѣйствій: „я думаю, что онъ думаетъ, что я думаю..., а потому надо поступить такъ, а не иначе". Отсюда разные эпитеты и прилагательныя, далеко не всегда оправдываемые дѣйствительностью и исходящіе исключительно изъ представленія и самовнушенія говорящаго. Часто усматривается „презрительная" улыбка или пожатіе плечами, „насмѣшливый" взглядъ, „вызывающій" тонъ, „ироническое" выраженіе лица и т. п. тамъ, гдѣ ихъ въ сущности вовсе не было. Если свидѣтель отли-

чается нѣкоторой живостью темперамента, онъ нерѣдко наглядно изображаетъ того, о комъ онъ говоритъ, и кажущееся ему добросовѣстно выдаетъ за дѣйствительность. Особенно частое примѣненіе этого бываетъ при изображеніи тона выслушанныхъ свидѣтелемъ словъ.

Но есть, несомнѣнно, ложныя по самому своему существу показанія, которыя надо отличать отъ показаній, данныхъ неточно или отклоняющихся отъ дѣйствительности подъ вліяніемъ настроенія или увлеченія. Здѣсь не существуетъ, однако, общаго мѣрила, и по происхожденію своему такія показанія весьма различаются между собою. Изъ нихъ, прежде всего, необходимо выдѣлить тѣ, которыя даются подъ вліяніемъ гипнотическихъ внушеній. Послѣднія, остроумно названныя докторомъ Льежуа „интеллектуальной вивисекціей", измѣняютъ внутренній міръ человѣка и, вызывая въ немъ цѣлый рядъ физіологическихъ и душевныхъ явленій, оказываютъ самое рѣшительное воздѣйствіе на память, то обостряя ее до крайности, то затемняя почти до совершенной потери. Такимъ образомъ загипнотизированнаго можно заставить забыть обстоятельства, сопровождавшія внушеніе, и изгладить совершенно изъ его памяти то, что онъ узналъ о томъ или другомъ событіи, или, наоборотъ, путемъ „ретроактивныхъ галлюцинацій" (Бернгеймъ) внушить ему твердую увѣренность въ томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ обстоятельствъ, вовсе на самомъ дѣлѣ не существовавшихъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что эти ретроактивныя галлюцинаціи, по наблюденіямъ Шарко, когда внушеніе направляется на собственные поступки подвергающагося внушенію—идутъ лишь до извѣстнаго предѣла. Такъ, почти невозможно внушить человѣку съ извѣстнымъ нравственнымъ строемъ души, что онъ совершилъ какое-нибудь гнусное преступленіе. Безсознательному подчиненію здѣсь противодѣйствуетъ внутрен-

няя реакція, допускающая его лишь до картинъ и состояній, отъ которыхъ на-яву человѣкъ отвернулся бы съ негодованіемъ и отвращеніемъ.

На-ряду съ внушенными показаніями бываютъ и показанія, даваемыя подъ вліяніемъ самовнушенія. Таковы очень часто показанія дѣтей. Большая впечатлительность и живость воображенія при отсутствіи надлежащей критики по отношенію къ себѣ и къ окружающей обстановкѣ дѣлаютъ многихъ изъ нихъ жертвами самовнушенія подъ вліяніемъ наплыва новыхъ ощущеній и идей. Принявъ свой вымыселъ за дѣйствительность, незамѣтно переходя отъ „такъ можетъ быть“ къ „такъ должно было быть“ и затѣмъ къ „такъ было!“ они упорно настаиваютъ на томъ, что кажется имъ совершившимся въ ихъ присутствіи фактомъ. Возможность самовнушенія дѣтей, представляющая не мало историческихъ примѣровъ, является чрезвычайно опасною, и здѣсь вполнѣ умѣстна психологическая экспертиза, подкрѣпляющая самый тщательный и необходимый анализъ показанія.

Затѣмъ бываетъ ложь въ показаніяхъ, какъ результатъ патологическихъ состояній, выражающихся въ болѣзненныхъ иллюзіяхъ, различныхъ галлюцинаціяхъ и навязчивыхъ идеяхъ.

Наконецъ, есть область вполнѣ сознательной и, если можно такъ выразиться, здоровой лжи, существенно отличающейся отъ заблужденія, вызваннаго притупленіемъ вниманія и ослабленіемъ памяти. Статьи Я. А. Канторовича „О правѣ на истину“ даютъ одинъ изъ послѣднихъ и подробныхъ этико-психологическихъ очерковъ лжи, какъ движущей силы въ извращеніи правды; особой разновидности неправды, остроумно именуемой „мечтательной ложью“, посвятилъ свой интересный очеркъ И. Н. Холчевъ; общія черты „психологіи лжи“ намѣчены Камилломъ Мелитаномъ и, наконецъ, быто-

вые типы „русскихъ лгуновъ“ даровито и образно очерчены нынѣ, къ сожалѣнію, почти забытымъ писателемъ А. Ѳ. Писемскимъ. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ касаться этой категоріи показаній, въ которыхъ, по мѣткому выраженію Ивана Аксакова, „ложь лжетъ истиной“. Нельзя, однако, не указать, что этого рода ложь бываетъ самостоятельная или навязанная, причемъ въ первой можно различать ложь безпочвенную и ложь обстоятельственную. Ложь безпочвенная заставляетъ сочинять никогда несуществовавшія обстоятельства (сюда относится и мечтательная ложь), и весь умъ свидѣтель направляетъ лишь на то, чтобы придать своему разсказу внѣшнюю правдоподобность, внутреннюю послѣдовательность и согласованность частей. Психологической экспертизѣ здѣсь не найдется никакого дѣла. Въ обстоятельственной лжи вниманіе направлено не на внутреннюю работу хитросплетенія, а на внѣшнія, дѣйствительно существующія обстоятельства. Оно играетъ важную роль, твердо напечатлѣвая въ памяти тѣ именно подробности, которыя нужно исказить или скрыть въ тщательно обдуманномъ разсказѣ о якобы видѣнномъ и слышанномъ. И здѣсь при изслѣдованіи силы и продолжительности нарочно поддѣланной памяти опыты экспериментальной психологіи едва ли многаго могутъ достичь. Наконецъ, ложь навязанная, т. е. придуманная и выношенная не самимъ свидѣтелемъ, а сообщенная ему для постороннихъ ему цѣлей, такъ сказать, ad referendum, почти всегда представляетъ уязвимыя стороны. Искусный допросъ можетъ застать врасплохъ свидѣтеля, являющагося носителемъ, но не изобрѣтателемъ лжи. Иногда очень старательно исполняя данное ему недобросовѣстное порученіе, такой свидѣтель теряется при непредусмотрѣнныхъ заранѣе вопросахъ, путается и раскрываетъ игру своихъ внушителей.

Въ заключеніе остается указать еще на одинъ видъ сознательной лжи въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, лжи беззастѣнчивой, наглой, нисколько не скрывающейся и не заботящейся о томъ, чтобы быть принятою за правду. Нѣкоторымъ свидѣтелямъ ложь доставляетъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, своеобразное удовольствіе, давая возможность произвести эффектъ „pour épater le bourgeois“, какъ говорятъ французы, или же получить аванс за свое достовѣрное показаніе, не принявъ на себя никакого обязательства за качество его правдоподобности.

Г. Геймансъ.

Методы спеціальной психологіи.

„Спеціальной психологіей“ я имѣю обыкновеніе называть тотъ отдѣлъ психологической науки, который, вмѣсто разысканій общихъ законовъ, раскрывающихся въ психической жизни всѣхъ людей, занимается изученіемъ различій между индивидами и группами индивидовъ, чтобы въ самомъ этомъ многообразіи усмотрѣть болѣе или менѣе точную и полную закономѣрность. Можно сказать, что до настоящаго времени эти изысканія составляли науку, почти исключительно французскую. Даже не считая Монтэней, Лабрюйеровъ, Ларошфуко и столькихъ другихъ именъ, принадлежащихъ прошлому, нужно признаться, что нашими настоящими познаніями въ этой области мы обязаны главнымъ образомъ трудамъ Бине, Маланера, Полана, Пере, Артанбера и многихъ другихъ, которые впервые дали намъ идею множественности типовъ и правильности, съ которой внутри этихъ типовъ комбинируются различные элементы характера. Въ настоящей статьѣ я хотѣлъ бы отдать себѣ отчетъ въ методахъ, съ помощью которыхъ были достигнуты эти результаты, задать вопросъ о предѣлахъ, до которыхъ эти методы могутъ вести насъ, и, наконецъ, указать кое-какіе новые методы, которые заслуживали бы примѣненія въ комбинаціи съ первыми.

Просматривая большую часть упомянутыхъ книгъ, съ перваго же взгляда поражаешься тѣмъ, что̀ я на-

звалъ бы полу-литературнымъ или полу-художественнымъ ихъ характеромъ. Этими словами я не только хочу воздать должное достоинствамъ композиціи и стиля, которыми онѣ изобилуютъ, но хочу также сказать, что въ нихъ нельзя найти методическихъ, строгихъ, часто болѣе или менѣе педантическихъ доказательствъ, характеризующихъ чисто научныя работы. Методъ, быть можетъ, не отсутствуетъ совершенно, но онъ не бросается въ глаза; онъ прячется, вмѣсто того, чтобы выдвигаться, что, впрочемъ, сообщаетъ этимъ книгамъ особое очарованіе. Читаешь и чувствуешь себя убѣжденнымъ; но если, окончивъ чтеніе, спросить себя, на чемъ покоится, въ конечномъ счетѣ, эта убѣжденность, то не сразу найдешь, что отвѣтить. Разумѣется, авторъ не преминулъ иллюстрировать свои положенія примѣрами, взятыми изъ исторіи, изъ романовъ, иногда изъ окружающей его жизни; но, въ концѣ-концовъ, примѣръ—не доказательство, и мы чувствуемъ нѣкоторую неловкость, не видя отчетливо почвы, которую, тѣмъ не менѣе, чувствуемъ подъ ногами. Мы говоримъ себѣ, что ни въ какой другой наукѣ, отличающейся подобной сложностью, два или три примѣра не считались бы достаточными для того, чтобы обосновать общую теорію, и спрашиваемъ себя еще разъ, по какому праву авторъ утверждаетъ, а читатель принимаетъ вещи, не имѣющія, повидимому, никакого болѣе солиднаго основанія.

И вотъ мнѣ кажется, что эти вопросы допускаютъ отвѣтъ, который, съ одной стороны, объясняетъ и въ значительной степени оправдываетъ пріемы, употребляемые упомянутыми психологами, а съ другой стороны, показываетъ необходимость дополнить ихъ другими методами, бывшими до сихъ поръ въ пренебреженіи. Показать это и будетъ моей задачей.

Итакъ, какимъ образомъ оказывается возможнымъ въ области спеціальной психологіи достигать прочныхъ

результатовъ, убѣждать себя самого и другихъ, приводя въ пользу своихъ утвержденій всего-на-всего какихъ-нибудь пять—шесть фактовъ? Я думаю, это возможно, прежде всего, потому, что, помимо приводимыхъ фактовъ, и авторъ и читатель имѣютъ въ своемъ распоряженіи множество другихъ, почерпнутыхъ или изъ общенія съ людьми или изъ самонаблюденія, фактовъ, которые, по большей части, остаются погребенными въ глубинѣ безсознательнаго, но которые, однако же, своимъ множествомъ и своимъ единодушіемъ могутъ дать твердую опору нашимъ теоріямъ и предположеніямъ. А во-вторыхъ, я думаю, это возможно потому, что въ предметахъ духа въ гораздо большей степени, чѣмъ въ вещахъ природы, мы можемъ отдавать себѣ отчетъ въ логической связности различныхъ качествъ, встрѣчающихся въ отдѣльномъ объектѣ, и выводить ихъ a priori одни изъ другихъ. Итакъ, вопросъ идетъ, главнымъ образомъ, объ этихъ двухъ или трехъ методахъ—о повседневномъ наблюденіи, о самонаблюденіи и дедукціи, и о нихъ мы должны задать себѣ вопросъ, въ какихъ предѣлахъ они могутъ удовлетворить требованіямъ строгой науки.

Прежде всего, повседневное наблюденіе. Огромное преимущество психолога—въ томъ, что онъ живетъ среди объектовъ своего изученія и въ постоянномъ соприкосновеніи съ ними; каждый день и каждый часъ онъ присутствуетъ при сценахъ, болѣе или менѣе значительныхъ, въ которыхъ эти изучаемые имъ объекты раскрываютъ частицу своей внутренней жизни, и всѣ эти данныя опыта оставляютъ въ его умѣ мельчайшіе слѣды, которые, комбинируясь между собой за порогомъ сознанія, въ концѣ-концовъ, образуютъ тамъ болѣе или менѣе вѣрныя предпосылки для новыхъ частныхъ случаевъ, или даже гипотезы и теоріи объ общихъ соотношеніяхъ между различными психическими качествами. Такимъ именно путемъ сложилась большая часть ходя-

чихъ мнѣній о психическихъ различіяхъ между полами, возрастами, національностями и расами, такъ же, какъ и различныя предложенныя классификаціи темпераментовъ и характеровъ: психологъ, вниманіе котораго обращено къ одной изъ этихъ темъ, находитъ въ своемъ умѣ совершенно готовые образцы — разумѣется, немного спутанные въ деталяхъ, но достаточно отчетливые въ основныхъ линіяхъ,— образы группъ, которыя онъ желаетъ описать, и ему остается только анализировать ихъ. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что анализъ, полученный такимъ путемъ, заслуживаетъ высшей степени нашего вниманія, потому что, въ конечномъ счетѣ, онъ покоится на солидной и широкой почвѣ данныхъ опыта. Въ неизмѣримой массѣ наблюденій надъ человѣческой природой, которыя мы дѣлаемъ въ теченіе всей нашей жизни, совпадающіе случаи взаимно поддерживаютъ, а противорѣчащіе — взаимно изглаживаютъ другъ друга; нужно предполагать, слѣдовательно, что комбинаціи, представляющіяся нашему уму естественными и правдоподобными, на самомъ дѣлѣ, коренятся въ природѣ вещей. Но эта предпосылка получаетъ свое полное оправданіе лишь при томъ условіи, что случаи, на основаніи которыхъ составилось наше окончательное впечатлѣніе, представляютъ въ своей совокупности съ достаточной полнотой все человѣчество, или, по крайней мѣрѣ, ту часть его, къ которой относятся наши заключенія. Однако, это условіе далеко не всегда выполняется. Возможно, что нѣкоторыя группы представлены въ средѣ, гдѣ мы вращаемся, только немногими индивидами; если эти индивиды случайно имѣютъ нѣсколько общихъ чертъ, то эти черты ассоціируются въ нашемъ умѣ съ общимъ характеромъ группы, и мы предположимъ соотвѣтствія тамъ, гдѣ имѣются лишь простыя совпаденія. Далѣе, даже въ томъ случаѣ, если число лицъ, служившихъ образцами для данной группы, будетъ достаточно ве-

лико, почти обязательно окажется, что мы встрѣчались съ одними чаще, чѣмъ съ другими; изъ этого слѣдуетъ, что первые будутъ участвовать въ большей мѣрѣ, чѣмъ послѣдніе, въ построеніи образа, который мы составимъ себѣ объ общемъ habitus группы. Такъ, оказывается, что, по замѣчанію Д. С. Милля, изъ взглядовъ, высказанныхъ кѣмъ-нибудь о природѣ женщины вообще, можно заключить съ почти комической степенью вѣроятности о спеціальныхъ качествахъ, характеризующихъ его супругу. Конечно, можно принимать мѣры предосторожности; но до тѣхъ поръ, пока не составленъ точный списокъ случаевъ наблюденій, почти невозможно избѣгнуть опасностей, на которыя я только что указывалъ. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что вѣроятность для отдѣльныхъ наблюденій запечатлѣться въ умѣ и оказать вліяніе на образующіеся въ немъ общіе образы зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ присутствія у изслѣдователя предвзятыхъ идей. Лишь только мы начали подозрѣвать связь между какими-нибудь двумя качествами, случаи, подтверждающіе это подозрѣніе, будутъ лучше наблюдаться и запоминаться нами, чѣмъ другіе; будетъ совершаться невольный и безсознательный подборъ, вслѣдствіе котораго два лица, имѣя передъ глазами одни и тѣ же факты, но ожидая разныхъ результатовъ, могутъ извлечь изъ этихъ фактовъ діаметрально противоположные выводы. Повторяемъ еще разъ: можно принимать мѣры предосторожности; можно поступать, напр., какъ Дарвинъ, который имѣлъ привычку тщательно отмѣчать всѣ наблюдаемые имъ факты, которые, казалось, противорѣчили готовымъ теоріямъ. Но нужно сказать, что, даже принимая всевозможныя мѣры предосторожности, чрезвычайно трудно поручиться за полную объективность. И это особенно въ области психологіи, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло, по большей части, съ непредвидѣнными, мимолет-

ными фактами, появляющимися среди огромной массы другихъ фактовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе только благодаря ихъ связи съ привносимыми идеями, которыя опредѣляютъ выводы изслѣдователя. Методъ повседневнаго наблюденія имѣетъ такимъ образомъ большой недостатокъ: онъ исключаетъ возможность контроля какъ одного изслѣдователя надъ другимъ, такъ и каждого изслѣдователя надъ самимъ собой. Когда, напр., Бэнъ утверждаетъ, что интенсивность аффективнаго состоянія находится въ прямомъ отношеніи ко времени, въ теченіе котораго это состояніе достигаетъ своего maximum'a, а Маланеръ держится противоположнаго взгляда, какъ возможно рѣшить ихъ споръ, пока они передаютъ свои различныя мнѣнія только какъ результатъ ихъ личнаго опыта? И какимъ образомъ самъ изслѣдователь можетъ довѣрять своимъ выводамъ, если онъ долженъ сказать себѣ, что эти выводы основаны на фундаментѣ, прочности котораго онъ оцѣнить не можетъ? Возможность построенія точной науки всегда зависитъ отъ того условія, чтобы факты, наблюдаемые каждымъ, были доступны для всѣхъ: мы видимъ, въ какой степени методъ, о которомъ шла рѣчь, далекъ отъ того, чтобы удовлетворять этому условію.

На второмъ мѣстѣ мы назвали методъ самонаблюденія. Съ самаго начала могло бы показаться страннымъ, что самонаблюденіе одной личности можетъ сообщать ей знаніе о другихъ; однако, это каждый день происходитъ въ искусствѣ, въ историческихъ изысканіяхъ, а также въ повседневной жизни. Когда романистъ описываетъ намъ вымышленное лицо, когда историкъ даетъ реконструкцію историческаго характера, когда въ обыденной жизни каждый, болѣе или менѣе точно, предвидитъ, какъ будутъ вести себя его знакомые при данныхъ обстоятельствахъ, конечно, первый собираетъ „человѣческіе документы", второй тщательно разсматри-

ваетъ всѣ факты, которые сообщаетъ ему его наука, а третій прибѣгаетъ къ своему предшествующему опыту, касающемуся данныхъ личностей; но никто изъ нихъ не выполнилъ бы своей задачи, если бы, на основаніи этихъ данныхъ, онъ не построилъ бы въ себѣ самомъ болѣе или менѣе полнаго образа той личности, которая его занимаетъ, если бы онъ не отожествилъ себя съ нею и не почувствовалъ бы почти непосредственно то, что должно — теперь или въ прошломъ — происходить въ ней. Эти пріемы не теряютъ своего значенія и въ психологіи: даже съ помощью многочисленныхъ наблюденій никто не можетъ составить себѣ правильнаго понятія о томъ, что такое нервный человѣкъ, сангвиникъ, истерикъ, если онъ самъ, хотя бы на мгновеніе, не чувствуетъ себя истеричнымъ, сангвиникомъ или нервнымъ. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что французскіе психологи, основатели спеціальной психологіи, почти всѣ одаренные художественнымъ темпераментомъ, широко пользовались этимъ методомъ, и ихъ произведенія показываютъ намъ его счастливые результаты. Впрочемъ, этотъ пріемъ не настолько ужъ далекъ, какъ это могло бы казаться, отъ методовъ, строго научныхъ и признанныхъ за таковые; можно утверждать даже, что онъ точно соотвѣтствуетъ тому, что въ другихъ наукахъ называется экспериментальнымъ методомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ геологъ въ своей лабораторіи, въ уменьшенномъ масштабѣ, воспроизводитъ вліянія, которымъ, въ отдаленныя времена, подвергались минералы, происхожденіе которыхъ онъ хочетъ узнать, такъ психологъ въ себѣ самомъ реконструируетъ характеры, проявленія которыхъ онъ хочетъ понять; и тотъ и другой извлекаютъ изъ своихъ наблюденій надъ копіями выводы, относящіеся къ оригиналу. Однако, если въ принципѣ такимъ образомъ нельзя ничего возразить противъ метода, только что изображеннаго мною, и если даже наши

познанія въ психологіи безъ него никогда не могутъ достигнуть послѣдней степени ясности и точности, нужно все-таки сознаться, что такъ же, какъ и предыдущій методъ, онъ не можетъ удовлетворить требованіямъ доказательности. Во-первыхъ, онъ предполагаетъ, для своего успѣшнаго примѣненія, качества, довольно рѣдкія: живую, сильную и въ то же время дисциплинированную фантазію, абсолютную способность временно изглаживать свою собственную индивидуальность и проникать въ чужую. Конечно, эти качества встрѣчаются у большинства вышеупомянутыхъ изслѣдователей; но они могутъ встрѣчаться только въ видѣ исключенія у тѣхъ, кто изучаетъ ихъ труды: читатели опять должны принять на вѣру предлагаемые выводы. Да и всякій человѣкъ погрѣшимъ; возможно, значитъ, что результаты экспериментированія надъ собой у различныхъ изслѣдователей не всегда совпадаютъ, а когда они расходятся, то, какъ и въ методѣ повседневнаго наблюденія, нѣтъ способовъ установить, на чьей сторонѣ истина. Итакъ, мнѣ кажется, что настоящій методъ столь же мало, какъ и предыдущій, можетъ считаться рѣшающимъ въ области спеціальной психологіи.

Остается д е д у к т и в н ы й м е т о д ъ. Извѣстно, что Д. С. Милль, болѣе полу-вѣка тому назадъ, призналъ этотъ методъ единственнымъ, съ помощью котораго спеціальная психологія („этологія“) можетъ получить прочное обоснованіе. Съ тѣхъ поръ часто высказывали замѣчаніе, что этотъ взглядъ знаменитаго логика былъ тѣсно связанъ съ другимъ, который, однако же, никѣмъ не раздѣляется: что всѣ люди рождаются равными. Дѣйствительно, если бы это было такъ, самый короткій и самый вѣрный путь къ пониманію различія характеровъ заключался бы въ томъ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ они складывались въ теченіе человѣческой жизни; необходимо было бы только знать условія, при

которыхъ жилъ индивидуумъ или группа индивидовъ, чтобы логически вывести отсюда, по законамъ общей психологіи, всѣ интеллектуальныя и моральныя качества, характеризующія ихъ. Однако, можно признать безнадежность этой позиціи, не отказываясь изъ-за этого отъ употребленія въ психологіи дедуктивнаго метода. Между безчисленными качествами, которыми люди отличаются другъ отъ друга, существуютъ несомнѣнныя отношенія подчиненія и логической зависимости; когда, напр., о данномъ лицѣ извѣстно что оно не обладаетъ вторичной функціей [1]), или же, что оно весьма активно, или отличается чрезвычайно развитой эмоціональностью, то можно объяснить себѣ и, въ случаѣ надобности, предсказать—въ первомъ случаѣ, что это лицо не будетъ способно къ абстрактнымъ разсужденіямъ; во-второмъ — что оно будетъ до извѣстной степени реалистично и практично; въ послѣднемъ,—что его взглядъ на вещи рѣдко будетъ безпристрастнымъ. А такъ какъ эти случаи зависимостей очень часты въ психологіи, то они могутъ быть очень полезны при построеніи типовъ; и мы, дѣйствительно, видимъ, что въ сочиненіяхъ упомянутыхъ нами психологовъ результаты опыта и самонаблюденія повсюду выясняются и подкрѣпляются разсужденіями дедуктивнаго порядка. И, разумѣется, это можно было бы только привѣтствовать, если бы эти результаты опыта и самонаблюденія были бы прочно обоснованы на ихъ собственной почвѣ. Это условіе очень важно, потому что исторія всѣхъ наукъ учитъ насъ, съ одной стороны, насколько цѣнна дедукція для объясненія хорошо установленныхъ фактовъ; съ другой стороны, насколько опасно, по крайней мѣрѣ, имѣя дѣло съ уже

[1]) Подъ „вторичной функціей“ я разумѣю (согласно съ В. Гроссомъ) вліяніе, которое психическіе факты (воспріятія, идеи, эмоціи) продолжаютъ оказывать на душу, когда они уже опустились въ сферу безсознательнаго.

прочно обоснованной наукой, пытаться употреблять эту дедукцію для того, чтобы установить самые факты. Въ юные годы всякой эмпирической науки мы видимъ изобиліе попытокъ, стремящихся дедуктивно доказать необходимость извѣстныхъ явленій, между тѣмъ какъ позднѣе точное изслѣдованіе открываетъ, что эти явленія происходятъ совершенно иначе или же что они сами имѣютъ другой характеръ, чѣмъ полагали ранѣе. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ чрезвычайной сложности фактовъ: хотя бы мы и вычислили точно всѣ прямыя послѣдствія какой-либо причины, она можетъ имѣть, сверхъ того, извѣстное число косвенныхъ послѣдствій, которыя уравновѣшиваютъ и разрушаютъ первыя; другія причины, существованіе которыхъ даже не подозрѣвалось, могутъ вмѣшаться въ дѣло и замѣнить своими слѣдствіями слѣдствія извѣстной причины. Спеціальная психологія—очень молодая наука, и ея предметъ отличается чрезвычайной сложностью. Между тѣмъ какъ въ другихъ областяхъ ограниченность круга причинъ, участвующихъ въ игрѣ, или широкое знаніе, накопленное въ предыдущихъ изысканіяхъ, уменьшаютъ въ извѣстной мѣрѣ указанныя опасности, здѣсь эти опасности достигаютъ своего maximum'a и надолго еще отнимаютъ у насъ всякую законную надежду расширить область нашихъ знаній съ помощью дедуктивнаго метода. Когда мы со временемъ пріобрѣтемъ прочно установленное знаніе фактовъ и ихъ общихъ связей, дедукція можетъ и должна будетъ вмѣшаться, чтобы дать имъ объясненіе; пока же это знаніе остается недостовѣрнымъ, дедукція можетъ пополнить его лишь въ очень скромныхъ предѣлахъ. Говоря вообще, дедукція даетъ пониманіе безъ достовѣрности, тогда какъ индукція даетъ достовѣрность безъ пониманія; для созданія серьезной науки, и та и другая одинаково необходимы, но въ ихъ сотрудничествѣ индукція всегда должна предшествовать.

Итакъ, мнѣ думается, что методы, примѣнявшіеся до настоящаго времени въ спеціальной психологіи, имѣютъ, разумѣется, большую цѣнность, но не могутъ быть признаны достаточными. Они имѣютъ большую цѣнность, прежде всего, съ точки зрѣнія эвристической, направляя вниманіе изслѣдователя къ извѣстнымъ правдоподобнымъ предположеніямъ, которыя заслуживаютъ испытанія; затѣмъ, сообщая результатамъ изслѣдованія большую субъективную ясность и понятность; наконецъ, объясняя логическую связанность фактовъ, въ которыхъ изслѣдованіе обнаружило эмпирическую связь. Но они не могутъ быть признаны достаточными потому, что, говоря кратко, они не допускаютъ провѣрки гипотезъ. Если правда, что для рѣшенія всякаго научнаго вопроса необходимы три интеллектуальныхъ операціи: наблюдать, предполагать, оправдывать, — то эти методы дѣлаютъ возможными первую и вторую изъ этихъ операцій, но не могутъ дать запаса фактовъ, хорошо установленныхъ и пользующихся всеобщимъ признаніемъ, который сдѣлалъ бы возможнымъ оправданіе гипотезъ. Пока у насъ не будетъ этого запаса, спеціальная психологія не можетъ предъявлять притязанія на званіе настоящей науки; слѣдовательно, абсолютно необходимо его пополнить. Это значитъ, что мы нуждаемся въ возможно большемъ количествѣ психографій, понимая, вмѣстѣ съ В. Штерномъ, подъ психографіей подробное, полное и точное перечисленіе всѣхъ признаковъ, характеризующихъ съ психической стороны даннаго индивида. Когда въ нашемъ распоряженіи окажется нѣсколько тысячъ этихъ психографій, можно будетъ широко черпать изъ этого фонда, чтобъ провѣрять предложенныя гипотезы—или же чтобы предлагать ихъ—относительно соотношеній между различными психологическими качествами, классификаціи характеровъ, отличительныхъ характеристикъ возрастовъ, половъ, про-

фессій и національностей, и относительно множества другихъ вопросовъ. Спрашивается, какъ можно получить ихъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, полезно будетъ установить различіе между идеальнымъ методомъ, который можетъ лишь постепенно осуществляться въ будущемъ, и методами предварительными, весьма несовершенными, но тѣмъ не менѣе достаточными для начала работы. Идеальный методъ состоялъ бы въ томъ, чтобы психологи всего міра пришли къ соглашенію относительно построенія общей схемы, по которой каждый изъ нихъ могъ бы дать психографіи нѣсколькихъ лицъ, близко ему знакомыхъ, основываясь на личномъ наблюденіи, на разспросахъ и экспериментированіи. Работая такимъ образомъ, мы въ недалекомъ будущемъ могли бы имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество психографій, строго сравнимыхъ между собою и составленныхъ компетентными наблюдателями. Трудъ, который началъ Тулузъ въ своемъ знаменитомъ этюдѣ о Зола, можетъ считаться опытомъ такого метода; ему недостаетъ только тщательнаго и хорошо разработаннаго выбора экспериментальныхъ пріемовъ, далѣе, личнаго и близкаго знакомства съ изучаемой личностью, наконецъ, сотрудничества многихъ изслѣдователей при пользованіи общей схемой — условіе, необходимое для того, чтобы собрать достаточно матеріаловъ. Нужно надѣяться, что новый „Institut für angewandte Psychologie und psychologische Sammelforschung“ въ Берлинѣ не замедлитъ взять на себя инициативу въ организаціи работы въ указанномъ мною направленіи.

Однако, такъ какъ цѣль эта будетъ достигнута только послѣ подготовительныхъ работъ, которыя не могутъ быть дѣломъ одного дня, необходимо спросить себя, нельзя ли, въ ожиданіи ихъ, по крайней мѣрѣ, собрать для себя нѣкоторыя предварительныя данныя, способ-

ныя расчистить путь для болѣе широкой и совершенной науки будущаго—я полагаю, что эта возможность, дѣйствительно, существуетъ; и я хотѣлъ бы вкратцѣ указать здѣсь на два метода, которые, согласно съ результатами, полученными Вирсма и мною, оказываются вполнѣ достаточными, чтобы доказать нѣкоторыя соотношенія и дать возможность предугадать нѣсколько другихъ, при чемъ ихъ значеніе будетъ возрастать безконечно, по мѣрѣ того, какъ они будутъ прилагаться въ болѣе широкомъ масштабѣ. Эти два метода суть методъ біографическій и методъ анкетъ.

Біографическій методъ состоитъ въ томъ, чтобы прочесть возможно больше біографій историческихъ личностей, тщательно отмѣтить всѣ болѣе или менѣе важныя качества, которыя имъ приписываются или могутъ быть приписаны на основаніи фактовъ, упоминаемыхъ біографомъ, и составить такимъ образомъ возможно полныя психографіи этихъ личностей. Наконецъ, эти психографіи, сжатыя въ надлежащей формѣ, сравниваются между собою и изучаются по обыкновеннымъ методамъ статистики для отысканія соотвѣтствій и опредѣленія вѣроятностей. Этотъ методъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя неудобства, которыя, однако же, не такъ велики, какъ можно было бы ожидать. Во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло исключительно съ выдающимися личностями, потому что онѣ однѣ могутъ претендовать на честь имѣть свою біографію; позволительно спросить себя, можно ли прилагать къ людямъ вообще то, что встрѣчается у этихъ избранныхъ личностей. Мнѣ думается, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать утвердительно. Конечно, у избранныхъ людей нѣкоторыя качества будутъ встрѣчаться чаще, а другія — рѣже, чѣмъ у обыкновенныхъ людей. Но психологію интересуетъ не абсолютная или относительная распространенность отдѣльныхъ качествъ, а, скорѣе, распро-

страненность комбинаціи тѣхъ или иныхъ качествъ, такъ какъ лишь эта послѣдняя даетъ право заключать о существованіи положительныхъ или отрицательныхъ соотношеній. И нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эти соотношенія различны для людей выдающихся и для большинства. Вотъ примѣръ: большинство художниковъ обладаютъ большей эмоціональностью, чѣмъ средній человѣкъ; но мы констатируемъ у легко возбудимыхъ артистовъ тѣ же свойства, сопутствующія возбудимости, какъ и у эмоціональныхъ людей, не принадлежащихъ къ художникамъ, какъ то: импульсивность, раздражительность, измѣнчивость настроенія, недостатокъ практическаго смысла, и т. д. Если же дѣло, вообще, обстоитъ такъ (а результаты, получаемые съ помощью другихъ методовъ, доказываютъ это болѣе чѣмъ достаточно), то возраженіе, о которомъ мы только что говорили, повидимому, теряетъ свои основанія. То же самое относится и къ другому возраженію. Говорятъ, что біографы не всегда безпристрастны; нельзя полагаться на нихъ; чтобы составить дѣйствительно научную психографію историческаго лица, необходимо обратиться къ первоисточникамъ, собирать и взвѣшивать доступныя намъ свидѣтельства и аргументировать свои выводы со всѣмъ аппаратомъ историческаго метода. И въ самомъ дѣлѣ, было бы прекрасно имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько сотъ психографій, основанныхъ на столь широкихъ данныхъ и составленныхъ съ такой мелочной заботливостью. Но здѣсь, какъ часто и вездѣ, лучшее— врагъ хорошаго; чтобы достигнуть этой высокой цѣли, психологъ долженъ былъ бы сдѣлаться историкомъ, а сдѣлавшись историкомъ, онъ могъ бы, въ теченіе всей своей жизни окончить, самое большее, двѣ или три такихъ идеальныхъ психографіи. При этихъ условіяхъ психологъ долженъ выбирать; сдѣлаться ли ему историкомъ и составитъ эти двѣ или три психографіи, или

же предоставить историческую работу историкамъ и довѣриться наудачу существующимъ біографіямъ, которыхъ онъ можетъ прочесть не мало за нѣсколько лѣтъ и сдѣлать изъ нихъ извлеченія, цѣнныя съ психологической точки зрѣнія. Правда, послѣдній пріемъ можетъ показаться неудовлетворяющимъ требованіямъ строгаго метода, но слѣдуетъ дѣлать различіе между требованіями историческаго метода и требованіями метода психологическаго. Для того, чтобы получить единственную психографію, абсолютно достойную вѣры, нужно, разумѣется, слѣдовать историческому методу; для того, чтобы собрать свѣдѣнія о соотвѣтствіи между различными элементами характера, нужно большое число психографій, и если бы даже каждая изъ нихъ имѣла серьезные недостатки, въ своемъ цѣломъ онѣ могутъ лечь въ основаніе выводовъ, обладающихъ совершенно достаточной вѣроятностью. Это потому, что здѣсь, какъ и во всѣхъ наукахъ, которыя основаны на статистическомъ методѣ, законъ большихъ чиселъ сообщаетъ общимъ результатамъ вѣроятность безконечно бо̀льшую сравнительно съ той, которая принадлежитъ единичнымъ фактамъ. Когда какое-нибудь свойство часто встрѣчается въ характерѣ извѣстной группы, нѣкоторыя біографіи, можетъ быть, забудутъ отмѣтить это свойство въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они существуетъ; другія будутъ воображать, что замѣтили его тамъ, гдѣ оно и не существуетъ; но чѣмъ больше число наблюдаемыхъ случаевъ, тѣмъ больше вѣроятности, что эти противоположныя ошибки нейтрализуютъ другъ друга, и что изъ сближенія всѣхъ этихъ сомнительныхъ данныхъ родится, если не истина, то, по крайней мѣрѣ, нѣчто, очень близкое къ ней. Къ тому же методы вычисленія вѣроятностей позволяютъ намъ точно разсчитать степень довѣрія, которое мы можемъ питать къ полученнымъ результатамъ, такъ же, какъ и ихъ вѣроятныя погрѣшности; а сравненіе этихъ резуль-

татовъ съ тѣми, которые доставляются намъ другими методами и другими изслѣдователями, даетъ не менѣе цѣнное средство для контроля.

На второмъ мѣстѣ я назвалъ м е т о д ъ а н к е т ъ. По правдѣ сказать, анкеты теперь не очень уважаются, и нужно сознаться, что бо̀льшая часть организованныхъ до сихъ поръ анкетъ, особенно въ Америкѣ, весьма мало содѣйствовали успѣхамъ науки. Но это зависитъ исключительно отъ того, что иниціаторы ихъ почти совершенно не умѣли использовать данныя, прошедшія черезъ ихъ руки. Стэнли Голлъ, напримѣръ, устроилъ извѣстную анкету о гнѣвѣ, и констатируетъ, на основаніи полученныхъ отвѣтовъ, что въ гнѣвѣ нѣкоторые изъ его корреспондентовъ краснѣютъ, другіе блѣднѣютъ, что одни изъ нихъ бьютъ попавшіеся имъ подъ руки предметы, другіе же этого не дѣлаютъ, что послѣ кризиса одни испытываютъ чувство стыда, другіе—экзальтаціи и т. д. Теперь было бы чрезвычайно интересно узнать, краснѣющія или блѣднѣющія особы охотнѣе бьютъ предметы, что̀ чаще слѣдуетъ за сильными физическими проявленіями гнѣва: стыдъ или экзальтація, и т. д.; но такіе вопросы, для разрѣшенія которыхъ автору стоило бы только привести въ порядокъ свои документы, по-видимому, даже и не были поставлены. Ограничились для каждаго отдѣльнаго явленія подсчетомъ случаевъ, гдѣ оно имѣется на лицо, и самое большее, вычисленіемъ процентныхъ отношеній! Не удивительно, что ничего не нашли, разъ ничего не искали, и опытъ анкетнаго метода предстоитъ еще сдѣлать. Быть можетъ, будетъ полезнѣе, производя этотъ опытъ, не требовать у своихъ корреспондентовъ болѣе или менѣе произвольныхъ признаній на данную тему, какъ поступали по большей части американскіе психологи, но предлагать имъ точные вопросы, на которые они могли бы отвѣтить простымъ „да“ или „нѣтъ“; только такимъ образомъ можно быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ будутъ

смотрѣть на вопросъ съ однѣхъ точекъ зрѣнія, и что, слѣдовательно, ихъ отвѣты будутъ строго сравнимы другъ съ другомъ. Работая такимъ образомъ, мы сообщимъ анкетному методу большое преимущество передъ біографическимъ, не говоря уже о томъ, что съ помощью перваго можно безъ труда собрать гораздо большее число психографій, чѣмъ съ помощью второго. Впрочемъ, не стоитъ и пояснять, что эти психографіи, взятыя въ отдѣльности, заслуживаютъ столь же мало или даже еще менѣе довѣрія, чѣмъ біографическія данныя; здѣсь, какъ и тамъ, только ихъ количество даетъ имъ право претендовать на степень научныхъ документовъ.

Итакъ, вотъ эти два метода, отъ которыхъ зависитъ, если я не ошибаюсь, возможность сообщить теперь же спеціальной психологіи характеръ хоть сколько-нибудь точной науки. Поэтому я считалъ полезнымъ испробовать какъ тотъ, такъ и другой (послѣдній въ сотрудничествѣ съ Вирсма, профессоромъ психіатріи при университетѣ въ Гронингенѣ), и я хотѣлъ бы прежде, чѣмъ кончить мою статью, сообщить еще нѣкоторыя подробности о нашихъ пріемахъ и нашихъ результатахъ.

Что касается біографическаго изслѣдованія, я занимаюсь имъ нѣсколько лѣтъ и опубликовалъ нѣкоторые результаты въ первомъ томѣ „Zeitschrift für angewandte Psychologie“. Я прочелъ до сихъ поръ 110 біографій художниковъ, ученыхъ и историческихъ людей всѣхъ временъ и странъ; я классифицировалъ мои извлеченія по нѣкоторымъ основнымъ свойствамъ, какъ-то: эмоціональность, активность и вторичная функція, и опредѣлилъ степень распространенности другихъ качествъ въ образованныхъ такимъ образомъ группахъ. Эта распространенность оказалась гораздо болѣе различной въ отдѣльныхъ группахъ, чѣмъ я могъ предполагать, и, что еще важнѣе, въ этихъ различіяхъ мы

находимъ замѣчательную правильность. Вотъ одинъ очень выразительный примѣръ: правдивость опредѣленно приписывается герою моихъ біографій въ 23 случаяхъ изъ 100, а отсутствіе этого качества—въ 26 изъ 100; въ группѣ эмоціональныхъ, неактивныхъ, съ первичной функціей, встрѣчается только 5% правдивыхъ и 70% лгуновъ; между тѣмъ какъ въ діаметрально противоположной группѣ неэмоціональныхъ, активныхъ, со вторичной функціей % первыхъ достигаетъ 38, а % вторыхъ равняется нулю. Вѣроятность случайности этихъ расхожденій для четырехъ нашихъ чиселъ въ отдѣльности равняется 6,004, 0,000, 0,136, и 0,000; для всѣхъ четырехъ вмѣстѣ она совершенно ничтожна и ставитъ внѣ сомнѣнія наличность указаннаго соотвѣтствія. Большинство другихъ соотвѣтствій не достигаютъ подобной степени очевидности, и это не удивительно, если имѣть въ виду ограниченное число изученныхъ лицъ; тѣмъ не менѣе удалось найти для каждой группы извѣстное число качествъ, вѣроятная связь которыхъ съ отличительными качествами группы доказывается полученными цифрами, и которыя, вмѣстѣ взятыя, даютъ цѣльный образъ, въ которомъ мы узнаемъ хорошо знакомый типъ. Такимъ образомъ, „эмоціонально-раздражительные“ и „эмоціонально-сентиментальные“, „чувствительно-живые, „апатически-активные“, „страстно-непостоянные“ и „страстно-сосредоточенные“ Маланера—всѣ находятъ готовое мѣсто въ вышеупомянутой классификаціи.

Затѣмъ идутъ анкеты, организованныя Вирсма и мною. Первая изъ этихъ анкетъ (см. Zeitschrift für Psychologie, т. 42—51) должна была первоначально сообщить намъ данныя о психологической наслѣдственности. Для этой цѣли мы обратились къ содѣйствію всѣхъ нидерландскихъ врачей (въ числѣ около 3000); мы послали каждому изъ нихъ 6 экземпляровъ вопроснаго листа, содержащаго 90 вопросовъ о всѣхъ пунктахъ, важныхъ для характеристики каждаго лица, и просили

ихъ выбрать семью, знакомую имъ лично, и дать намъ требуемыя свѣдѣнія относительно отца, матери и дѣтей этой семьи. Изъ этихъ 3000 врачей не менѣе 450 исполнили нашу просьбу; и такимъ образомъ въ нашемъ распоряженіи оказались психологическія описанія 2523 лицъ, принадлежащихъ къ 558 семействамъ. Обладая этими матеріалами, мы были въ состояніи констатировать весьма опредѣленныя тенденціи въ отношеніи психологической наслѣдственности; но они же сдѣлали возможнымъ и точный контроль результатовъ біографическаго изслѣдованія. Съ этой цѣлью мы распредѣлили психографіи анкеты по тѣмъ же принципамъ, которымъ я слѣдовалъ въ предыдущей работѣ; мы составили тѣ же самыя группы и опредѣлили снова ихъ соотвѣтствія. И мы нашли, что во всѣхъ существенныхъ пунктахъ типы, построенные на основаніи анкеты, согласуются съ типами біографическаго изученія. Чтобы иллюстрировать это совпаденіе, мнѣ хочется еще разъ сопоставить двѣ уже упомянутыя группы. Эмоціональные, неактивные, съ первичной функціей, согласно анкетѣ, такъ же, какъ и согласно біографіямъ, импульсивны, необузданы, раздражительны, съ измѣнчивымъ настроеніемъ, поверхностны или даже глупы, склонны копировать чужія мнѣнія, остроумны, распущены, тщеславны, честолюбивы, расточительны, радикалы въ политикѣ, застѣнчивы или аффектированы, экспансивны, интриганы, лгуны, неразборчивы въ средствахъ, разсѣяны и неаккуратны; между тѣмъ какъ—тоже согласно съ данными обоихъ изслѣдованій — неэмоціональные, активные, со вторичной функціей отличаются уравновѣшенностью, спокойствіемъ, ровнымъ настроеніемъ, интеллигентностью, независимостью взглядовъ, недостаткомъ остроумія, стыдливостью, равнодушіемъ къ внѣшнему блеску, тенденціей стушевываться экономностью, консервативными мнѣніями въ политикѣ, простотой, молчаливостью, честностью, правдивостью,

совѣстливостью, вниманіемъ и пунктуальностью. Мы видимъ, какъ эти два типа напоминаютъ „эмотивно-раздражительныхъ“ и „апатически-активныхъ“ Маланера; но въ то же время мы видимъ, что индуктивное изслѣдованіе прибавляетъ къ его описаніямъ значительныя черты, которыя мы едва ли могли бы подозрѣвать заранѣе. И мы видимъ, наконецъ, что если бы другія изысканія въ томъ же духѣ подтвердили полученные результаты, то они сообщили бы этимъ результатамъ гораздо высшую достовѣрность сравнительно съ той, которую они могли бы почерпнуть или въ субъективномъ чувствѣ очевидности или въ абстрактныхъ разсужденіяхъ.

Мы сравнили наши результаты не только съ имѣющимися классификаціями характеровъ, но и съ заключеніями спеціальнаго изслѣдованія, также французскаго происхожденія. Рогъ де-Фюрзакъ напечаталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Revue philosophique этюдъ о скупости, результатъ личныхъ наблюденій надъ небольшимъ кругомъ лицъ. Въ этихъ лицахъ онъ отмѣчаетъ много качествъ, соотвѣтствующихъ скупости: въ интеллектуальной области — нормальная, но преимущественно недоброжелательная наблюдательность, узость идей, скучный разговоръ, недостатокъ практическаго смысла и знанія людей; въ области эмоціональной— отсутствіе альтруистическихъ чувствъ, тяготѣніе къ одиночеству, индифферентизмъ или охранительные взгляды въ политикѣ, недостатокъ патріотизма, ничтожная чувствительность, тщеславіе, честолюбіе, нетерпимость и вѣчное безпокойство; наконецъ, въ волевой области—молчаливость и недовѣрчивость, властный характеръ и отсутствіе интереса къ наукамъ и искусствамъ. И здѣсь опять-таки, изученіе 79 случаевъ скупости, встрѣчающихся въ нашей анкетѣ, даетъ точно такіе же результаты; и только въ одномъ единственномъ качествѣ оба изслѣдованія противорѣчатъ другъ

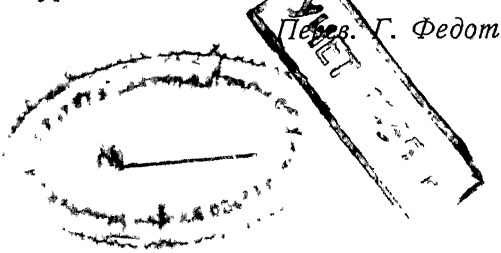
другу: импульсивность, по анкетѣ, не отсутствуетъ у скупцовъ, хотя де-Фюрзакъ не нашелъ ея у своихъ знакомыхъ. Наконецъ, и здѣсь анкета прибавляетъ къ картинѣ, нарисованной французскимъ психологомъ, нѣсколько интересныхъ чертъ, каковы: пониженная активность, мрачное или перемѣнчивое настроеніе, отсутствіе отвлеченныхъ добродѣтелей, индифферентизмъ къ религіи и нѣкоторыя другія.

Во второй анкетѣ, организованной Вирсма и мною, которая была предназначена для собиранія данныхъ о психологіи переходнаго возраста, мнѣ достаточно сказать нѣсколько словъ. Для этой анкеты мы обратились къ сотрудничеству преподавателей въ среднихъ школахъ нашей страны; пятидесяти изъ нихъ, которые выразили согласіе содѣйствовать намъ, мы послали экземпляры вопроснаго листа относительно поведенія учениковъ въ школѣ и они дали намъ свѣдѣнія, приблизительно, о 4000 ученикахъ въ возрастѣ отъ двѣнадцати до двадцати лѣтъ. Мы только что приступили къ разбору этихъ матеріаловъ; только по одному пункту, по психологіи половъ, работа уже окончена, и опять-таки наши результаты только подтверждаютъ то, что позволяли ожидать предыдущія изслѣдованія. То-есть, что, какъ я показалъ въ своей недавней книгѣ о психологіи женщины, мальчики и дѣвочки этой анкеты обнаруживаютъ въ главныхъ чертахъ тѣ же отличія, что̀ мужчины и женщины въ предыдущей анкетѣ; впрочемъ, эти отличія далеко не всегда совпадаютъ съ ходячими мнѣніями о психологіи половъ. Что касается общихъ соотвѣтствій, обнаруженныхъ первой анкетой, то хотя они еще не вычислены точно на основаніи матеріаловъ второй, но они проглядываютъ всюду.

Итакъ, я повторяю въ заключеніе, что, какъ мнѣ думается, изслѣдованія, о которыхъ я говорилъ, по крайней мѣрѣ, поставили внѣ сомнѣнія возможность собранія эмпирическихъ данныхъ, которыя могутъ служить

основаніемъ для индуктивной и точной спеціальной психологіи. Но эти изслѣдованія—лишь первый черновой трудъ, къ которому потомство отнесется, конечно, съ улыбкой состраданія. Эти общія качества, которыя я извлекъ изъ біографій и о которыхъ собирали свѣдѣнія наши анкеты, какъ эмоціональность, интеллигентность, правдивость и другія, являются лишь блѣдными абстракціями; каждое изъ нихъ обнимаетъ безконечность спеціальныхъ формъ, весьма различныхъ, — быть можетъ, даже противоположныхъ другъ другу; многія изъ нихъ имѣютъ производный или сложный характеръ; наряду съ ними многія другія заслуживаютъ не меньшаго вниманія. Чтобы проникнуть въ глубины человѣческаго характера, необходимы психографіи, отличающіяся гораздо большей подробностью и полнотой, чѣмъ тѣ, которыя легли въ основу нашихъ изслѣдованій. Можетъ быть, понадобится большее число сотрудниковъ и объектовъ наблюденія; однако, чѣмъ полнѣе и достовѣрнѣе будутъ наши психографіи, тѣмъ менѣе будетъ необходимо нагромождать матеріалы, чтобы извлечь изъ нихъ несомнѣнные выводы. Было бы вполнѣ достойно французскаго генія, создателя психологическаго романа и перваго изслѣдователя спеціальной психологіи принять активное участіе въ этихъ изысканіяхъ, которыя должны будутъ когда-нибудь создать прочный и окончательный фундаментъ не только для нашихъ теорій о структурѣ человѣческой души, но и для всѣхъ нашихъ усилій поднять эту человѣческую душу на все болѣе высокій уровень счастья и нравственности.

Перев. Г. Федотовъ.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. Спб., Николаевская, 9.—Тел. 75-51.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МАТЕМАТИКѢ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуженн. проф. **А. В. Васильева.**

Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значенія ея.—Вундтъ. Общее ученіе о математич. методѣ.—Г. Грассманъ. Чистая математика и ученіе о протяженности—Б. Рессель. Принципы математики—А. Принсгеймъ. Цѣнность и мнимая нецѣнность математики Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 2. Пространство и время I.—В. Вундтъ. Пространство и время.—Э. Махъ Время и пространство.—Л. Пуанкарэ. Пространство и время.—П. Ланжевенъ Эволюція пространства и времени.—Л Гѣффтеръ. О четырехмѣрномъ мірѣ. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 3. Пространство и время II.—А Пуанкарэ. Почему пространство и время имѣютъ три измѣренія.—Ж. Гадамаръ. Анализъ положенія и его роль въ математикѣ.—К. Шварцшильдъ. О допустимой мѣрѣ кривизны пространства.—П. Гарцеръ. Звѣзды и пространство.—М. Фришейзенъ-Кёлеръ. Проблема времени. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 4. Ученіе о числѣ и дѣйствіе надъ нимъ.—В. Вундтъ. Числа и ихъ символы.—Таннери и Молькъ. Основные вопросы ариѳметики (печатается)

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ АСТРОНОМІИ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. **А. А. Иванова**

Сборникъ № 1 Космогоническія гипотезы.—А. Пуанкарэ. Космогоническія гипотезы.—Сванте Аррениусъ. Происхожденіе міровъ—Ш. Андре. Образованіе планетной системы—Полковникъ дю-Лигондесъ. Космогоническія гипотезы и положеніе солнечной системы во вселенной. Цѣна 80 коп

Сборникъ № 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе—А. А. Ивановъ. Внѣшняя форма и внутреннее строеніе земли по геодезическимъ и астрономическимъ наблюденіямъ.—Ш Лаллеманъ. Упругость земного шара въ связи съ приливами и отливами земной коры.—П. Пюизе. Внутреннее строеніе земли по даннымъ астрономіи, физики и геологіи. А. Левъ Измѣненіе фигуры земли подъ дѣйствіемъ деформирующихъ силъ.—Э. Г. Г. Геодинамика и фигура земли. Цѣна 80 к

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКѢ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслуженн. проф. **И. И. Боргмана**

Сборникъ № 1. Строеніе вещества.—Ж Перренъ. Броуновское движеніе и молекулы—П. Редзерфордъ. Современное состояніе атомической теоріи въ физикѣ.—И. И. Боргманъ. Возникновеніе электронной теоріи вещества—Л. Кельвинъ. Эфинусъ атомизированный—Л Кельвинъ. 3 мелкія статьи, относящіяся къ модели радіоактивныхъ атомовъ—Сэръ Дж. Дж Томсонъ. Распредѣленіе корпеслей въ атомѣ. Второе дополненное изданіе. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 2. Эѳиръ и матерія.—П. Ленардъ. Эѳиръ и матерія.—Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Взаимоотношеніе между матеріей и эѳиромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества.—М. Я. Якобсонъ. Опредѣленіе отношенія массы къ вѣсу въ случаѣ радіоактивнаго вещества (извлеч. изъ статьи Л. Саутсэрнса).—Н. Кемпбеллъ. Эѳиръ.—М. Планкъ. Положеніе новѣйшей физики по отношенію къ механич міровоззр. Второе дополн. изд. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 3. Принципъ относительности.—В. Бурсіанъ. Опытныя изслѣдованія по вопросу о вліяніи движенія вещества на эѳиръ.—І. Классенъ. Принципъ относительности въ современной физикѣ.—А. Эйнштейнъ. Принципъ относительности и его слѣдствія въ современной физикѣ.—Дж. Льюисъ и Рич. Тольманъ. Принципъ относит. и не-ньютоновская механика.—Ф. Франкъ. Принципъ относит. и изображеніе физич. явленій въ четырехмѣрномъ пространствѣ. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 4. Дѣйствія свѣта—И. И. Боргманъ. Петръ Николаевичъ Лебедевъ † П. Н. Лебедевъ. О давленіи свѣта.—П. П. Лазаревъ. О связи оптическихъ свонствъ вещества и фотохимическаго эффекта.—Б С. Швецовъ. Фотолюминесценція.—А. Ф. Іоффе. Фотоэлектрическія явленія. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 5. Природа свѣта.—П. С. Эренфестъ. Групповая скорость свѣта.—Ф. Ф. Соколовъ. Природа бѣлаго свѣта. Д. С. Рождественскій. Дисперсія свѣта.—А. Эйнштейнъ О развитіи нашихъ воззрѣній на сущность и строеніе лученспусканія.—Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Теорія структуры электрическаго поля и ея приложеніе къ Рентгеновскимъ лучамъ и свѣту. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 6. Природа теплоты.—О. Д. Хвольсонъ. Основныя положенія термодинамики.—М Планкъ. О новыхъ термодинамическихъ теоріяхъ. (Теорема Нернста и гипотеза квантъ).—В Винъ. О законахъ теплового излученія.—Г. Л. Каллендаръ. Представленіе о теплородѣ въ термодинамикѣ Цѣна **80** коп.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМІИ.

Неперіодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. **Л. А. Чугаева**

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы—В. А. Яковлевъ. Вантъ-Гоффъ.—Л. А. Чугаевъ Вантъ-Гоффъ и судьбы стереохимии.—Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ. О значеніи работъ Вантъ-Гоффа для минералогіи и геологіи.—В. А. Кистяковскій. Осмотическое давленіе по работамъ Вантъ-Гоффа.—А. А. Байковъ. Принципъ подвижного равновѣсія.—С. Аррениусъ. Свободная энергія.—Л. А. Чугаевъ. Структурно-стереохимическія представленія въ области неорганическои химіи. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 2. Радіоактивныя вещества.—В. А. Бородовскій. О радіоактивности.—Э. Редзерфордъ и Г. Гайгеръ. Электрическій методъ опредѣленія числа альфа-частицъ изъ радіоактивныхъ веществъ. — Э. Редзерфордъ и Г. Гайгеръ. Зарядъ и природа альфа-частицы.—Г. Гайгеръ. Ораз-

сѣяніи альфа-частицъ матеріей.—О Ганъ. О явленіяхъ радіоактивнаго отбрасыванія.—В. Брэггъ. Аппаратъ для опредѣленія пробѣга альфа-частицъ. Цѣна **80** коп.

Сборникъ №3 Валентность.—Л. Чугаевъ. Валентность — Абеггъ. Сродство и валентность.—Л. Чугаевъ Теорія Абегга и комплексныя соединенія.—І. Штаркъ. Ученіе о валентности на электро-атомистической основѣ. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 4. Радіоактивныя вещества II (печатается).

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ БІОЛОГІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессоровъ **В. А. Вагнера и Е. А. Шульца**

Сборникъ № 1 Что такое жизнь?—В. Ру. Замѣчанія къ реферату Макса Мюндена по поводу его хтонобласта и мнимаго полученія искусственнымъ путемъ живыхъ существъ.—Гансъ Пржибрамъ. Обзоръ мнѣній авторовъ о значеніи аналогіи между кристалломъ и организмомъ—Гансъ Дришъ Самостоятельность біологіи.—Отто Глэзеръ. Размышленія объ автономности біологической науки.—Ж. Лёбъ. Жизнь.—А. Готье. О состояніи жизни.—Е. Шульцъ Организмъ, какъ творческій процессъ. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 2. Смерть и безсмертіе (печатается).

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ МЕДИЦИНѢ

Непериодическое изданіе, выход подъ ред. проф. **А М. Левина** при ближайш. участіи проф. **Л В Блюменау**, проф **А. А. Кадьяна**, д-ра **Е. С. Лондона** и академика **И. П. Павлова.**

Сборникъ № 1. Радіотерапія.—К Норденъ. Радіоактивныя вещества въ терапіи.—К. Норденъ. Леченіе радіемъ внутреннихъ болѣзней—Луи Виккамъ. Примѣненіе радія въ гинекологіи.—Эдуардъ Шиффъ. Радіотерапія кожныхъ болѣзней. Цѣна **80** коп

Сборники № 2 и 3 готовятся къ печати

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
Н. О Лосскаго и Э Л. Радлова.

Сборникъ № 1. Философія и ея проблемы.—А Бергсонъ. Философская интуиція.—Э. Бутру. Объ отношеніи философіи къ наукѣ.—Г. Гомперцъ. Задачи ученія о міровоззрѣніи.—Э. Махъ. Философ. и естественно-научное мышленіе—В Дильтей Типы міровоззр и обнаруженіе ихъ въ метафизич. системахъ. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе.—А. Рей. Общій духъ современн. физики и цѣнность физич науки.—Г. Мило. Раціональная наука—Э. Махъ. Основныя идеи моей естеств.-научной теоріи познанія и отношеніе къ ней моихъ современниковъ. — М Планкъ. Теорія физ. познанія Маха. — Г. Гельмъ. Границы прим. мех. моделей въ физикѣ. — П. Дюгемъ. Физика качества.—Къ литературѣ вопроса. Цѣна **80** коп.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. Спб. Николаевская, 9.—Тел. 75-51

Сборникъ № 3. Теорія познанія I — Н. О. Лосскій Имманентная философія В. Шуппе —Д. В Викторовъ. Психол и философ. воззрѣнія Рихарда Авенаріуса.—Б. Яковенко. Теоретическая философія Э. Гуссерля. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 4. Что такое психологія?—К. Штумпфъ Явленія и психическія функціи.—В Шуппе. Понятіе психологіи и ея границы. — В. Джемсъ Существуетъ ли сознаніе? — Т. Липпсъ Пути психологіи. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 5. Теорія познанія II — В. Е. Сеземанъ. Теоретическая философія Марбургской школы —Э. Л. Радловъ. Мистицизмъ въ современной философіи —Л. Нельсонъ Невозможность теоріи познанія —П. Наторпъ Кантъ и Марбургская школа —Р. Эйслеръ Сознаніе и бытіе. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 6. Существуетъ-ли внѣшній міръ?--М. Фришейзенъ-Келеръ. Ученіе о субъективности чувственныхъ качествъ и его противники.—І. Ремке. Наша увѣренность въ существованіи внѣшняго міра.—В. Шуппе. Соллипсизмъ Ц. **80** к.

Сборникъ № 7. Теорія познанія III —Г. Риккертъ Два пути теоріи познанія —Т Райновъ Гносеологія Лотце.—С. Л. Франкъ. Прагматизмъ, какъ гносеологическое ученіе. Ц **80** к

Сборникъ № 8 Душа и тѣло.—Г. Риккертъ. Психофизическая причинность и психофизическій параллелизмъ —Э. Бехеръ. Законъ сохраненія энергіи и допущеніе взаимодѣйствія между душой и тѣломъ. — К Штумпфъ. Душа и тѣло. — Ж. Лебъ. Значеніе тропизмовъ для психологіи. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 9. Методы психологіи I —Э. Л. Радловъ Самонаблюденіе въ психологіи.—Г. И. Челпановъ. Объ экспериментальномъ методѣ въ психологіи—А. Ѳ. Кони Психологія и свидѣтельскія показанія.—Г. П Зеленый. Современная біологія и психологія —Г. Геймансъ. Методы соціальной психологіи. Ц. **80** к

Сборникъ № 10. Методы психологіи II.—Ю Филипченко. Предметъ зоопсихологіи и ея методы.—С. Сухановъ Патопсихологія.—Оршанскій. Пути и методы дѣтской психологіи. — В. Вундтъ. Психологія въ борьбѣ за существованіе. Ц. **80** к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ СОЦІОЛОГІИ.

Неперіодическое изд., выходящее подъ ред. проф.
М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти

Сборникъ № 1 Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе.—М. М. Ковалевскій. Соціологія на Западѣ и въ Россіи.—Е В. де-Роберти. Современное состояніе соціологіи.—П Сорокинъ Границы и предметъ соціологіи —Г. Зиммель. Задачи соціологіи. Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 2. Соціологія и психологія —Е. В. де-Роберти. Соціологія и психологія.—Г. Зиммель. Аналогія отношеній индивидуальной психологіи и соціологіи.—Тардъ. Психологія и соціологія.—Вундтъ. Психологія въ борьбѣ за существованіе — Сквилаче. Коллективная психологія, соціальная психологія и соціологія (печатается).

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. Спб. Николаевская, 9.—Тел. 75-51.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПЕДАГОГИНѢ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
Г. Г. Зоргенфрея.

Сборникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ.—Іоганнъ Геппъ. I Требованія воспитательной школы II Средства и пути. III Мои собственные опыты надъ самоуправленіемъ.—Самоуправленіе въ средней школѣ. 1 Докладъ Штейнеке. 2. Докладъ Зибурга 3 Къ вопросу о самоуправленіи въ средней школѣ Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 2 Трудовая школа –Г. Кершенштейнеръ. Понятіе о трудовой школѣ —Проф Шпрангеръ Учебная школа, трудовая школа, жизненная школа.—Н Державинъ. Родной языкъ и трудовая школа.--Л. Гриммъ Планъ организаціи трудовой школы Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 3 готовится къ печати.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИНѢ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
проф. **М И Тугана-Барановскаго**

Сборникъ № 1. Проблема распредѣленія общественнаго дохода (Печ.).

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ теоріи цѣнности, методологическимъ вопросамъ политической экономіи и др

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ ВЪ ШКОЛѢ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
проф **В А. Вагнера и Б. Е. Райкова.**

Сборникъ № 1 Отъ редакціи. — Владиміръ Вагнеръ Естествознаніе и школа.—П. Каммереръ Права и обязанности біологическаго метода въ преподаваніи естествознанія.—Б. Райковъ Опытная физіологія въ средней школѣ.--Г. Н. Бочъ. Первые уроки ботаники —П Келеръ. Грибки, объекты для практическихъ занятій по біологіи —К Ягодовскій Къ матеріаламъ по методикѣ экскурсіи. — Максъ Эттли Естественно-историческія экскурсіи Цѣна **80** коп.

Сборникъ № 2 Преподаваніе начальнаго природовѣдѣнія.—К. П Ягодовскій Первый курсъ изученія природы.—В. Ю. Ульянинскій. Нѣкот. вопросы методики природовѣдѣнія.—М. В Усковъ. Самодѣльн приборы, какъ наглядн. пособія на урокахъ природовѣдѣнія. — Б. Е. Райковъ. Практ занятія по неживой природѣ. Цѣна **80** коп

Сборникъ № 3 Обзоръ новѣйшей учебной и учебно-вспомогательной литературы по естествознанію.—Л. С. Севрукъ. Объ учебникахъ по начальному курсу неживой природы.--Г. Н. Бочъ Учебная и учебно-вспомогательная литература по ботаникѣ.—Б. Е. Райковъ Учебная литература по зоологіи — Проф. Ѳ. Е Туръ Обзоръ учебной литературы по физіологіи и анатоміи.—К. К. Баумгартъ. О новѣйшей русской учебной и учебно-вспомогательной литературѣ по физикѣ.—С. И. Созоновъ. Обзоръ литературы по химіи. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 4 готовится къ печати.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. Спб. Николаевская, 9.—Тел. 75-51.

ГЕОГРАФІЯ ВЪ ШКОЛѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей **Я. И. Руднева.**

Сборникъ № 1. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ —Я. И. Рудневъ. Изъ прошлаго учебной географіи Россіи. — С. И Чижовъ На свѣжую голову. — Э. Лесгафтъ Курсъ географіи въ средней школѣ.—К. М. Курдовъ О заключит. курсѣ географіи въ средней общеобраз. школѣ.—Н. Мальцева. Географія въ начальной школѣ Франціи.—Доклады въ геогр. отд уч. восп. комит. Педагог Музея воен.-учебн. зав. Цѣна **80** коп

—

Р. Авенаріусъ Филос., какъ мышл. о мірѣ согл. принц. наим. мѣры силы. Цѣна **60** коп.

А. И. Барановъ. Школьная астрономическая обсерваторія. Цѣна **40** коп

Отто Винеръ. Расширеніе нашихъ чувствъ Вступительная лекція. Цѣна **30** коп.

П. Дюгемъ Физическая теорія. Ея цѣль и строеніе. Ц. **2** руб.

Э. Гуссерль. Логическія изслѣдованія Пролегомены къ чистой логикѣ. Цѣна **1** руб **50** коп.

Ин. Караффа-Корбутъ Озонъ и его примѣн. въ промышл. и санитаріи. Цѣна **60** коп.

Н. Р Кемпбеллъ. Современная электрич теорія Ц. **2** р. **50** к.

Проф **Ф. В. Кюстеръ.** Таблица логарифмовъ. Цѣна въ переплетѣ **1** руб.

Ф. Кэниссэ. Астрономическая фотографія Изд. 2-е. Ц. **40** к

Г. Лоренцъ. Электронная теорія Цѣна **40** коп.

Эрнстъ Махъ. Механика. Историко-критическій очеркъ ея развитія Цѣна **3** руб.

Эрнстъ Махъ. Принципъ сохраненія работы. Исторія и корень его. Цѣна **40** коп.

Эрнстъ Махъ. Популярно-научные очерки. Цѣна **2** руб.

Ив. Менделѣевъ. Методъ математики. Жизнь и ученіе. Цѣна **80** коп.

Методъ въ наукахъ. Сборникъ статей. Цѣна **2** руб.

Т. Мюллеръ. Основные законы электрохиміи Цѣна **80** коп.

Р. Нимфюръ. Воздухоплаваніе. Научныя основы и техническое развитіе. Цѣна **1** руб. **25** коп.

В. Оствальдъ. Аналитическая химія Цѣна **1** руб **40** коп.

В. Оствальдъ. Исторія электрохиміи. Цѣна **1** руб. **25** коп.

Іозефъ Петцольдъ. Введеніе въ философію чистаго опыта, Изд. 2-е. Цѣна **2** руб.

М. Планкъ. 1 Единство физич. картины міра. Цѣна **25** коп. 2 Теоретич физика. Цѣна **70** коп

Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ Жизнь и ученіе Цѣна **1** руб **50** коп.

Генрихъ Риккертъ. Науки о природѣ и науки о культурѣ Цѣна **85** коп.

Фр Содди Химія радіоэлементовъ Цѣна **80** коп.

С Танатаръ и У. Куровскій Краткое руковод. по колич. анализу. Цѣна **1** руб. **25** коп.

П. Фолькманъ. Теорія познанія естественныхъ наукъ. Цѣна **2** руб. **50** коп.

Л А. Чугаевъ. Періодическая система химическихъ элементовъ. Цѣна **1** руб. **75** коп.

Н. К. Энгельмейеръ. Теорія творчества Цѣна **1** руб **50** к.

П. К. Энгельмейеръ Творч. личность и среда въ области изобрѣтеній Цѣна **1** руб

П. К. Энгельмейеръ. Руководство къ привилегированію изобрѣтеній. Цѣна **80** коп.

ПОПУЛЯРНАЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1. **В. Оствальдъ.** Очеркъ натуръ-философіи. Цѣна **70** коп.
2. **З. Гюнтеръ** Исторія естествознанія въ древности и средніе вѣка. Цѣна **50** коп.
3. **У. Рамсей—В Оствальдъ.** Изъ исторіи химіи Ц. **75** коп.
4. **В. А. Вагнеръ.** Біологическія теоріи и вопросы жизни. Цѣна **85** коп.
5. **У. Рамсей—В Оствальдъ** Популярно-научные очерки. Цѣна **70** коп.
6. **О. Гертвигъ.** Развитіе и наслѣдственность. Цѣна **70** коп
7. **А. Вагнеръ** Новый курсъ въ біологіи. Цѣна **80** коп.
8. **Феликсъ Ауэрбахъ.** Эктропизмъ или физическая теорія жизни. Цѣна **60** коп.
9. **Германъ Клейнъ.** Звѣздный міръ. Цѣна **60** коп.
10. Д-ръ мед **П. Г. Мезерницкій** Отъ теоріи къ жизни Цѣна **65** коп.
11. **М Фарадей.** Химическая исторія свѣчи. Цѣна **60** коп.
12. **Т Бееръ.** Міровоззрѣніе Эрнста Маха. Цѣна **60** коп.
13. **В Тильденъ.** Химическіе элементы. Цѣна **50** коп.
14. **Страсбургеръ.** Реальныя основанія ученія о наслѣдственности. Цѣна **50** коп

Періодическая система Д. И. Менделѣева. **Стѣнная таблица** (170×230 см.) съ прилож. объясн. брошюры подъ ред. проф. Спб. Универс. Л. А. Чугаева Цѣна **6** руб.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ. таблица и приложеніе признаны подлежащими допущ. въ качествѣ классн **пособія** для средн. учебн. завед. Главнымъ управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній таблица рекомендована въ хим. лабораторіи кадетскихъ корпусовъ.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“. Спб. Николаевская, 9.—Тел. 75-51.

УЧЕБНИКЪ ПРИРОДОВѢДѢНІЯ.

Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть первая **А. В. Нечаевъ:** Неживая природа. Съ 121 рисункомъ въ текстѣ, одной цвѣтной таблицей и тремя автотипіями. Изданіе второе. Цѣна **60** коп

Часть вторая. **В. Р. Заленскій:** Растенія. Съ 132 рисунками въ текстѣ, одной цвѣтной таблицей и одной автотипіей Цѣна **40** коп

Часть третья **Д. К. Третьяковъ:** Человѣкъ. **Ю. Н. Вагнеръ:** Животныя. Съ 90 рисунками въ текстѣ, тремя цвѣтными таблицами и двумя автотипіями Цѣна 50 коп.

Ученымъ Комит. Министерства Народн. Просв. всѣ три части одобрены въ качествѣ руководства для низшихъ классовъ средн учебныхъ заведеній.

Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности всѣ три части допущены въ качествѣ пособія для коммерческихъ учебныхъ заведеній.

Мэннъ и Твиссъ. Курсъ физики для средней школы.

Перев. съ англ Гг. Афанасьева, К. К Баумгарта, А А Добіаша и Д. С. Рождественскаго. Съ 196 рисунками въ текстѣ и 6 автотипіями. Цѣна **2** руб. **25** коп.

Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности учебникъ одобренъ въ качествѣ пособія для коммерческихъ училищъ.

А. А. ДОБІАШЪ

Курсъ электричества для средней школы. Съ 96 рис. Ц. **80** к.

Д. К. Третьяковъ Человѣкъ и животныя.

Учебникъ по курсу естествовѣдѣнія городск. по положенію 72-го года училищъ, женскихъ гимн. и кадетск. корпусовъ. Съ 405 рис. и одной цвѣтн. табл. Цѣна 90 коп.

Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности учебникъ одобренъ въ качествѣ пособія для коммерческихъ училищъ

А. Л. Гердъ Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ

Въ переработкѣ В. А. Герда.

Германъ Ганъ. Руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ въ средней школѣ.

Съ 225 рисунками подъ редакціей А. А. Добіаша. Цѣна **2** р.

Ив. Глинка. Опытъ по методикѣ физики

Лабораторные уроки въ средней школѣ Цѣна **70** коп.

Учен Комит. Мин. Нар. Просв книга признана **заслуживающей рекомендованія посредствомъ особаго циркуляра** вниманію Пед. Совѣтовъ средн. учебн. завед.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

МОСКВА-С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редакторъ-издатель П. Б. СТРУВЕ.

Открыта подписка на 1913 г.

Въ 1913 г. журналъ будетъ издаваться по тому же плану, который осуществлялся въ 1911 и 1912 гг., и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ. Въ литературно-критическомъ отдѣлѣ ближайшее участіе принимаетъ **В. Я. Брюсовъ.** Отдѣломъ естествознанія завѣдуетъ профессоръ-академикъ **В. И. Вернадскій.**

Условія подписки:

	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ доставк. и перес.				
Въ Россіи	15 руб.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу	17 руб.	12 р. 75 к.	8 р 50 к.	4 р. 25 к.

На одинъ мѣс. только для иногор. внутри Россіи 1 р 25 к.

Цѣна отдѣльнаго нумера въ продажѣ 1 руб 50 коп.

Принимаются подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ журнала: Нюстадская, д 6 (близъ Финляндскаго вокзала), въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы Сытцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова: СПБ, Гостиный дворъ и Москва на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

С.-Петербургъ, Нюстадтская, 6.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. Съ приложеніемъ трактата того-же автора: Введеніе въ метафизику. Перев. С. Гессена и М. Гринвальдъ. Ц. 1 р. 50 к.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX вѣка. Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьбы и гибель. Ц. 3 р.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Буниновъ и др. современники. Стр. 321. Ц. 1 р. 75 к.

В ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. подъ редакц. С. В. Лурье. Ц. 2 р. 50 к.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Ц. 1 р.

А. А КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ I. 1855—1881. Историческіе очерки. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к. (осталось ограниченное число экземпляровъ).

ЭДУАРДЪ ЦЕЛЛЕРЪ. Очерки исторіи греческой философіи, съ 9-го нѣм. изд. перев. С. Л. Франкъ. Ц. 1 р 80 к.

ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи къ образованнымъ людямъ, ее презирающимъ. Монологи Перев. съ нѣм. С. Л. Франка, съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Ц. 2 р. 50 к.

Готовится къ печати: ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ Перев. В. Ф.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства непосредственно, за перес. не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій при тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва. Пименовская ул., соб. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 годъ

на ежедневную общественно-политическую, литературную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Годъ изданія 40-й

2 раза ***БЕЗПЛАТНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ*** *въ недѣлю*

Рисунки дамскихъ модъ. ——— *Шахматы и шарады*

Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе столичные и мѣстные журналисты и писатели.

Въ 1913 году „Одесскій Листокъ“ будетъ выходить при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, значительно усиленномъ за послѣднее время Составъ сотрудниковъ безпрестанно дополняется новыми силами·

Подробный справочный отдѣлъ—въ немъ, между прочимъ, помѣщаются списки прибывшихъ въ кассу по уплатѣ наложенныхъ платежей Ю.-З Ж Д извѣщеній на отправленные грузы.

Завѣдуетъ редакціей И. В. АЛЕКСАНДРОВСКІЙ.

Секретаремъ редакціи свыше 30 лѣтъ состоитъ В Я. ЛУЧИНСКІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

Въ Одессѣ: съ доставкой на домъ.		На города: съ пересылкой по почтѣ.	
На годъ .	10 р. — к.	На годъ .	12 р. — к.
На полг. . .	6 р. — к.	На полг .	7 р. — к.
На 3 мѣс. . .	3 р. 50 к.	На 3 мѣс	3 р. 80 к.
На 1 мѣс.	1 р. 20 к.	На 1 мѣс .	1 р. 30 к.

Допускается разсрочка годовой подписной платы.

Въ Одессѣ въ 2 срока:
1 янв 5 р. и до 1 іюня 5 р.

Въ Одессѣ въ 3 срока
1 янв 4 р. къ 1 апр. 3 р. и къ 1 авг 3 р.

Для иногородн. въ 2 срока.
1 янв 6 р. и до 1 іюня 6 р

Для иногородн въ 3 срока:
1 янв. 4 р, къ 1 апр. 4 р. и къ 1 авг 4 р.

ЗА-ГРАНИЦУ къ иногородней цѣнѣ приплачив. 1 р. за каждый мѣс За перемѣну иногородн. адреса взимается 20 к. Квитанція на подписку оплачив гербовымъ сборъ въ 5 к. за сч. подписч. **Въ розничной продажѣ № газеты 5 к.**

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Впереди текста по 40 к за строку нонпарели въ одинъ столбецъ, а позади текста по 20 к. за печатн. строку нонпарели въ одинъ столбецъ за каждый разъ, на 2 и 3 стр. вверху текста 60 к за строку. Объявленія лицъ, ищущихъ мѣста или занятій, печатаются позади текста съ платою ниже таксы. Въ иллюстрированномъ приложеніи 40 к за строку на 4 стран.

КОНТОРА ГАЗЕТЫ открыта съ 9-ти час утра до 7 час. вечера въ Одессѣ Ланжероновская ул, рядомъ съ Городскимъ театромъ, въ домѣ редактора-издательницы С. М Навроцкой.

ТЕЛЕФОНЪ· редакціи— № 56, конторы—№ 28, типографіи—№ 120.

Редакторъ-издательница С. М НАВРОЦКАЯ

II-й г. изданія. Открыта подписка на 1913 г. II-й г. изданія.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗАВѢТЫ".

Въ ближайш. кн. 1913 г. будутъ напеч. произведенія **Гр. А. Н Толстого.** (Ком. въ 5 дѣйств «Лѣнтяй»), **Ю Балтрушайтиса** («Кочевинки», поэма, «Искры и Звѣзды», «Шелестъ травъ» и др.), **В. Винниченко.** («Федоръ Биланъ»), **Бориса Зайцева** («Грѣхъ»). **А. И. Иванчина-Писарева** (Изъ воспоминаній о «хожденіи въ народъ»), **М. Пришвина** («Въ слоновой долинѣ»), **А. Ремизова** («Сказъ и росказни»), «Вещь темная» и «Свѣтъ немерцающій»), **С. Сергѣева-Ценскаго** («Леракъ»), **Ѳ. Сологуба** (разск.), **И. Шмелева** («Поденка») и др.

Статьи: *А Баха, С. А. Венгерова, Ф. Вольховскаго, А Воронова, Н. Геккера, А. Гуковскаго, А. Дермана. С. Зака, Е. Звягинцева, Р. Иванова-Разумника, В. Лунневича, Г. Лягарделя. К. Качоровскаго, А Керенскаго, С. Метальникова, Н. Морозова, С. Мстиславскаго, Н. Огановскаго, Н. Ракитникова, М. Ратнера, Н. Русанова (Н. Е. Кудрина), Скива, Н. Суханова, Б. Берненкова, Виктора Чернова, Гр. Шрейдера и др.*

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: „Историческіе матеріалы по литературѣ и общественному движенію": *О А. Герценѣ, Н. Михайловскомъ, Н Чернышевскомъ, Г. Успенскомъ, И. С. Тургеневѣ, Петрашевцахъ, Каракозовѣ, М. Гоцѣ, и др.* **Дѣла и дни** —*Я. Вѣчевъ (В. Черновъ).* **Литература и общественность.**—*Р. Ивановъ-Разумникъ* **По градамъ и весямъ.**—*М. Пришвинъ.* **Свое и чужое** (русск. жизнь) —*С. Мстиславскій.* **Текущая жизнь.**

Подписная цѣна: на 12 мѣс.—10 р, на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—85 к. Отдѣльная книга 1 р., съ наложен. платеж. 1 р. 20 к За границу 13 р, 7 р. 50 к., 3 р. 25 к.

Подписавшіеся на весь 1913 годъ имѣютъ право получить комплектъ №№ 1912 года, вмѣсто **8** р за **5** р. Въ виду ограниченнаго количества оставшихся № № 1912 года, подписчики будутъ удовлетворяться въ порядкѣ послѣдовательности подписки.

Въ **1912 г.** напеч. **И. Бунина** («Веселый дворъ»), **В. Винниченко** («Исторія Акимова зданія»), **М. Горькаго** («Рожденіе человѣка»), **М. Пришвина** («Иванъ Осляничекъ»), **А. Ремизова** («Бисеръ малый») **В. Ропшина** («То, чего не было»), **С. Сергѣева-Ценскаго** («Около моря»), **И. Сургучева** («Торговый Домъ») и пр.

ВСѢ ВОСЕМЬ ВЫШЕДШИХЪ №№ РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ И НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ВЪ КНИЖН. МАГ.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—Косой пер., 11, уг. Соляного —*Телефонъ 193-27;* въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ почтов учрежд. Россіи по цѣнѣ редакціи, безъ доплаты за перес. денегъ. Въ Москвѣ складъ журн —кн. маг. «*НАУКА*», Б. Никитская.

Издательница *С. А. Иванчина-Писарева.*

Редакторъ *П. П. Инфантьевъ.*

Имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія Т-ва „Новое въ Медицинѣ“
С.-Петербургъ, Кузнечный, д. 18.

ДИТЯ.

Уходъ и физическое воспитаніе отъ рожденія до зрѣлости.

Подъ редакціей проф. д-ра *П. Зельтера*. Съ предисловіемъ проф. *Ф. Бидерта* Съ 147 рис. въ текстѣ. 453 стр Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія.

Цѣна въ изящномъ переплетѣ **1** руб. **50** коп безъ пересылки.

Проф. П. Эрлихъ.

БІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

1. Экспериментальныя изслѣдов. о специфич. терапіи. 2. О современномъ состояніи ученія о ракѣ. 3. О современной химіотерапіи. 4. О частичн. функціяхъ клѣтки.

Перев. съ нѣм. д-ра Е. С. ТАЛЬ.

Цѣна въ изящномъ переплетѣ **3** руб. **75** коп съ пересылкой

Д-ръ М. Порошъ.

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ, ЕЯ ФИЗІОЛОГІЯ И ПАТОЛОГІЯ.

ДЛЯ ВРАЧЕЙ, ЮРИСТОВЪ, РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Пер. съ нѣм. подъ ред. доц. Н. А. МИХАЙЛОВА.

Цѣна въ изящномъ переплетѣ **1** руб. **75** коп. съ пересылкой.

Д-ръ мед. Georg Buschan.

СПОРТЪ и СЕРДЦЕ.

Перев. съ нѣмецк. д-ра П. Б. ВАКСА.

Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для библіотекъ средн. учебн. завед.

Цѣна **40** коп, съ пересылкой—**50** коп. (можно и марками).

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ и ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, въ 24 и 32 стр. каждый,
подъ редакціей приватъ-доцента В Ф. Кагана.

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросамъ преподаванія математики и физики. Опыты и приборы Научная хроника. Разныя извѣстія Математическія мелочи. Темы для сотрудниковъ. Задачи для рѣшенія Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Упражненія для учениковъ. Задачи на премію. Библіографическій отдѣлъ: обзоръ спеціальныхъ журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ.

Статьи составляются настолько популярно, насколько это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла.

Предыдущіе семестры были **рекомендованы:** Учен. Ком Мин. Нар. Пр.—для гимн. мужск и женск., реальн уч, прогимн., городск. уч. учит инст и семин. Главн. Упр. Военно-Учебн. Зав.—для военно-уч завед.; Учен. Ком. при Св Синодѣ—для дух. семин. и училищъ.

Пробный номеръ высылается за одну 7-коп. марку.

Важнѣйшія статьи, помѣщенныя въ 1912 г.
48-ой семестръ.

Прив-доц. В. Каганъ. Соображенія относительно постановки дѣла подготовленія учителей математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ В Б. ф. Чудноховскій. Изъ физики судоходства Ф. Массонъ. О жизни и дѣятельности АНРИ ПУАНКАРЕ А. Пуанкаре. Взаимоотношенія между матеріей и эфиромъ Проф. Б. П. Вейнбергъ Центръ массъ, распредѣленныхъ на части земной поверхности. І И. Чистяковъ. Элементы теоріи чиселъ въ средней школѣ. В. Винъ. О законахъ излученія тепла. А. Кулишеръ. Памяти РОБЕРТО БОНОЛА. Н. Болинъ Перемѣнныя звѣзды. Прив-доц. В. Каганъ. По поводу интуиціи въ новой геометріи. Проф Д. Синцовъ V-й Международный Математическій Съѣздъ въ Кембриджѣ. Прив.-доц. В Ф. Каганъ О преобразованіи многогранниковъ. А Риги Новая физика. Ф. Генкель. Зодіакальный свѣтъ Проф. Д Е Смитъ. Интуиція и опытъ при преподаваніи математики въ средней школѣ. Д. Крыжановскій О максимальныхъ и минимальныхъ свойствахъ плоскихъ фигуръ. Л. Видеманъ Новое перпетуумъ мобиле. А. Б-чъ О построеніи правильныхъ многогранниковъ. Дж. Чіамичіанъ Фотохимія будущаго. Проф. М. Ламоттъ. Термометрія и калориметрія при очень низкихъ температурахъ. П. Бургатти. ПУАНКАРЕ о космогоническихъ гипотезахъ.

Условія подписки: Подписная цѣна съ перес. за годъ **6 р.**, за полг **3 р.** Учителя и учительницы низшихъ учил. и всѣ учащіеся, выписывающіе журналъ **непосредственно изъ конторы редакціи**, платятъ за годъ **4 р.**, за полугодіе—**2 р.** Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ контор редакц. Книгопр. 5% уступки

Тарифъ для объявленій: за страницу **30** руб.; при печатаніи не менѣе **3** разъ—**10%** скидки, 6 разъ—**20%**, **12** разъ—**30%**

Журналъ за прошлые годы по 2 р 50 к, а учащимся и книгопродавцамъ по 2 р за семестръ. **Отдѣльные номера** текущаго семестра по 30 к., прошлыхъ семестровъ—по 25 к

Адресъ для корреспонденціи: **Одесса. Въ редакцію „Вѣстника опытной физики“.**

Открыта подписка на 1913 годъ

НА

„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“.

IV годъ изданія

Редакторъ-Издатель В. А. ПОССЕ.

Редакція ставитъ своей задачей облегчить мыслямъ и чувствамъ широкихъ массъ русскаго народа объединиться съ мыслями и чувствами выдающихся представителей человѣчества въ ихъ творчествѣ истины и справедливости.

„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“ выходитъ въ двухъ изданіяхъ.

Подписчики I-го изданія получаютъ 12 книжекъ журнала (2000 страницъ убор. печати) съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги и 3 приложенія:

Н. А. Рубакинъ. Исторія земли.

М. Слобожанинъ. 50-лѣтіе земства (обширный трудъ, дающій обзоръ дѣятельности земства за 50 лѣтъ)

В. А. Поссе. Исторія царствованія Николая II. (Исторію царствован. Александра II и Александра III, изданную, какъ прилож. къ 1912 г., новые подписч на 1913 г. могутъ получить за приплату 50 к.).

Цѣна I-го изданія на годъ съ доставкой и перес. 3 руб.

Допуск. разсрочка: при подпискѣ 1 р.; къ 1 марта—1 р. и къ 1 сент.—1 р.

Подписчики II-го изданія получаютъ тѣ же 12 книжекъ журнала, тѣ же три прил. и, кромѣ того, 12 томовъ, въ которые войдутъ:

1) „Жизнь Россіи“. (Подробное описаніе страны и ея населенія. Въ 1913 году будутъ разосланы томы съ краткимъ описаніемъ всей Россіи и съ подробными описаніями Петербурга (научный, художств и обществ. путевод.), Сибири и Дальняго Востока.

2) Сочиненія Фр. Ничше: „Такъ говорилъ Заратустра“ въ пер. **Ю. М. Антоновскаго** и Афоризмы. Къ сочиненіямъ будетъ прилож. очеркъ „Жизнь и творчество Ничше“

3) Максъ Штирнеръ. Полный перев. соч.. „Единственный и его собственность“ и очеркъ его жизни и творчества съ критикой его ученія.

4) І. Фихте. Переводъ его популярнаго труда „Назначеніе человѣка“ и очеркъ его жизни и творчества.

5) Л. Н. Толстой. „Путь жизни“. Педагогич. статьи. Разсказы и переводы для дѣтей. Ученіе Христа. Очеркъ жизни и творчества Толстого.

Цѣна II-го изданія (12 книжекъ журнала и 15 томовъ приложеній) **6 руб. 60 коп.** съ доставкой и пересылкой.

Допускается разсрочка. при подпискѣ 2 р 60 к; къ 1 марта—2 р. и къ 1 сентября—2 р.

За приплату 3 р. 60 к. подписчики какъ I-го, такъ и II-го изданія получаютъ еще 12 томовъ соч Л. Н. Толстого (всѣ художественныя произведенія, написанныя послѣ 1880 г, и главнѣйшія религіозно-философскія), въ изящномъ изданіи съ иллюстраціями

Деньги слѣдуетъ посылать въ **С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 22, редакція „ЖИЗНИ для ВСѢХЪ“.**

За исполненіе условій подписки принимаетъ на себя отвѣтственность *Влад. Александр. Поссе.*

С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 22

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

24-й годъ изд. **24-й годъ изд.**

на общепедагогическій журналъ
для учителей и дѣятелей по народному образованію

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Программа журнала: Общіе запросы образованія и воспитанія Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія различныхъ предметовъ. Исторія школы Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учрежденій по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи Женское образованіе Профессіональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ **слѣдующіе постоянные отдѣлы:** I. Экспериментальная педагогика. **подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцева.** II. Критика и библіографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, **подъ ред. А. Я. Гуревичъ** III. Хроника общаго и професс. образованія въ Россіи и заграницей. IV. Хроника библотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія V. Разныя извѣстія. VI. Новости литературы. VII. Новѣишія правительственныя распоряженія и законодательныя постановленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Х. Д Алчевская, Ц П. Балталонъ, проф. И Бодуэнъ де-Куртенэ, Н. Борецкій-Бергфельдъ, Н. Бочкаровъ, Э. Вахтерова, В. П Вахтеровъ, проф. Б. Веинбергъ, д-ръ А. Владимірскій, Ч. Вѣтринскій, проф. И. Гревсъ, проф. А. Грунскій, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, Евг. Елачичъ, проф. П. Заболотскій, С. Золотаревъ, Г. Г. Зорденфрей, Н. Н. Іорданскій, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. П. Карѣевъ, В. Келтуяла, чл Г. Думы Ив. Клюжевъ, проф. Н. М Книповичъ. Н. И. Коробко, проф. П. Лапшинъ проф. А. Лазурскій, Э. Ф. Лесгафтъ, проф. Т. Локоть, П. Г. Мижуевъ, А. Мезіеръ, проф А. Музыченко, проф А. П. Нечаевъ, М. Новорусскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л. Оршанскій, А. Н. Острогорскій, проф. А. Л. Погодинъ, д-ръ В. Рахмановъ, Б Ранковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. Г. И. Россолимо, Н. А. Рубакинъ, Н Е. Румянцевъ, С. Ф Русова, С. И. Сазоновъ, Л. С. Севрукъ, Н. М Соколовъ, М. М. Соловьевъ, А. Стаховичъ, Чл. Г. Думы І. Титовъ, П. А. Томилинъ, М Тростниковъ, Г. Г. Тумимъ, В А. Флеровъ, А. П. Флеровъ, Б Р. Фроммет, проф. Г В. Хлопинъ. В. П Чарнолусскій, В П Чернышевъ, Н. В. Чеховъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, кн Д П. Шаховскои, А. Яцимирскій и др.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ листовъ,

Подписная цѣна: въ СПБ. безъ дост —**семь** р., съ дост. 7 р. **50** к для иногородн.—**восемь** руб., заграницу—**девять** руб въ годъ. Для **сельскихъ учителей,** выписыв. журналъ за свой счетъ—**шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ—3 р. и къ 1 іюля—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз, **уступка въ 15%.** Книжн. магазинамъ за **комиссію 5%** съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкои и уступкой **только въ конторѣ** редакціи (С.-Петербургъ, Лиговская, д. 1).

Редакторъ-издатель **Я. Я. ГУРЕВИЧЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1913** г.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ

БЕЗПАРТІЙНУЮ ГАЗЕТУ.

ДЕНЬ

Въ газетѣ принимаютъ участіе: К. В. Агѣевъ, Е. А Адамовъ, Влад, Азовъ, А. В. Амфитеатровъ, Аркадій Аверченко, С. Я. Арефинъ, Н П. Ашешовъ, І. М. Бикерманъ, Б. П. Брюлловъ, В. Ѳ. Боцяновскій, Арк. Буховъ, Н. Я. Быховскій, А. Л. Волынскій, В. Н. Воробьевъ, Л. Н. Войтоловскій, Зин. Венгерова, Е. А. Вулихъ, Б. Ф. Гейеръ, В. Л Жаботинскій, С. О. Загорскій, А. С. Залшупинъ, Д. Заславскій (Homunculus), О. Дымовъ, Homo Novus, О. Я. Кобецкій, В. П. Коломійцовъ, Э. Ю. Коппъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Р. Кугель, И. О. Левинъ, Б. П Лопатинъ (Шуйскій), А. В. Луначарскій, С. Мстиславскій, В А. Мукосѣевъ, С. Надеждинъ, М. В. Новорусскій, О. Л. Д'Оръ, С. Т. Патрашкинъ, Пьеръ Пьерро, Г. Я. Полонскій, П. Потемкинъ, А. А. Радаковъ, Г О Розенцвейгъ, В. Рудинъ, Н. П. Хессинъ, А. М. Хирьяковъ, И. Е. Щеголевъ и друг.

Широкая постановка информаціи, собственныя телеграммы, многочисленные рисунки, шаржи и каррикатуры.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой на 12 м.—**10** р., на 11 м.—**9** р. **25** к., на 10 м.—**8** р. **50** к., на 9 м.—**7** р. **50** к., на 8 м.—**6** р. **90** к., на 7 м.—**6** р. **10** к., на 6 м.—**5** р. **30** к., на 5 м—**4** р., **50** к., на 4 м.—**3** р. **65** к., на 3 м.—**2** р. **80** к., на 2 м.—**1** р. **90** к., на 1 м.—**1** р.

При подпискѣ съ 1 января на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ—**4** р., въ апрѣлѣ—**3** р., въ августѣ—**3** р. При подпискѣ же на срокъ менѣе года разсрочка не допускается.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ **при непосредственномъ обращеніи въ главную контору:** на 12 м.—**8** р.; 9 м.—**6** р. **20** к.; 6 м.—**4** р. **25** к.; 3 м.—**2** р. **20** к.; 1 м.—**75** к

При годовой подпискѣ разсрочка при подпискѣ **3** р., въ апрѣлѣ **3** р и въ августѣ **2** р.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО №—5 КОП.

Газета «ДЕНЬ» продается во всѣхъ кіоскахъ жел. дорогъ и у газетчиковъ во всѣхъ городахъ Россіи.

Адресъ Главной Конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 69.

Тел. 205-68 и 464-45.